

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

ПЕТРУНИНА Анастасия Алексеевна

**ЕДИНСТВО СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ КАК ФАКТОР
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, Почетный
работник высшего образования РФ
Сенякин Иван Николаевич

Саратов – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Общая характеристика и тенденции развития со- временного российского законодательства	22
ГЛАВА 2. Единство судебной практики — важнейший пока- затель оптимизации законодательства Российской Федерации: понятие и сущность	56
ГЛАВА 3. Средства и способы обеспечения единства судебной практики	94
ГЛАВА 4. Единство судебной практики и судебный преце- дент: соотношение и взаимосвязь	115
ГЛАВА 5. Формы и средства имплементации опыта судебной практики в систему российского законодательств	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	155

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Наличие эффективного механизма обеспечения единства судебной практики является важнейшим условием нормального функционирования правосудия и одним из жизненно необходимых факторов, содействующих процессу совершенствования действующей системы законодательства. Оценить судебную практику на предмет ее единства значит понять, насколько эффективно организована судебная система и способна ли она вершить правосудие ради достижения задач и целей, поставленных государством и обществом в современных условиях. Поэтому рассмотрение подобного круга вопросов, несомненно, входит в число приоритетных для отечественной юридической науки, причем как в плане проработки концептуальных общетеоретических основ понимания единства судебной практики, так и в аспекте постоянного мониторинга, накопленного в ее рамках социально-правового опыта в целях его своевременного и наиболее полного использования в правотворческой деятельности в связи с необходимостью дальнейшего совершенствования системы законодательства.

На сегодняшний день единообразная судебная практика учитывается законодателем при внесении поправок в уже действующие нормативные правовые акты либо при подготовке нового законопроекта, что является положительной тенденцией в деле развития системы законодательства, а также позволяет говорить о единстве судебной практики как о совершенствующем ее факторе.

Современное российское законодательство переживает сложный этап трансформации, сопровождающийся противоречивыми процессами, выраженными в многочисленных дефектах, сопутствующих ему на различных стадиях правотворчества, в неясности установленных в нем положений, в неэффективности предусмотренных механизмов реализации нормативных правовых предписаний или полном их отсутствии. Действующая система законодательства во многом не успевает адаптироваться к быстрым меняющимся

потребностям российского общества, своевременно и адекватно регулировать уже существующие общественные отношения, а также стимулировать развитие новых. Ввиду этого назревшие проблемы в сфере оптимизации законодательства требуют тщательного осмысления причин и времени их возникновения как на этапах правотворчества, так и правоприменительной деятельности, а также поиска путей их преодоления. Анализ современной правовой действительности позволяет сделать вывод о том, что такая роль на сегодняшний день принадлежит в том числе органам судебной власти. Суд служит надежной опорой и инструментом защиты современного законодательства от нарушения его предписаний, а также эффективным средством в процессе его совершенствования.

Значение судебной практики в деле дальнейшего развития положений права и законодательства сложно переоценить. В нынешних условиях система судебной власти фактически «... формирует, в частности, прецедентное понимание смысла правового регулирования общественных отношений в рамках подведомственных судам категорий дел и тем самым как бы осуществляет его детализацию, выявляет, обосновывает, конкретизирует имеющие по сути конституционное значение общие начала (принципы) законодательства; устраняет из правовой системы неконституционные нормативные акты с учетом разграничения полномочий между судами различных видов юрисдикций»¹.

Очевидным представляется факт усиления тенденции на усложнение корреляционных связей между системой нормативно-правовых актов и положениями, выраженными в правовых позициях судов. Наряду с этим необходимо учитывать и особую объективную взаимосвязь развития процессуального законодательства и нормативных предписаний о судопроизводстве с

¹ Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11(203). С. 16.

проблемой обеспечения единства и эффективности судебной практики на всех уровнях направления правосудия.

Обеспечение единства судебного правоприменения общепризнано и трактуется в качестве одной из важнейших задач высших судебных инстанций, чему служит иерархическое строение судебной системы, а также конституционное наделение высших судов соответствующими полномочиями. Нарушение единства судебной практики неизбежно вызывает нарушение принципов равенства всех перед законом и судом, правовой определенности и стабильности, верховенства закона, а в итоге является одной из причин недостижения важнейшей цели, стоящей перед правосудием по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина.

Это тем более важно, что по сути в современных условиях речь также должна вестись и о необходимости установления более эффективного механизма по взаимообогащению правотворческой и правоприменительной практик. Существенную роль в диалектическом процессе их взаимодействия играют именно органы судебной власти. Однако далеко не всякая судебная практика в состоянии оказывать позитивное влияние на процесс развития права и законодательства. По этому вопросу в литературе имеется весьма ценное высказывание дореволюционного авторитетного цивилиста Ю.С. Гамбара, не потерявшее своей актуальности и в настоящий момент: «... Только не нужно забывать, что источником права, отличным от закона и обычая, но тем не менее источником настоящего объективного права, служит только однородная судебная практика, а не судебное решение, взятое в отдельности»¹. Следовательно, именно судебная практика, характеризующаяся должным уровнем единства и единообразия, достигнутого и выраженного, в первую очередь, в правовых позициях высших судов, выступает важнейшим инструментом содействия процессу совершенствования законодательства и развития права в целом.

¹ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В.А. Томсина (переизд. 1911 г.). М., 2003. С. 350.

Несмотря на известные достижения в области реформирования судебной системы, повышения качества ее работы за последнюю четверть века, едва ли можно утверждать, что все проблемы российского правосудия нашли свое наиболее оптимальное решение. Показателем их нерешенности являются опубликованные позиции высших судебных инстанций и непрекращающиеся изменения и дополнения в системе нормативных правовых актов, затрагивающих организацию и осуществление деятельности судов.

Однако представляется, что не меньшие, а даже большие отрицательные последствия для обеспечения единства правового пространства страны влечет то обстоятельство, что значительная часть судебных актов, включая целый ряд актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, не публикуется. В настоящее время по-прежнему имеет место недостаток транспарентности в организации и функционировании судебной системы, что существенным образом затрудняет учет положительного правового опыта, накопленного в ходе судебной практики, для процесса совершенствования российского законодательства. В связи с этим потенциал возможного положительного влияния судебной практики на формирование единого правового пространства в современной России недопустимо и искусственно ограничен. Актуальными являются задачи по обеспечению надлежащего уровня взаимодействия законодателя и правоприменителя в лице органов судебной власти по выстраиванию эффективного механизма влияния судебной практики на трансформацию нормативной правовой материи, без чего дальнейшее развитие последней представляется если не невозможным по многим направлениям, то, как минимум, неполноценным и неадекватным современным потребностям общества.

В последние годы особенно остро ставится вопрос об унификации процессуального законодательства, что повлекло за собой разработку Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, одобренного решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 (1).

В настоящий момент активно обсуждаются основные положения данного документа в научном юридическом сообществе¹. При этом следует отметить тот факт, что излишняя дифференциация судебной практики и ее разобщенность по целому ряду моментов продолжает иметь место. Деятельность Верховного Суда РФ по контролю за работой нижестоящих органов далека от совершенства. В частности, по-прежнему значительные сегменты судебной практики оказываются за пределами его надлежащего анализа и оценки, что в итоге ведет к возможным нарушениям принципов законности и равного доступа к судебной защите. Как следствие, не в полной мере реализуемые социально-правовые потребности в дальнейшем повышении единства судебной практики находят отражение в правотворческой деятельности, направляя законодателя к все более широкой и глубокой унификации норм, устанавливающих порядок осуществления гражданского, административного, арбитражного и уголовного судопроизводств.

Кроме того, наделение правом законодательной инициативы высших судов в России уже продолжительное время вызывает широкую дискуссию в отечественной юридической науке и получает весьма неоднозначную оценку на практике. Отличаются злободневным характером проблемы содержания и механизма реализации права законодательной инициативы высших судебных инстанций и правомерность предоставления Конституционному Суду РФ и Верховному Суду РФ подобного права. Актуальны вопросы не только содержания права законодательной инициативы судов, но и правомерности предоставления подобного права. Другими словами, ставится под сомнение необходимость и целесообразность наделения высших судов каналом прямого участия в законотворческой деятельности. Проблема соотношения прямой и опосредованной форм влияния судебной практики на процесс совершен-

¹ См.: Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М. и др. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). С. 5–25.

ствования законодательства на практике и в теории остается не до конца разрешенной.

Отдельно дискутируется возможность предоставления права законодательной инициативы судам в правотворческом процессе субъектов РФ. В ряде регионов Российской Федерации рассматриваемое право предоставлено как федеральным судам общей юрисдикции субъектов РФ, так и арбитражным судам субъектов РФ.

Представляется, что вышеобозначенные узловые и актуальные вопросы места и роли судебной практики в деле совершенствования системы российского законодательства до настоящего момента не получили комплексного освещения на уровне общей теории права и государства, а накопленные отраслевыми юридическими науками знания в данной области пока не удостоились всестороннего обобщения.

Степень научной разработанности темы. Вопросы понятия, системы, структуры и содержания, функционирования и развития традиционно предполагаются и обстоятельно раскрываются на уровне общей теории права как в отношении законодательства, так и касательно судебной практики. Однако это зачастую осуществляется вне рассмотрения сложной диалектической связи между данными важнейшими составляющими правовой системы общества. Сложноорганизованный характер взаимодействия системы нормативных правовых актов и судебной практики, в первую очередь выраженных в ней позиций высших судебных инстанций не находит своего комплексного отражения в юридической литературе.

Отдельные аспекты общей теории права и судебного правоприменения, необходимые для понимания связи судебной практики и процесса трансформации системы законодательства, разрабатывали А. Барак, И.Ю. Богдановская, С.Н. Братусь, Е.В. Васьковский, А.Б. Венгеров, Н.Н. Вопленко, П.А. Гук, В.В. Ершов, В.М. Жуйков, Л.Н. Завадская, С.К. Загайнова, А.Я. Капустин, В.Н. Карташов, В.П. Кашепов, Н.А. Колоколов, В.В. Лазарев, В.М. Лебедев, Р.З. Лившиц, А.А. Малюшин, М.Н. Марченко, Л.А. Морозова,

Т.Н. Нешатаева, О.А. Папкова, А.А. Петров, И.Л. Петрухин, В.П. Реутов, Е.И. Спектор, Б.Н. Топорнин, Т.Я. Хабриева и др.

Что же касается теоретических основ понимания системы, структуры, элементного состава и общих закономерностей формирования и функционирования законодательства, то они заложены в трудах следующих авторов: С.С. Алексеева, Ю.Г. Арзамасова, М.И. Байтина, В.М. Баранова, Н.А. Власенко, Д.В. Гусева, В.М. Манохина, А.С. Пиголкина, С.В. Полениной, Т.Н. Рахманиной, И.С. Самошенко, И.Н. Сенякина, Ю.А. Тихомирова, А.Л. Ушакова, Т.Я. Хабриевой, Ц.А. Ямпольской и др.

В последние годы были предприняты существенные усилия со стороны целого ряда исследователей в рамках подготовки соответствующих диссертаций, направленные на комплексное раскрытие тех или иных сторон системного видения российского законодательства. В их числе: В.Н. Барсукова, Д.В. Гусев, И.Г. Дудко, С.В. Ермоленко, А.А. Зелепукин, М.И. Милушин, П.В. Ремизов, А.А. Титова, Е.Э. Черенкова, А.Д. Шминке и др.

Говоря же об исследованиях единства судебной практики с общетеоретической точки зрения, следует отметить, что комплексного монографического исследования, посвященного рассмотрению данной проблемы, на сегодняшний день не существует. В основном исследование единства судебной практики проходит в рамках отраслевых процессуальных наук. Так, указанная проблема освещалась в работах Г.А. Вишневского, Л.А. Грось, И.И. Дицарева, С.В. Потапенко, М.Л. Позднякова, Ю.А. Поповой и др.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в науке теории права в настоящий момент наблюдается возрастание интереса к вопросам понятия и природы правовых позиций судов, которые составляют важнейшую часть внешне объективированного опыта, накопленного в рамках судебной практики. Наиболее полно указанная тематика рассматривается в трудах В.М. Баранова, Н.А. Власенко, А.В. Гриневой, В.Г. Степанкова, Ю.А. Тихомирова, Б.В. Щавинского и др.

Вместе с этим нельзя не выделить постоянно усиливающееся влияние единства судебной практики на правовую действительности, что вызывает необходимость в определении места и роли единства судебной практики в процессе совершенствования российского законодательства и дальнейшего развития отечественной правовой системы в целом. В целях восполнения обозначенного пробела в знаниях общей теории права и было предпринято настоящее исследование.

Объектом диссертационного исследования выступает совокупность юридически значимых общественных отношений, связанных с установлением самого требования единства судебной практики в нормах российского законодательства и правовых позициях судов, с выстраиванием механизма реализации данного принципа в правоприменительной практике, с имплементацией результатов позитивного опыта, накопленного судебной практикой, в систему нормативных правовых актов.

Предмет исследования составляют наиболее общие закономерности формирования и развития принципа единства судебной практики, основные аспекты взаимосвязи законодательства и судебной практики, научные понятия и представления о последних, а также наиболее общие направления и формы воздействия судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства.

Цель диссертационного исследования заключается в комплексном общетеоретическом анализе феномена единства судебной практики в различных аспектах его проявления, формировании основ общетеоретической моделиialectического взаимодействия судебной практики и системы российского законодательства в процессе ее совершенствования, определении форм, способов и средств учета опыта судебной практики в правотворческом процессе.

Достижение указанной цели обусловило постановку и последовательное решение следующих **задач**:

дать общую характеристику современной системы российского законодательства и проанализировать основные тенденции ее развития;

критически проанализировать различные подходы к пониманию судебной практики;

уточнить функции судебной практики в правовой системе общества;

сформулировать определение принципа единства судебной практики и раскрыть его основное содержание;

определить место и роль единства судебной практики в системе общеправовых принципов;

предложить авторское видение механизма обеспечения единства судебной практики;

дополнить знания о диалектике взаимосвязи судебной и правотворческой практик;

выявить основные формы, способы и средства воздействия единообразной судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства;

обосновать ряд практических предложений по оптимизации процесса имплементации положительного опыта, накопленного в рамках судебной практики, в систему российского законодательства.

Методологическая основа диссертационной работы. Мировоззренческой основой исследования является материалистическая диалектика и вытекающие из нее общие принципы познания, посредством которых были раскрыты основные аспекты взаимосвязи судебной практики и законодательства, определена социальная обусловленность их совместного поступательного развития. В процессе описания содержания, структуры и функционирования судебной практики и законодательства активно применялся системный подход. С помощью логического и формально-юридического методов были сформулированы и уточнены понятия «судебная практика», «единство судебной практики», «формы и средства воздействия судебной практики на законодательство».

По отдельным вопросам темы был предпринят ретроспективный анализ, что позволило выявить причины и условия использования тех или иных

средств механизма обеспечения единства судебной практики, форм и способов учета ее положительного опыта в процессе совершенствования российского законодательства.

В ходе исследования нашел применение сравнительно-правовой метод при сопоставлении единства судебной практики и таких принципов, как правовая определенность и стабильность, верховенство закона, равенство всех перед законом и судом, баланс частных и публичных интересов и др.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации; международно-правовые нормы и принципы, обозначенные в международно-правовых актах; федеральные законы; подзаконные нормативно-правовые акты федерального уровня; законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Федерации.

Эмпирической базой исследования послужили судебная практика Европейского суда по правам человека, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, судебная практика Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, опубликованные в материалах судебной практики.

Теоретической основой работы являются труды по общей теории государства и права, а также специально-отраслевые исследования по конституционному, гражданскому процессуальному, уголовно-процессуальному, административному, арбитражному праву, посвященные понятию и сущности принципов права и законодательства, а также правовой природы единства судебной практики, влияния последней на правотворческую деятельность, в том числе и на процесс совершенствования системы законодательства.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой одно из первых комплексных общетеоретических исследований феномена единства судебной практики в качестве фактора совершенствования российского законодательства.

Специфика работы состоит в детальном анализе положительного воздействия судебной практики, отвечающей основным критериям единства, на российское законодательство с точки зрения его оптимизации, что было отражено, в частности, в следующем:

уточнено понятие и функциональная характеристика судебной практики в российской правовой системе;

представлены авторские суждения по вопросу понятия и параметров (признаков) единства судебной практики, включая выделение двух аспектов его сущности в качестве отправного начала (принципа) — формального и содержательного;

обобщены знания отраслевых юридических наук о связи принципа единства судебной практики с конституционными принципами равенства, справедливости, приоритета прав и свобод человека и гражданина, правовой определенности и стабильности, верховенства Конституции и закона, принципа баланса частных и публичных интересов и др.;

предложено авторское видение механизма обеспечения единства судебной практики, включая анализ двух его основополагающих способов — аналитического (абстрактного моделирования правовых позиций) и описательного (казуистического, используемого применительно кциальному случаю);

выдвинут ряд новых аргументов в объяснении диалектической связи судебной (правоприменительной) и правотворческой практик;

выделены и проанализированы две основные формы воздействия судебной практики на процесс совершенствования законодательства — прямая (непосредственная) и косвенная (опосредованная);

определен баланс в процессе использования инструментов прямой и опосредованной имплементации опыта судебной практики в предписания законодательства;

дополнено теоретическое обоснование специального (ограниченного) права законодательной инициативы у высших судов в Российской Федерации;

сделан ряд новых обобщений по вопросу рассмотрения правового мониторинга, правовых позиций судов, дисквалификации закона, технико-юридической конкретизации правовых предписаний, аналогии закона и аналогии права в качестве средств опосредованной формы влияния судебной практики на развитие системы законодательства;

выдвинут ряд аргументов в пользу необходимости модернизации механизма реализации постановлений высших судебных инстанций, а также уточнено его значение в деле совершенствования российского законодательства посредством обобщения отраслевого юридического знания.

Решение обозначенных задач на общетеоретическом уровне позволяет, по мнению диссертанта, уточнить и развить отдельные положения теории юридической практики и общего учения о законодательстве; восполнить пробелы в понятийном ряду «юридическая практика — правотворческая практика — правоисполнительная практика — судебная практика — принципы юридической практики — функции юридической практики — механизм обеспечения единства юридической практики», дополнив его научными юридическими абстракциями и (или) скорректировав их понимание: «единство судебной практики», «механизм обеспечения единства судебной практики», «формы влияния судебной практики на систему законодательства», «средства имплементации опыта судебной практики в нормативные предписания законодательства» и др.

На защиту выносятся следующие основные положения, отражающие новизну диссертационного исследования:

1. Отстаивается идея о том, что качественное состояние судебной практики, установленное через призму степени ее единства, способствует более точному определению направления, формы и способа повышения эффективности правоприменения и, что не менее важно, совершенствования системы действующего законодательства. Ввиду этого аргументируется необходимость более четкой законодательной регламентации единства судебной практики.

тиki в качестве общего принципа деятельности судов наряду с иными конституционными началами, прямо или косвенно выраженными в праве.

2. Предлагается единство судебной практики определять в качестве конституционного принципа, представляющего собой комплекс общеобязательных требований по обеспечению единообразного толкования и применения закона и иных нормативных правовых актов, посредством выработки и неукоснительной реализации правовых позиций высших судов в целях обеспечения верховенства закона и равной судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

При этом делается уточнение, что единство судебной практики является составной частью более широкого принципа законности, в рамках которого оно имеет наибольшую связь и подчиненность по отношению к принципам приоритета прав и свобод человека и гражданина и верховенства закона. Другими словами, принцип единства судебной практики включен в систему общеправовых принципов, занимая в ее иерархии подчиненное место в сравнении с вышеуказанными принципами права и законодательства. Таким образом, юридическая природа принципа единства судебной практики раскрывается в двух аспектах — формальном (стремление к единообразию в правовой квалификации по аналогичным делам) и содержательном (достижение цели правосудия в виде обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина).

3. Выделяются следующие основные факторы, препятствующие становлению единства судебной практики: противоречивость действующего законодательства; коллизии в актах судебного толкования норм права; отсутствие в нормах права механизма их реализации; нерешенность ряда проблем в организации единой судебной системы; недостаточная степень унификации норм, устанавливающих порядок осуществления различных видов судопроизводства; невысокий уровень транспарентности судебной власти; несвоевременная имплементация правовых позиций высших судов в нормативные правовые акты; вмешательство в деятельность судов со стороны исполнитель-

ных и правоохранительных органов власти; непрофессионализм значительного числа работников судебной системы; недостаточная кадровая, финансовая и организационная обеспеченность деятельности судов и др.

4. На основе обобщения отраслевого юридического знания предлагается определение понятия «механизм обеспечения единства судебной практики» в виде системы организационных, процессуальных и материально-технических гарантий и условий, средств и способов, которые служат цели наиболее полного установления и реализации требований принципа единства судебной практики. В рамках данного механизма используются два основных метода — аналитический (абстрактного моделирования правовых позиций) и описательный (применяемый в отдельном конкретном юридическом деле). Степень преобладания аналитического или описательного метода, которые направлены на обеспечение единства судебной практики, различна в конкретных формах фиксации правовых позиций, принимаемых высшим судебным органом.

5. Выдвигается следующая модель структуры механизма обеспечения единства судебной практики, включающая в себя следующие блоки (подсистемы):

комплекс норм права, четко регламентирующих статус правовых позиций высших судов, закрепленный в действующем законодательстве (наилучший вариант в конституционном праве);

содержание самих правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в единстве с формами их выражения — постановлениями, определениями;

правовые, организационные и материально-технические средства исполнения правовых позиций высших судов, в том числе их своевременной имплементации в содержание и структуру системы законодательства;

средства общего надзора за исполнением правовых позиций высших судов, реализуемые Пленумом Верховного Суда РФ;

институт пересмотра судебных постановлений по конкретным делам вышестоящими судами на основании неприменения правовых позиций судами первой и второй инстанций;

меры юридической ответственности судей за неисполнение положений правовых позиций высших судебных инстанций.

6. Доказывается наличие объективной связи процесса взаимообусловленного развития системы законодательства и судебной практики, которая выражается в двух типах (формах) взаимодействия — прямом и опосредованном.

В рамках непосредственной формы воздействия судебной практики на процесс совершенствования законодательства рассматривается специальное право законодательной инициативы высших судов — Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Выдвигается ряд дополнительных аргументов, доказывающих соответствие наделения правом ограниченной законодательной инициативы высших судов принципу разделения властей. При этом критикуется позиция сторонников наделения средствами прямого влияния судов общей юрисдикции и арбитражных судов на процесс совершенствования регионального законодательства в виде права законодательной инициативы. Предоставление права федеральным органам судебной власти вносить законопроекты в законодательные (представительные) органы субъектов РФ является прямым нарушением принципа федерализма.

Обосновывается целесообразность выделения и использования в рамках опосредованной формы имплементации положительного опыта, накопленного судебной практикой, в нормативные предписания законодательства следующих инструментов: правовых позиций судов, посланий Федеральному Собранию РФ, запрос в Конституционный Суд РФ, дисквалификации нормативного правового акта, технико-юридической конкретизации норм права, аналогии закона и аналогии права.

7. Предлагается расширить круг судебных актов, размещаемых на официальных интернет-ресурсах в целях повышения уровня транспарентно-

сти судебной власти. Отмечается, что на настоящий момент отсутствует какой-либо централизованный банк судебных актов надзорной инстанции, учитывающий рассматриваемые категории дел. При этом не обязательно создавать отдельную информационно-правовую базу или интернет-ресурс для надзорной инстанции. Достаточно преобразовать существующие информационные базы, но с как можно более углубленной классификацией юридических дел, что позволит облегчить поиск результатов судебной практики и создаст необходимые предпосылки для самостоятельного осуществления правового мониторинга судебной практики на предмет ее единства любыми заинтересованными лицами, институтами гражданского общества.

8. Устанавливается, что Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации играют роль связующего звена между иными судами и законодательными органами в процессе реализации постановлений Европейского суда по правам человека, обеспечивая тем самым должный уровень единства судебной практики. При обнаружении необходимости внесения изменений или дополнений в законодательные акты в соответствии с выявленными Европейским судом нарушениями Конвенции они могут использовать весь арсенал средств непосредственного и опосредованного воздействия на систему российского законодательства.

9. В целях повышения эффективности имплементации правовых позиций, содержащихся в постановлениях Европейского суда по правам человека, обосновываются рекомендации по проведению комплексного мониторинга законодательства и правоприменительной практики при участии представителей всех ветвей государственной власти и научного юридического сообщества.

Отмечается, что расширение и углубление правового мониторинга российского законодательства и правоприменительной практики на предмет соответствия позициям Европейского суда по правам человека позволит сократить количество обращений граждан с жалобами в Европейский суд по правам человека; усовершенствовать нормы национальной системы законода-

тельства, повысив эффективность средств защиты прав и свобод человека и гражданина; определить причины и выбрать средства по устранению препятствий в механизме реализации постановлений Европейского суда по правам человека.

10. Утверждается, что Постановления Европейского суда по правам человека служат эффективным средством совершенствования российского законодательства и изменения правоприменительной практики только в условиях их полной и всесторонней реализации органами государственной власти. Обосновывается тезис о том, что прямому действию правовых позиций, формируемых Европейским судом по правам человека, препятствует ряд факторов, важнейшим из которых является нерешенность вопроса с официальным опубликованием решений Суда. По настоящий момент в Российской Федерации отсутствует нормативный правовой акт, устанавливающий порядок перевода и официального опубликования решений Европейского суда по правам человека. Практика их перевода, осуществляемая Министерством юстиции РФ и размещение на официальном сайте заслуживают положительной оценки.

11. Обосновывается тезис о том, что Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, руководствуясь в своей деятельности преимущественно Конституцией РФ и общеправовыми принципами, прямо выраженным в ней или вытекающими из системного толкования ее норм, на этой основе lawfully и зачастую своевременно наполняют более четким содержанием посредством техники правоинтерпретационной конкретизации общие, отраслевые и межотраслевые принципы законодательства либо существенным образом уточняют их смысл. В результате этого обеспечивается необходимый уровень единства судебной практики по наиболее сложным участкам правового регулирования общественных отношений. Так, принцип единства судебной практики наряду с такими отправными началами законодательства, как правовая определенность и стабильность, баланс частных и публичных

интересов в праве, наполняется содержанием преимущественно благодаря правовым позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы. Результаты диссертационного исследования будут способствовать дальнейшему изучению направлений, форм и средств учета положительного опыта, накопленного судебной практикой, в процессе совершенствования российского законодательства, правовой природы единства судебной практики и его взаимосвязи с иными отправными началами системы права и законодательства. Благодаря разработанной автором основы концепции единства судебной практики как фактора совершенствования законодательства наука теории права и государства дополнится знаниями об общих закономерностях процесса имплементации результатов судебной практики в содержание и структуру системы законодательства, механизма обеспечения единства судебной практики. В понятийные ряды общей теории права вводятся научно-правовые абстракции «механизм обеспечения единства судебной практики», «непосредственная и опосредованная формы воздействия судебной практики на законодательство», что существенным образом развивает и дополняет теорию судебной практики и общее учение о законодательстве.

Диссертация содержит ряд научно-практических рекомендаций и предложений, направленных на установление баланса в использовании средств прямого и косвенного воздействия судебной практики на процесс совершенствования системы российского законодательства. Определяется роль правового мониторинга, правовых позиций высших судов, дисквалификации закона, аналогии закона и аналогии права, конкретизации права в деле повышения эффективности правотворческой деятельности. Раскрываются основные проблемы инструмента прямого участия субъектов судебной практики в правотворческом процессе в виде специального права законодательной инициативы.

Представленные доктринальные основы модели диалектического взаимодействия судебной практики и законодательства в процессе его совершенствования могут быть использованы в ходе мониторинга состояния норма-

тивно-правовой базы в России и определения качественного состояния судебной практики на предмет ее единства и единобразия.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Основные теоретические положения и выводы исследования отражены в четырех статьях автора, опубликованных в журналах, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Результаты исследования докладывались на международных, всероссийских конференциях: V Международном конституционном форуме, посвященном 20-летию Конституции РФ (г. Саратов, 12 декабря 2014 г.), Международной научно-практической конференции «Проблемы обеспечения национальной безопасности в России» (г. Саратов, 27 марта 2014 г.), Международном молодежном научном форуме (г. Москва, 13-17 апреля 2015 г.), II Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей «Российская правовая система: проблемы и перспективы» (г. Саратов, 2 апреля 2015 г.).

Структура диссертации обусловлена предметом, целями, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Современное российское законодательство — динамично развивающееся явление, которое характеризуют различные тенденции и процессы, затрагивающие всевозможные сферы общественной жизни. Нынешние процессы законотворчества происходят в обстановке экономико-финансовых преобразований, реформирования внутрифедеративных отношений, социальной поляризации в обществе¹.

Курс на реформирование общественных отношений подталкивает законодателя к более оперативному принятию новых нормативно-правовых актов и к совершенствованию уже существующих. Многое было сделано в направлении развития гражданского, уголовного, административного, процессуального законодательства, законодательства о развитии судебной системы и др. Согласно статистике в 2015 г. Государственной Думой РФ было принято и впоследствии одобрено 430 законов, из которых 8 — федеральные конституционные законы. Только 2 законопроекта были отклонены Советом Федерации Федерального собрания. От Президента РФ не поступило ни одного вето².

Такое оперативное принятие многочисленных нормативно-правовых актов не может не сказаться на качестве законодательства и его системности. Существует множество нерешенных проблем, некоторые из которых стали особенно острыми и актуальными, требующими особого подхода к их решению. В то же время в условиях развития общественных отношений необходимость создания качественного законодательства является первоочередной задачей государства, которая требует особого подхода к законотворчес-

¹ Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 14.

² URL:<http://www.gosduma.net/systems/law/?periodType=year&periodValue=2015§ion=13&type=federal> (дата обращения: 06.01.2016).

ству, правоприменению и контрольно-надзорной деятельности, а также тщательному осмыслению существующих проблем в данной области.

Развитие российского законодательства на сегодняшний день условно определяют внутренние и внешние факторы. К внешним факторам относятся политические и экономические влияния на процессы законотворчества, определяющие его необходимость, интенсивность, целевую направленность и результативность. К внутренним можно отнести факторы, которые не определяют содержание нормативно-правового акта, то есть процессуальные: своевременность внесения законодательной инициативы для удовлетворения потребности общества в урегулировании общественных отношений; правильное определение круга общественных отношений, подлежащих правовому регулированию; установление целей и задач дальнейшего урегулирования формы нормативного акта; учет принципов системного подхода; оптимальность методов правового регулирования и т.д. Имеются и содержательные факторы, устанавливающие соответствие законопроекта логическим, языковым, юридическим и социальным критериям.

Современное развитие законодательства характеризуется крайне сложными и противоречивыми процессами. По-прежнему имеет место снижение качества законов — многочисленные внутренние и внешние несогласованности правовых норм, противоречивость, декларативность и т.д. В то же время наметились следующие как положительные, так и отрицательные тенденции:

- 1. Возрастающее влияние geopolитических процессов на правотворческую политику и российское законодательство.*

В условиях постоянно меняющейся геополитической ситуации, существующих негативных моментов влияние международного права и международных правовых процессов на развитие российского законодательства остается на высоком уровне. Современные глобализационные факторы отражаются на построении новых правовых отношений и формировании законов. В зависимости от состояния международных отношений проводится мониторинг социально-экономических, финансово-инвестиционных процессов, бла-

госостояния населения, что нацеливает законодателя на своевременное принятие качественно-новых правовых решений.

Учитывая существующую направленность международной экономической политики, а также экономические санкции, следует отметить, что правовые отношения между странами не исчезли, а привели к иному пути развития деловых связей. Так, в договорах между российскими и иностранными лицами стали появляться санкционные оговорки, устанавливающие правовые последствия для обеих сторон в случае влияния санкций на договорные обязательства. Российские контрагенты стараются минимизировать влияние на договор законодательства стран, принявших антироссийские санкции. В этой связи иностранным контрагентам предлагается подчинить договор праву страны, где санкции не являются частью национального законодательства, а также согласовать рассмотрение возможных договорных споров в нейтральной стране¹.

В целом в условиях активного участия России в международных политических и экономических процессах, централизации внутригосударственной власти становится приоритетной ориентация на создание такой системы правового регулирования, которая обеспечит защиту национальных экономических и политических интересов.

2. *Расширение и углубление правового регулирования общественных отношений* в совокупности со все более усложняющимися процессами общественной жизни и возникновением новых вопросов, требующих регламентации.

Современное российское законодательство становится более конкретным, четким, детализированным. Такая направленность на расширение и углубление правового регулирования общественных отношений повлекла увеличение количества нормативно-правовых актов и совершенствование действующего законодательства.

¹ URL: <http://www.rg.ru/2015/05/27/kontrakti.html> (дата обращения: 25.06.2015).

А.С. Пиголкин справедливо указывал, что углубление правового регулирования — это главный магистральный путь развития современного законодательства¹. В то же время расширение и углубление правового регулирования порождают проблемы, влияющие на его качественное развитие.

Как справедливо отмечает Ю.А. Тихомиров, на данном этапе прослеживается стремление тотального законодательного регулирования. По любому поводу считается необходимым принимать закон. В этом смысле его роль как первичного важнейшего регулятора утрачивается. Поэтому проблема притязания в ответ на общественные потребности и социальные интересы возникает уже на первом этапе жизни закона².

Практика частых законодательных инициатив и особенно спешно принимаемых законов свидетельствует о сложившейся негативной тенденции решения того или иного вопроса исключительно посредством принятия законодательных актов³.

Прав и А.П. Мазуренко, полагающий, что невозможно пытаться урегулировать все с помощью законов. Подобной регламентации подлежат только самые важные области жизнедеятельности. Менее значимые вопросы должны регулироваться на уровне подзаконных актов, правотворчества Президента, Правительства, глав субъекта Федерации и муниципальных образований, на локальном уровне⁴.

Безусловно, развитие общественных отношений должно стимулировать законодателя на стремление к их урегулированию. Однако современное законодательство порой обновляется слишком часто, без планирования, пред-

¹ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003. С. 129.

² См.: Тихомиров Ю.А. Закон: притязания, стабильность, коллизии // Законодательство России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2000 г.). М., 2002. С. 10.

³ См.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2015. С. 26.

⁴ См.: Мазуренко А.П. Стратегия законотворчества и правотворческая политика: проблемы соотносимости // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 73.

варительного обсуждения, финансовых расчетов и соблюдения процессуальных моментов, что приводит к возникновению противоречащих, неэффективных и не работающих законов, к подрыву стабильности законодательства и падению его авторитета.

Следует согласиться с В.М. Бариновым, который указывает, что с использованием всех имеющихся ресурсов необходимо определить нужное, оптимальное количество федеральных конституционных законов и федеральных законов, отточить их содержание и форму, а затем добиваться освоения и неуклонного исполнения¹. Однако добиться такой систематизации в настоящее время будет крайне сложно. Для этого необходима принципиально иная законодательная политика, следующая по пути мониторинга и долгосрочного планирования законодательной деятельности представительных органов власти.

3. Продолжающаяся дисгармония федерального и регионального законодательства.

Ученые неоднократно обращали внимание на проблему отсутствия четкого разграничения совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, низкого качества законов. До сих пор не до конца приведено в соответствие с федеральным законодательством законодательство субъектов Федерации. Многие справедливо связывают эту проблему с противоречивостью самой конституционной модели разграничения предметов ведения². В ряде случаев положения ст. 76 Конституции РФ необоснованно ставят региональное законодательство в зависимость от федерального, например, когда федеральное законодательство по определенному вопросу отсутствует либо когда оно имеет неустранимые посредством толкования противоречия. Дру-

¹ См.: Баринов В.М. Основные направления модернизации техники современного законотворчества в России» // Сборник тезисов докладов (по материалам Международной научно-практической конференции, г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.) / [редкол.: О.С. Ростова (отв. ред.) и др.]. Саратов, 2011. С. 45–46.

² См., например.: Краснослободцева Н.К. Роль основ российского законодательства в правотворчестве субъектов Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 8.

гой стороной проблемы является неспособность регионального законодателя к своевременному урегулированию ввиду активного правотворчества по определенному вопросу федерального законодателя, в связи с чем федеральный закон нередко становится главенствующим, что влечет за собой отсутствие единства в урегулировании общественных отношений.

Очевидно, что все существующие в настоящий момент нарушения со стороны субъектов в области распределения компетенции должны быть устранены путем приведения их конституций и законодательств в соответствие с Конституцией РФ и Федеральными законами, в том числе путем обращения в Конституционный Суд РФ.

Неприемлема ситуация, когда закон заменяет подзаконные или даже ведомственные акты. Это приводит к дисбалансу в системе источников законодательства и внутренним противоречиям внутри системы. Тем не менее, субъекты РФ могут осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативно-правовых актов вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Федерации и субъектов. Однако такая деятельность тоже несет в себе массу негативных моментов. Например, в условиях стремительного развития местного нормотворчества закон выступает в роли шаблона, по которому создаются подзаконные нормативно-правовые акты. Эффективность подобных актов, которые дублируют содержание федеративного законодательства, минимальна.

Такая действительность говорит об отсутствии оптимального взаимодействия федерального и регионального законодательств, что предполагает совершенствование законодательной политики в данном направлении.

4. Снижение качества закона и эффективности его применения.

Качество закона предполагает соответствие нормативно-правового акта целому ряду требований как с содержательной (социальная обусловленность, гуманистическая направленность, своевременность, ресурсная обеспеченность), так и с формальной (принятие в соответствии с правилами юридической техники, определенность, недвусмысленность и точность его предписаний).

ний, что может быть достигнуто посредством качественного нормативного формулирования) стороны. Однако современное российское законодательство переживает этап сложного, не всегда успешного качественного обновления. Порой из-за стремления соответствовать развивающимся правовым отношениям законодательство не всегда отвечает качеству и эффективности правового регулирования. Многие дефекты законодательства не находят своего разрешения на протяжении продолжительного времени, накапливаются и переходят в его содержательную характеристику. Законодатель нередко прибегает к формулированию несовершенных дефиниций, излишней детализации, применяет сложный для восприятия язык и т.д., что приводит к многочисленным коллизиям, внутренним и внешним противоречиям законодательства.

На практике постоянно возникают ситуации, нуждающиеся в регламентации ряда правовых предписаний, которые порой противоречат друг другу и конфликтуют между собой или, пересекаясь в одном правовом срезе и конкурируя, претендуют на регулирование одних и тех же отношений¹. В связи с этим часто наблюдаются их рассогласованность и дублирование². В качестве примера можно привести динамично развивающееся гражданское, налоговое законодательство. Так, 1 июня 2015 г. вступили в силу масштабные изменения Гражданского кодекса РФ, касающиеся в том числе обязательственных правоотношений. В Кодекс была внесена ст. 317.1, закрепляющая, что в случае если по денежному обязательству у одной из сторон (коммерческой организации) образовалась задолженность по исполнению обязательств, то у другой стороны (коммерческой организации) появляется право на получение с должника процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами. При отсутствии в договоре условия о размере процентов он определяется ставкой рефинансирования Банка России, действовавшей в соответствующие периоды (законные проценты). Такая форму-

¹ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 204.

² См.: Сенякин И.Н. Законодательный дисбаланс / под ред. И.Н. Сенякина. Саратов, 2013. С. 13.

лировка породила множество вопросов и споров у правоприменителей. В частности, законодателем в рассматриваемой ситуации не определено — во всех ли случаях применения авансирования, рассрочки, отсрочки платежей по договорным отношениям обращаются к данной статье, ведь иного в действующем законодательстве не предусмотрено. Это способствовало возникновению различий в применении данной нормы правоприменителями, в том числе и судами. Кроме того, в силу недостаточной определенности нормы и информированности отдельных субъектов о последствиях неприменения, указанная статья Кодекса попросту игнорируется отдельными правоприменителями. Обращение к данной норме породило неопределенность и в налоговом законодательстве. Так, неясно, облагаются ли поступления процентов на сумму долга за период пользования денежными средствами налогом на добавленную стоимость.

Подобная внутренняя рассогласованность в системе действующего законодательства в виде расхождений и коллизий как в содержании, так и в форме, свидетельствует о его дисбалансе.

Учитывая, что дисбаланс законодательства представляет собой собирательное отражение его назревших проблем, он имеет разноуровневое выражение. Так, И.Н. Сенякин выделяет внутреннюю и внешнюю формы законодательного дисбаланса. К внешней он относит его строение, организационную структуру, нестыковки в содержании нормативно-правовых актов. Внешняя форма законодательного дисбаланса нередко выражается в нарушении правил законодательной техники и, как следствие, рассогласованности, несоответствии не только между нормами правовых актов, но и самих актов. Также дисбаланс может иметь вертикальную и горизонтальную форму своего проявления, затрагивающую как иерархичную структуру законодательства, так и его внутреннюю систему¹.

¹ Сенякин И.Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 128.

Безусловно, дисбаланс в законодательстве оказывает негативное влияние на правоприменение, способствуя нарушению законности и правопорядка, единства правового пространства на территории Российской Федерации и, как следствие, нарушению прав и свобод субъектов общественных отношений. В то же время следует согласиться с И.Н. Сенякиным в том, что дисбаланс в законодательстве — это не исключительно негативное явление¹. Учитывая, что дисбаланс является следствием развития многогранных общественных процессов, их сложности и противоречивости, он указывает на направление развития общественных отношений и перспективные направления правоприменительной практики. Достичь полной сбалансированности законодательства практически невозможно ввиду постоянной эволюции общественных отношений, однако стремиться к уменьшению негативных факторов и тенденций, способствующих дисбалансу, просто необходимо. Это является важнейшей задачей как правотворческих органов, так и органов, осуществляющих контроль за соблюдением законодательства.

5. Уменьшение влияния и авторитетности законов.

Негативные процессы в виде пробелов в правовом регулировании, коллизий, недействующих норм, сопровождающие развитие российского законодательства, непосредственно отражаются на авторитете закона, который изменяется в том числе тем, насколько он точно и однозначно отражает жизненно важные проблемы каждого гражданина в отдельности и всего общества в целом, в его способности эффективно регулировать общественные отношения.

В некоторых случаях прослеживается несоответствие между содержанием закона и конкретной экономической, политической обстановкой, в то время как закон предназначен для регулирования повторяющихся, стандарт-

¹ См.: Сенякин И.Н. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 128.

ных ситуаций¹. Законодательство не всегда соответствует степени модернизации российского общества и активным государственно-правовым преобразованиям, что влечет возложение функций регулятора общественных отношений на иные акты и решения органов власти.

Отсутствие в отдельных нормах механизма правовой реализации приводит к возникновению различий в их применении и толковании и как следствие неясности в правовом регулировании. По справедливому замечанию С.А. Воробьевой, закон — это не просто текст определенного нормативного содержания, а правовое предписание, которое должно быть благом для человека, обеспечивать, с одной стороны, его права, свободы, законные интересы, а с другой, налагать обязанности в целях достижения гармонии отношений в обществе².

6. Либерализация и гуманизация действующего законодательства, выражаяющаяся в смягчении ответственности, изменении методов правового регулирования общественных отношений и в большей ориентированности на человека.

Ярким примером является Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», в соответствии с которым под амнистию попало значительное количество осужденных. В качестве иллюстрации можно привести и проект измененного Кодекса РФ об административных правонарушениях, внесенный в Государственную Думу РФ на рассмотрение (проект федерального закона № 957581-6), предполагающий в том числе освобождение от административного наказания с возложением на лицо, ранее привлекавшееся к административной ответственности, обязанности обеспечить выполнение в

¹ См.: Козлихин И.Ю. Право, закон и власть в современной России // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / сост. В.Г. Графский. М., 2006. С. 66–67.

² См.: Воробьева С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 19.

установленный срок правил, в противном случае оно привлекается к ответственности; освобождение от ответственности за административные правонарушения, совершенные на рынке ценных бумаг, лиц, заключивших с Банком России соглашения, предусматривающие возмещение вреда пострадавшим, и другие, а также законопроект, одобренный Пленумом Верховного Суда РФ, предполагающий частичную декриминализацию ст. 116 Уголовного кодекса РФ, ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Однако важно, чтобы в рамках продолжающейся реформы законодательства по пути гуманизации не размывались границы справедливости закона. Правоохранительная деятельность должна быть направлена на установление истины по делу и при необходимости принятие мер для исключения ответственности невиновного лица. Ведь справедливость закона заключается не в навязывании множества упрощенных процедур, а в обеспечении права каждому на справедливое разбирательство, доступа к правосудию, верховенства закона и т.д.

7. Усиление влияния судебной практики на процесс совершенствования российского законодательства. В последнее время возрастает значимость правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, которые все чаще используются в правотворческой деятельности. В своих актах указанные судебные органы не только создают основу для внесения последующих изменений в систему нормативных правовых актов, но и существенным образом конкретизируют содержание целого ряда уже имеющихся в законе норм права, в том числе как прямо закрепленных в законодательстве общеправовых и отраслевых принципов, так и выводимых из общего смысла его предписаний, посредством нормативного системного толкования.

В настоящее время ученые выделяют множество критериев, которым должно обязательно соответствовать законодательство. Это эффективность, разумность, обоснованность, определенность, плановость, соответствие интересам общества и др. Все они в равной степени должны быть учтены при

формировании законодательства, однако достичь тотального соответствия действующих законов всем этим требованиям крайне сложно.

Эффективность законодательства не раз служила предметом для научных дискуссий, однако, учитывая современное его состояние, можно констатировать, что установление таких факторов, по-прежнему важно и актуально.

В определении сущности данного понятия следует привести мнение М.Н. Андрющенко, которая считала, что эффективность выступает мерой возможности, но не любой, а той, которая выражает цель человека, реализует его идею, то есть эффективность есть мера возможности с точки зрения ее близости к наиболее целесообразному, необходимому (нужному) человеку результату. Здесь речь идет о близости к цели в ее оптимальном выражении¹.

Следует отметить, что в определении понимания эффективности законодательства большинство авторов приходят к выводу, что это не что иное, как определенный баланс между целью и достигнутым результатом. Так, например, А.А. Зелепукин, акцентируя внимание на неразрывной взаимосвязи права и закона и их соотношении как содержании и формы, считает, что эффективность права является характеристикой фактического результата его действия и целей, для достижения которых эти нормы были приняты².

Противоположные мнения, которое сводились к пониманию эффективности законодательства через его результативность, то есть способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном полезном для общества направлении, высказывали М.Д. Шаргородский, А.С. Пашков, Д.М. Чечот и др. Однако по смыслу данного подхода эффект от действия нормы права оценивается с позиции положительного или отрицательного результата. В данном понимании эффективности законодательства рассматривается лишь факт регулирования и результат, к которому приводит это регулирование, и игнорируется такой обязательный фактор, как качество. В этой

¹ См.: *Андрющенко М.Н.* Понятие эффективности и его философский смысл // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 12. Л., 1971. С. 45–46.

² См.: *Зелепукин А.А.* Проблемы эффективности российского законодательства. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 9.

связи уместно привести высказывание В.Н. Кудрявцева, который указывал, что степень эффективности влияния права на субъектов общественных отношений зависит от того, насколько его средствами удалось обеспечить правомерное поведение людей, предотвратить противоправные поступки, организовать, упорядочить сложную систему общественных отношений, выступающих предметом правового регулирования¹. Отсюда можно сделать вывод, что «эффективность» и «результативность» – различные по смысловому содержанию понятия, однако тесно связанные между собой.

Резюмируя мнения относительно понятия «эффективность законодательства» и учитывая современную действительность, считаем, что к эффективности законодательства необходимо относиться как к соотношению цели правового предписания и достигнутым результатом его реализации.

Нет сомнения, что право может быть высокорезультативным лишь в случае, если оно отвечает определенным требованиям как с точки зрения содержания (научно обосновано, соответствует объективным закономерностям развития, достигнутому уровню правосознания общества, внутренне согласовано), так и формы (доходчиво по языку и стилю изложения, стабильно, систематизировано, освобождено от повторений, противоречий)².

Для того чтобы добиться эффективности в законодательстве, важно определить, при каких обстоятельствах нормы, регулирующие правовые отношения, будут работать эффективно, благотворно оказывая влияние на них. По нашему мнению, условия эффективности правовых норм должны классифицироваться следующим образом:

А. Условия, относящиеся к процессу правотворчества, под которым понимается соответствие правовых норм тем общим и конкретным социально-экономическим, идеологическим, культурно-психологическим и организационным факторам. Для соблюдения этих условий необходимо обеспечить подготовку и принятие таких норм, которые были бы научно обоснованы,

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 162–163.

² См.: Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М., 1971. С. 12–13.

соответствовали целям развития законодательства на основе объективных потребностей общества.

Б. Условия, относящиеся к эффективности правосознания и поведения граждан, выполняющих или нарушающих требования правовой нормы. Соблюдение именно этих условий свидетельствует о правильном понимании и усвоении правовых норм, зависит от уровня знания закона, степени восприятия правовых норм, возможности правоприменения.

В. Условия, связанные с деятельностью правоприменителей, которые подразумевают правильное применение закона государственными органами.

Все изложенные факторы находятся в тесной взаимосвязи и их совокупное соблюдение обеспечит высокую эффективность правового регулирования.

Современный уровень преобразований российского общества и государства в целом определяет повышенные требования к качеству и эффективности законотворческой деятельности. Законодательный процесс — понятие юридическое. Он предполагает наличие строго регламентированной процедуры по принятию закона, состоящей из нескольких стадий. Однако в рамках данной работы мы не будем останавливаться подробно на процедурных и технических моментах законотворчества, а отметим лишь те действия законодателя, которые оказывают непосредственное влияние на эффективность законотворческого процесса и законодательства, а также на его отдельные проблемы.

На сегодняшний день сформировалась точка зрения о существовании ряда факторов, влияющих на эффективность законотворческого процесса. По мнению В.Н. Казакова, эффективность законотворчества зависит от трех факторов. Первая группа факторов носит объективный характер. России необходима реформа всей правовой системы. Слепое заимствование чужих образцов бесполезно. Вторая группа факторов включает внешние факторы, которые вытекают из отсутствия опыта, культуры и традиций правового государства в связи с обсуждением коллизий законодательства и указанного

нормотворчества, из недостаточной активности Правительства как субъекта законодательной инициативы. И, наконец, третья группа факторов касается организации и обеспечения законодательного процесса, в первую очередь законодательной процедуры. В этой группе факторов выделяются вопросы концептуального характера и организационные аспекты их реализации¹. Следует согласиться с позицией Т.А. Желдыбиной, которая дополнительно к выделенным факторам относит влияние на законотворческий процесс различных политических групп и лоббирование чьих-то интересов².

По нашему мнению, эффективность законотворческого процесса зависит от того, насколько «жизнен» предлагаемый законопроект, и насколько он способен регулировать предполагаемые общественные отношения, настолько будущий закон будет действенным.

Рассуждая о проблемных вопросах развития российского законодательства, приходится констатировать, что наиболее частым объектом для критики становится именно законотворчество. В данном контексте следует уделить особое внимание правотворческой политике, которую проводят как Государственная Дума и Совет Федерации, так и законодательные органы субъектов Федерации. Основными направлениями в правотворческой политике является нормативно-правовое планирование, принятие законов, реализация и совершенствование действующего законодательства³.

Следует упомянуть, что на сегодняшний день наметилась тенденция к снижению уровня законодательных инициатив отдельными представителями власти.

Субъектами законодательной инициативы могут выступать Президент РФ, Совет Федерации в целом и отдельные его члены, депутаты Государ-

¹ См.: Казаков В.Н. Факторы, влияющие на эффективность законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 3–7.

² См.: Желдыбина Т.А. Законотворчество в России: эволюция и современность. М., 2015. С. 134.

³ См.: Минюк Н.В. Правовая политика как фактор повышения качества законодательства в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 8.

ственной Думы, Правительство РФ, законодательные органы власти субъектов РФ, а также Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ по предметам их ведения.

Однако в настоящее время имеется тенденция к снижению обращений с законодательной инициативой представительных органов субъектов. Следует согласиться с мнением Г.Н. Комковой о том, что большая часть законопроектов, внесенных законодательными органами субъектов РФ, на разных стадиях законотворческого процесса из него выбывает¹. В этом можно убедиться, если обратиться к сайту Государственной Думы РФ <http://asozd2.duma.gov.ru>. Так, на примере Саратовской области, по состоянию на 2015 г. в Государственную Думу было внесено с 2008 г. всего 14 законопроектов, из которых 8 отклонено Государственной Думой РФ². На данные обстоятельства, безусловно, может влиять низкое качество подготовки законопроектов, но практика показывает, что чаще всего законодатель игнорирует мнение субъектов Федерации.

Кроме того, на данном этапе к минимуму сведена возможность участия в процессе внесения законодательной инициативы граждан. С юридической точки зрения, в конституционном и ином законодательстве для граждан не закреплена правовая возможность вносить законопроекты в Государственную Думу РФ в отличие от ряда других стран. Практически граждане могут воспользоваться правом на участие в управлении делами государства и правом на обращение к государственной власти. Особо следует отметить, что проект концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г. являлся рациональным зерном в эффективном законотворчестве, так как позволял населению активно взаимодействовать с властью, однако на сегодняшний день данная концепция не получила своего

¹ См.: Комкова Г.Н. Законотворческая политика субъектов Российской Федерации: проблемы теории и практики // Сборник научных статей по итогам работы круглого стола. Пенза, 2010. С. 81.

² URL:<http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/stat.nsf/ViewReg/DA95150AC18DDD5243257F36000363C9?OpenDocument> (дата обращения: 25.12.2015).

развития. Вместе с тем видится необходимым закрепление права народной инициативы. Представляется, что участие населения в законодательном процессе послужило бы основой для стабилизации законодательства.

Важное значение в законотворческой деятельности отводится ее планированию и прогнозированию. В настоящее время Государственная Дума планирует развитие своей законотворческой деятельности на очередной год и на каждую сессию. Так, регламентом Государственной Думы (ч. 1 ст. 108) предусмотрено включение законопроекта соответствующего требованию ст. 104 Конституции РФ в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы законопроектов, подлежащих первоочередному рассмотрению, или в программу законопроектной работы комитета на текущую или очередную сессию¹. План законопроектной работы Государственной Думы размещен на сайте www.gosduma.net. Однако такое планирование является слишком краткосрочным для реального соответствия закона общественному развитию и не способствует исключению стихийного развития законодательного массива. В то же время в науке неоднократно высказывалось мнение о негативном характере такого правотворчества. По справедливому замечанию Н.А. Власенко, современный законотворческий процесс превратился в бесконечное внесение дополнений и изменений в действующее законодательство ввиду их недостаточной проработанности².

Вместе с тем законотворчество по своей природе является деятельностью, направленной на упорядочивание общественных отношений путем разработки и принятия нормативно-правовых актов, создающих основу жизни общества. Отсутствие четкой программы развития общества лишает законодательство его основы³.

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 18 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

² См.: Власенко Н.А. Указ. раб. С. 26.

³ См.: Нормография: Теория методология нормотворчества: учебно-методическое пособие/под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2007. С. 435–436.

Следует отметить, что планирование законотворческой деятельности может быть эффективным только если непосредственно взаимосвязано с более долгосрочным фактором развития – прогнозированием. В науке высказано справедливое мнение о том, что планирование правотворческой деятельности, основанное на прогнозировании развития правового регулирования, — важнейший элемент правотворческого процесса¹. На основе научного прогнозирования можно предвидеть развитие общественных отношений и в соответствии с этим предлагать и принимать законодательные акты.

С нашей точки зрения, своевременное планирование законотворческой деятельности может стать основой качественной и своевременной законодательной работы представительных органов власти. Такой подход к законотворчеству способствовал бы предотвращению хаотичного принятия законов без учета и планирования в регулировании общественных отношений.

Кроме того, долгосрочное планирование окажет положительное влияние и на развитие юридической науки и правовых исследований. Это может направить юридическую науку на качественное и интенсивное развитие и решение вопросов ее будущего потенциала.

В целом планирование законотворческой деятельности может положительно отразиться на обеспечении соотношения динамики и стабильности действующего законодательства. В обоснование проблем законотворчества следует отметить недостаточность разработанности концепции нормативно-правового акта.

Учитывая, что каждый законопроект нуждается в качественной проработке до его момента внесения на рассмотрение в законодательный орган, следует указать на значимость технологии подготовки законопроекта. Она должна включать в себя: сбор информации об урегулированности правовых отношений, требующих внесения данного законопроекта; подготовку концепции законопроекта; подготовку текста проекта закона; экспертизу текста

¹ См.: Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В. и др. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. М., 1981. С. 216–217.

документа до внесения в законодательный орган, доработку и корректировку законопроекта в соответствии с высказанными замечаниями. На данном этапе ценность и значение концепции законопроекта неоспоримы. Она является проектом будущих правовых отношений, от ее совершенства зависит качество будущего закона и эффективность законодательства. Недостаточная разработанность концепций законопроектов, в которых дается научное обоснование основных положений проекта закона является следствием спешности принимаемых нормативно-правовых актов. Вместе с тем игнорирование законодательной технологии при принятии законов недопустимо. С появлением в российском обществе новых отношений, нуждающихся в качественном правовом регулировании, акты порой готовятся наспех, с ошибками, без экономических и финансовых расчетов, без прогнозов последствий их действия¹. Авторам законопроекта необходимо располагать разнообразной информацией, имеющей нормативное значение, от полноты и достоверности которой зависит качество законопроекта и эффективность закона, в частности подкреплять законопроект результатами всесторонней проверки и экспертизы.

Отсутствие экспертной оценки законодательства является серьезным упущением в законотворчестве, ведь от полноты и качественности материала зависят эффективность и действенность будущего закона. Юридическая наука должна идти впереди закона, а не вслед за ним, как это нередко случается в повседневной жизни. Закон не может быть результатом проведения эксперимента по согласованию новых норм права, необходимых обществу, а законодательные органы страны — своего рода юридической лабораторией по проведению указанных экспериментов².

В настоящее время в полномочия отдельных органов государственной власти включена работа по проведению правовой экспертизы законопроектов и действующих законов. Так, например, Правовое управление Аппарата Гос-

¹ См.: Концепция развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1998. С. 8–9.

² Комкова Г.Н. Указ. раб. С. 82.

ударственной Думы осуществляет юридико-техническую экспертизу законопроектов. Счетная палата проводит финансовую экспертизу различного статуса законопроектов. На Министерство юстиции возложена обязанность по проведению правовой экспертизы. Особо следует отметить важность антикоррупционной экспертизы, осуществляемой Министерством юстиции РФ, Прокуратурой РФ, антимонопольными органами и другими органами государственной власти, определенными в соответствии с Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (в ред. от 21 октября 2013 г.)¹. Аналогичные функции возложены и на региональные органы государственной власти. Однако необходимо указать, что одной из проблем осуществления антикоррупционной экспертизы является необязательность исполнения требований и предписаний прокурора, иных органов государственной власти, в которых устанавливается факт содержания в законопроектах коррупциогенной составляющей. При наличии разногласий эти противоречия должны разрешаться в установленном порядке. Однако законодательством такой порядок до настоящего времени не определен. В связи с этим на практике нередко возникают расхождения во мнениях между правотворческим органом и органами, проводившими такую экспертизу. Тем не менее, даже в случае несогласия законодателя с результатами экспертизы заключения иных органов должны приниматься им во внимание и тщательно изучаться не только с целью устранения дефектов конкретного нормативного правового акта или его проекта, но и совершенствования правотворческой деятельности в целом. Изучение таких заключений служит показателем качества правовых актов и оказывает незаменимую помощь в работе над повышением эффективности правового регулирования во всех сферах общественной жизни.

Особо следует отметить влияние на законотворческую политику субъективных факторов. Ученые неоднократно обращали внимание на зависи-

¹ См.: СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; 2013. № 43. Ст. 5449.

мость законопроектов от компетенции тех, кто их разрабатывает. По мнению Д.А. Керимова, субъективные факторы — это определение в процессе законотворчества тех общественных отношений, которые нуждаются в правовой регламентации, их наиболее рациональное и оптимальное опосредование в соответствии с нуждами общества, его членов, задачами и целями государственной политики¹.

И.Ю. Козлихин считает, что в реальной жизни закон как порождение ограниченного и часто ошибающегося человеческого разума нередко представляет опасность для спонтанно складывающегося права².

Как справедливо отметил А.В. Малько, «законотворчество предполагает подготовленные кадры творцов права, достаточно высокий уровень культуры, правосознания. Наши же юридические ВУЗы до сих пор готовят правоисполнителей»³.

Ярким примером могут послужить допущенные ошибки в пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в закон «О государственном языке» (Исх. № ви-39113-3/14б от 12 декабря 2013 г.): около 20 синтаксических, стилистических и пунктуационных ошибок. Отдельные предложения оказались полностью лишенными смысла⁴. Данный пример не единичен. Существование такой проблемы свидетельствует о необходимости повышения уровня владения законодателем правилами юридической техники. Языковое воплощение нормативного акта должно обеспечивать общедоступность и максимальные удобства для его изучения, восприятия и применения.

А.И. Салихов отмечает, что законотворчество не только предполагает у законодателей общую культуру, но и требует от них специальных знаний,

¹ См.: Керимов Д.А. Проблемы общей теории права. М., 2000. С. 14–15.

² См.: Козлихин И.Ю. Право, закон и власть в современной России//Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / сост. В.Г. Графский. С. 66.

³ Малько А.В. Правовая политика и российское законодательство XXI века // Законодательство в России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции. М., 2002. С. 35.

⁴ URL:[http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/812001AA8FC20C7E43257C3F00456A82/\\$FILE/407146-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/812001AA8FC20C7E43257C3F00456A82/$FILE/407146-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 21.09.2015).

определенных навыков овладения искусством формирования и формулирования законодательных актов¹.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что проблемы законотворческого процесса не сводятся лишь к недостаткам самой процедуры и не зависят полностью от законодательной воли, равно как и неверно считать, что только законотворческая деятельность и ее издержки влияют на современное состояние законодательства, и, устранив все проблемы законотворчества, мы бы получили качественное законодательство. Порой самый качественный закон не находит своего адресата в связи с отсутствием материально-технических, организационных, правовых, информационных и других средств его действия.

Серьезной проблемой является отсутствие четкого понимания термина «законодательство». Следует согласиться с мнением А.А. Зелепукина, что отсутствие нормативно-закрепленного определения «законодательство» существенно дезорганизует правотворческий и правоприменительный процессы, усложняет деятельность по учету и систематизации нормативных правовых актов². В некоторых случаях негативным проявлением такой неопределенности в понимании является подмена законов подзаконными нормативно-правовыми актами либо издание последних с нарушением соответствия вышестоящим нормативно-правовым актам.

В качестве одного из примеров можно привести нарушение Налогового кодекса РФ. Так, 25 ноября 2005 г. ФНС издала приказ № САЭ-3-04/616@ «Об утверждении формы сведений о доходах физических лиц». Раздел 6 этого документа возлагал на налогового агента обязанность указывать в справке по форме 2-НДФЛ сведения о перечисленных в бюджет суммах налога. Высший Арбитражный Суд РФ (решение от 22 июня 2006 г. № 4221/06) признал эту норму недействующей и указал, что приказ ФНС возлагает на нало-

¹ См.: Салихов А.И. Законотворческий процесс и источники права в Российском государстве: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 10.

² Зелепукин А.А. Российское законодательство. Состояние и проблемы оптимизации. Саратов, 2007. С. 8.

гоплательщика дополнительные обязанности, которые не предусмотрены Налоговым кодексом¹.

Другим примером может служить принятый в 2014 г. Законодательным Собранием Калужской области Закон Калужской области № 562-ОЗ «О полномочиях казенного предприятия Калужской области «Бюро технической инвентаризации на выполнение кадастровых работ»², определивший полномочия БТИ. В данном нормативно-правовом акте указывалось, что предприятие выполняет кадастровые работы, заказчиком которых являются органы исполнительной власти региона и подведомственные государственные учреждения. Верховный суд РФ подтвердил, что наделение БТИ такими полномочиями противоречит Федеральному закону от 5 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 29 декабря 2015 г.)³, нарушает Закон о защите конкуренции (ч. 1 ст. 15)⁴, а также Федеральному закону «О государственном кадастре недвижимости» (ч. 1 ст. 29) (в ред. от 29 декабря 2015 г.)⁵.

На протяжении длительного времени ученые по-разному подходили к определению понятия законодательства, вкладывая различный объем элементов в его смысловое содержание. В течение продолжительного периода «законодательство» понималось как вся совокупность законов, действующих в стране.

¹ URL:http://e.berator.ru/enc/enn/10/40/60/?uid=189073&vk_links (дата обращения: 05.01. 2015).

² Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ СЗ РФ. 2013, № 14. Ст. 1652; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 10.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 7 октября 2015 г. № 85-АПГ15-7 «Об отмене решения Калужского областного суда от 14 июля 2015 г. и признании недействующей статьи 1 Закона Калужской области № 562-ОЗ „О полномочиях казенного предприятия Калужской области „Бюро технической инвентаризации“ на выполнение кадастровых работ”». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁵ См.: СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2016. № 18. Ст. 2484.

Еще Е.Н. Трубецкой писал, о том что законом в широком смысле должна быть признана всякая норма, установленная прямым велением того или другого внешнего авторитета¹.

А.Ф. Шебанов говорил о законодательстве как о форме самого существования правовых норм, средстве их реализации, придании им определенности и объективности².

По мнению С.С. Алексеева, законодательство — это совокупность правовых актов, в том числе нормативных, интерпретационных, индивидуальных, представляющих собой средство институализации и форму бытия «содержательных» элементов правовой системы — юридических норм, право-положений юридической практики, индивидуальных предписаний³. Позже ученый сформулировал другое понятие законодательства: как совокупность законов, действующих в стране, в то же время он допускал возможность включения в состав законодательства иных нормативных актов, если они изданы в порядке делегирования законодательных правомочий иным органам государства.⁴

С точки зрения А.А. Зелепукина, широкое понимание законодательства включает в себя совокупность внешних форм выражения объективного права, государственно-властное воплощение народа, то есть систему актов, содержащих нормы права. Он считает, что причиной такого широкого понимания выступает правотворческая и правоприменительная практика⁵.

Д.А. Керимов указывает, что законодательство — это совокупность только законодательных актов, однако в практическом обыкновении законодательство понимают более широко⁶.

¹ См.: *Трубецкой Е.Н.* Энциклопедия права/вступ. ст. Г.Г. Бернадского. СПб., 1998. С. 112.

² См.: *Шебанов А.Ф.* Система законодательства как научная основа кодификации// Советское государство и право. 1971. № 12. С. 31.

³ См.: *Алексеев С.С.* Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 32.

⁴ См.: *Алексеев С.С.* Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 108.

⁵ См.: *Зелепукин А.А.* Российское законодательство. Состояние и проблемы оптимизации. Саратов, 2007. С. 9.

⁶ См.: *Керимов Д.А.* Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 15.

В то же время большинство исследователей выступают против расширения определения понятия «законодательство», поскольку преднамеренное расширение его понимания приижает роль закона и создает основу для его подмены управленческими решениями.

Как считает Р.З. Лившиц, законодательством признаются только законы и другие законодательные акты (постановления), принимаемые парламентом¹. В.К. Бабаев представляет «законодательство» как совокупность нормативных актов, издаваемых высшими органами государственной власти и управления². По мнению С.В. Полениной, «законодательство» включает в себя лишь акты высшего представительного органа и правительства³.

В.А. Лебедев и О.В. Анциферова считают, что термин «законодательство» ни в коем случае нельзя отождествлять с понятием «источник права». Законодательство, по их мнению, является частью системы источников права⁴.

А.С. Пиголкин связал понимание законодательства с деятельностью высшего органа государственной власти по принятию законов. Законодательство в этом смысле — основная, наиболее важная форма правотворческой деятельности.

Исходя из приведенных определений «законодательства», можно выделить несколько толкований данного термина. Это совокупность: а) всех издаваемых в государстве нормативно-правовых актов; б) нормативно-правовых актов высшего законодательного органа, Президента РФ и Правительства РФ (либо совокупность законов, указов Президента и Правительства РФ); в) всех нормативно-правовых актов представительного органа власти; г) только законов.

Примечательно, что узкий подход к пониманию законодательства отражен в ряде нормативно-правовых актах, например в Кодексе РФ об адми-

¹ См.: *Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 112.*

² См.: *Бабаев В.К. Правотворчество. Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 4–5.*

³ *Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М., 1979. С. 4–5.*

⁴ *Лебедев В.А., Анциферова О.В. Обеспечение единства законодательной системы Российской Федерации. М., 2005. С. 24.*

нистративных правонарушениях (ст. 1.1), Трудовом кодексе РФ (ст. 5), Гражданском кодексе РФ (ст. 3), Семейном кодексе РФ (ст. 3), Уголовном кодексе РФ (ст. 1), Гражданко-процессуальном кодексе (ст. 1), Арбитражно-процессуальном кодексе РФ (ст. 3), Кодексе административного судопроизводства РФ (ст. 2), что создает дополнительные трудности в четком определении понятия.

Безусловно, наличие приведенного множества разноплановых терминологических определений понятия «законодательство» не способствует ясности в правотворческой и правоприменительной деятельности. В то же время нельзя с уверенностью отрицать одно из этих пониманий ввиду постоянной эволюции системы законодательства, следствием чего в ряде случаев является внутреннее несовершенство отдельных элементов системы, которые способны устраниить иные акты органов государственной власти.

По нашему мнению, при определении законодательства следует придерживаться его «широкого понимания» как совокупности всех нормативных правовых актов.

Примечательно, что для устранения противоречий в терминологическом определении «законодательство» и предотвращении юридических коллизий между законом и иными нормативными правовыми актами ученые неоднократно высказывали мнение о необходимости принятия федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Это способствовало бы предотвращению нарушений законности в деятельности государственных органов и организаций, укреплению гарантий реализации прав и законных интересов граждан, а также создало бы прочную нормативную базу для процессов правотворчества и правоприменения. Однако в настоящее время подготовлен лишь законопроект «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который на рассмотрение в Государственную Думу РФ пока не внесен, что по-прежнему позволяет говорить об актуальности вопроса появления данного нормативно-правового акта в Российской Федерации.

Проблема неопределенности в понимании законодательства влечет за собой другую теоретически и практически важную проблему в определении составных элементов законодательства.

Российское законодательство является сложносоставным элементом российской правовой системы, который должен рассматриваться только в ракурсе системного подхода. Система законодательства — это сложное теоретическое понятие, отражающее многомерность связей и взаимозависимостей в структуре российского законодательства. В определении ее содержания сформировалось несколько подходов.

Первый подход определяется *через соотношение права и законодательства*, что обусловлено их взаимосвязью как части и целого. Определено, система права непосредственно отражается на структуре формы права — законодательстве, которое составляют нормативные предписания, институты (субинституты), подотрасли и отрасли. Указанное предопределяет предметное содержание и внутреннюю структуру принимаемых законов и подзаконных актов¹.

Другим подходом, влияющим на построение и развитие системы законодательства, является *территориальное государственное устройство страны*, что позволяет выделить два взаимосвязанных уровня законодательства: федеральный и региональный. Именно представление законодательства как двухуровневой системы правовых актов является основополагающим для понимания законодательства в узком смысле. По мнению И.Н. Сенякина, при двухуровневом подходе федеральные законы, распространяясь на всю территорию Российской Федерации, обеспечивают единообразие регулирования общественных отношений, одновременно входят в систему законодательства субъектов Федерации и действуют в его правовом пространстве².

¹ См.: Баранов В.М., Поленина С.В. Система права, система законодательства и правовая система. Н. Новгород, 1999. С. 1.

² См.: Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007. С. 7–8.

Третьим подходом к определению состава законодательной системы выступает концепция разделения властей. Согласно ст. 10 Конституции РФ государственная власть осуществляется на основе разделения властей на законодательную, исполнительную, судебную, что оказывает непосредственное влияние на формирование иерархии нормативных актов. Так, вертикальную структуру российского законодательства составляют: Конституция РФ; федеральные конституционные законы; обычные федеральные законы.

Структура подзаконных актов обусловливается иерархией государственного аппарата и включает в себя в том числе подзаконные нормативные правовые акты, к которым относятся: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативно-правовые акты министерств и ведомств — приказы, инструкции, постановления, указания, письма, разъяснения, правила и т.д.

По сфере действия выделяют нормативно-правовые акты внешнего воздействия, направленные на регулирование внешних отношений, и акты внутреннего действия, регулирующие внутриорганизационные правовые отношения.

В зависимости от *времени действия* следует выделять неопределенные и временные нормативные правовые акты.

Особо следует отметить строение системы законодательства по отраслевому (горизонтальному) и вертикальному (иерархичному) уровням.

Строение отраслевой (горизонтальной) системы законодательства обусловливают такие элементы, как система права, система отраслей государственного управления, особенности предмета и методов правового регулирования. Исходя из перечисленных критериев, система законодательства по горизонтальному строению подразделяется на отрасли законодательства, комплексные отрасли и законодательные массивы, выделенные относительно сфер государственного регулирования¹.

¹ См.: Зелепукин А.А. Российское законодательство. Состояние и проблемы оптимизации. Саратов, 2007. С. 24.

Вертикальная система российского законодательства исходит из разделения нормативно-правовых актов по юридической силе и органов, их издавших, что подразумевает их разделение на законы и подзаконные нормативно-правовые акты.

Наряду с вышеизложенными классификациями системы законодательства существуют и иные классификации, однако в рамках данной работы нет необходимости останавливаться на них более подробно.

Вместе с тем стоит согласиться с теми учеными, которые считают, что отсутствие официальной классификации нормативно-правовых актов, закрепленной на законодательном уровне, негативно влияет на процесс принятия, применения и восприятия нормативно-правового акта. Это проявляется в неточном уяснении роли закона в системе законодательства, а также возникновении противоречий и коллизий в регулировании однородных правовых отношений. Как справедливо отмечает Н.А. Власенко, помимо «видовой» упорядоченности, необходимо создать строгую иерархию нормативно-правовых актов, где Конституция РФ стала бы системообразующим документом¹.

Учитывая, что в настоящее время российское законодательство характеризуется хаотичным смешением элементов системы законодательства, четкая систематизация и утверждение приоритетного влияния закона является одной из первоочередных задач в развитии законодательной системы, в том числе и российской правовой системы в целом. В то же время реальные правовые отношения намного многогранней, чем норма закона, и поэтому крайне сложно всесторонне охватить действующими нормами все жизненные ситуации, требующие правового урегулирования.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что построение идеальной модели закона, способного урегулировать правовые отношения, является направляющим фактором во всех правовых реформах. Современное

¹ См.: Власенко Н.А. Указ. раб. С. 28.

российское законодательство характеризуется активной модернизацией законов, его отраслей, появлением правовых образований, новых правовых общностей, выходящих за рамки традиционных отраслей, развитием внутрисистемных связей, усилением влияния на развитие законодательства международного права и нормативных систем отдельных государств.

Активное развитие общественных отношений, усиление законотворческой деятельности и стремление урегулировать общественные отношения является положительной тенденцией совершенствования современного законодательства.

Говоря о системе законодательства как о форме выражения права, следует подчеркнуть, что это органичная система, для которой характерно наличие целостности, развитой структуры, функциональных связей, внутренних источников преобразования, принципов.

За время существования Конституции РФ сложилась огромная нормативно-правовая база. В таких условиях нарастания законодательного массива и стремительного развития общественных отношений важно, чтобы система законодательства не была сведена лишь к простой сумме составляющих его элементов и, учитывая негативные тенденции при формировании законодательства, необходимо проведение следующих мероприятий, направленных на совершенствование всей системы законодательства и ее отдельных подсистем и элементов.

1. *Систематизация российского законодательства.* Система российского законодательства требует всестороннего его упорядочения. Причем данный процесс должен проходить не только внешне, но и внутренне, с обсуждением принципиально иных системных правовых решений на высоком техническом уровне. Важно провести работу по исключению из российского законодательства устаревших, потерявших актуальность, но формально не отмененных нормативно-правовых актов. Положительное влияние окажет регламентация на законодательном уровне понятия «система законодательства» с указанием составляющих ее элементов.

2. Дальнейшая специализация и унификации законодательства. Важнейшим условием существования системы российского законодательства является единое правовое пространство на всей территории Российской Федерации. Разрозненность и неупорядоченность правотворчества создают благоприятные условия для малоэффективных, зачастую противоречивых предписаний. Такая действительность требует унифицированного подхода к общим целям, задачам правового регулирования общественных отношений, упорядочения разобщенного нормативного материала различных отраслей законодательства, согласованности правовых систем суверенных республик по вопросам социально-политического, экономического, политического и правового развития.

3. Мониторинг законодательства на предмет результативности. Следует отметить, что ввиду того, что современное законодательство приняло форму программ по достижению определенных целей, одного лишь правильного применения норм недостаточно. Необходимо удостовериться, достигнуты ли поставленные цели фактически. В связи с этим каждый закон должен находиться на контроле на предмет регулирующего воздействия на правовые отношения. Это может быть достигнуто только при помощи постоянного мониторинга законодательства, проводимого определенной государственной структурой, на основе выводов, сделанных по результатам решений, разъяснений, принятых правоприменительными органами в процессе применения нормативно-правового акта, опроса, анализа мнений экспертов, мониторинга толкований и т.д.

4. Повышение научной обоснованности российского законодательства служит необходимым условием его качественной обоснованности. В поддержку этого можно привести высказывание С.В. Полениной об активизации роли науки в законодательстве, а также эффективности содержащихся в нем норм¹.

¹ См.: Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996. С. 134.

Одним из основных назначений правовой науки в современный период является положительное влияние на формирование стабильного и не-противоречивого законодательства. Причем научная основа важна как для законодателя, так и для правоприменителя. Положительное влияние науки может быть выражено в качественном определении целей и средств правового регулирования, прогнозировании эффективности норм закона, рекомендациях, которые могут быть сформулированы в ходе научных дискуссий и широких обсуждений проблем законодательства.

Особое внимание должно уделяться научному обеспечению правотворческого и правореализационного процесса. Экспертиза законопроекта не должна быть номинальной, ибо от ее результатов зависит выбор законодателя учитывать ее или не учитывать в процессе законотворческой деятельности.

5. Повышение роли юридической техники в законотворческой и право-применительной деятельности. Несмотря на то, что разработки в данном направлении имеют длительную историю, следует констатировать, что данный вопрос не потерял своей актуальности и в настоящее время. На сегодняшний день повышение профессиональной компетенции государственных служащих, принимающих непосредственное участие в разработке и принятии законов, а также тех, чья деятельность связана с правоприменением, является необходимым условием для принятия грамотных и обоснованных решений.

Степень правовой культуры законодателя, его подлинно творческое отношение к своей миссии, владение юридической наукой и приемами законодательной техники, базирующиеся на признании и познании общечеловеческих ценностей права, требований законности и режима правопорядка напрямую влияет на его деятельность по созданию законов (иных нормативно-правовых актов)¹.

¹ См: Зелепукин А.А. Российское законодательство. Состояние и проблемы оптимизации. Саратов, 2007. С. 132.

Одновременно не стоит забывать и о правовой культуре правоприменителей, которая напрямую зависит от культуры законодателя, создающего непосредственные условия для ее развития путем выработки качественных законов, проведения и поддержания режима законности и правопорядка.

6. *Повышение авторитета и роли закона в общественной жизни является необходимостью на сегодняшний день. В условиях активного развития общественных отношений роль акта, обладающего высшей юридической силой, должна возрастать.*

7. *Дальнейшая активизация процесса использования форм и средств имплементации положительного опыта, накопленного судебной практикой, в предписания российского законодательства. Качественное состояние судебной практики, установленное через призму степени ее единства, способствует более точному определению направления, формы и способа повышения эффективности правоприменения и, что не менее важно, совершенствования системы действующего законодательства. В настоящий момент процесс правотворческой деятельности во многих случаях должен осуществляться с учетом обобщенного опыта применения судами норм законодательства, без чего законотворческая практика обречена на ошибки и упущения, сопряжена с игнорированием значительного числа пробелов и коллизий в праве, выявленных в течение ряда лет судебной практикой.*

Безусловно, определенные тенденции развития законодательства напрямую зависят от состояния общества и государства, которые можно корректировать как в положительную, так и в отрицательную сторону усилиями законодателя. Конечно, характеристика действующего российского законодательства не учитывает разносторонности его развития. Одни факторы, характеризующие законодательство, приобрели устойчивый характер, другие являются временными — реакцией на внешнее развитие политических и экономических отношений. Одновременно с этим следует отметить, что названные факторы взаимосвязаны и появление одних характеризующих тенденций

влечет за собой различные последствия, которые порой трансформируются в устойчивую характеристику законодательства.

Переходя к следующей главе, следует еще раз подчеркнуть, что одной из наиболее значимых тенденций развития российской правовой системы является все большее усиление роли судебной практики, причиной чего служит в том числе и снижение качества нормативного материала, кардинальность обновления и необходимость упорядочивания законодательства.

ГЛАВА 2. ЕДИНСТВО СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ — ВАЖНЕЙШИЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ

Судебная практика занимает центральное место в правовой системе Российской Федерации. Ее результаты всегда находятся в поле зрения ученых-юристов и практиков. Они изучаются, анализируются и обобщаются в целях получения информации о возможных вариантах поведения участников общественных отношений и применения законодательства в соответствии с истинным назначением.

Сегодня тот факт, что судебная практика является важнейшим средством повышения эффективности действующего законодательства, индикатором фактического состояния правовой системы, ориентирующим ее развитие в соответствии с высокими стандартами, провозглашенными Конституцией РФ, ни у кого не вызывает сомнений.

Впервые о сути судебной практики упоминалось в ходе дискуссии 40–50-х годов о роли руководящих постановлений Пленума Верховного Суда СССР и пленумов верховных судов союзных республик, когда был сформирован ряд направлений в понимании судебной практики. Судебная практика — это: во-первых, выводы и обобщения, сделанные Пленумом Верховного Суда из ряда судебных решений, принятых по аналогичным спорам, применяемых судами в течение определенного периода¹; во-вторых, решения по определенному делу, формирующие ее²; в-третьих, сложившаяся практика разрешения судами определенной категории дел, находящая отражение во вступивших в

¹ См.: Орловский П. Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 96.

² См.: Вильнянский С. И. Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР// Ученые записки Харьковского юридического института Вып. 13. Харьков, 1959. С. 75–76.

законную силу решениях и определениях судов разных инстанций¹; в-четвертых, общая категория, в которой выделяются отдельные разновидности и формы с точки зрения нормотворческого характера².

Осмысление места и роли судебной практики в российской правовой системе происходило постепенно. Изначально ее изучение сводилось к проблеме разграничения судебной практики (судебного прецедента) и обычая, творческой роли суда в ходе разрешения различных казусов, определенности правовых норм в процессе правоприменения. Так, Н.М. Коркунов писал, что судебная практика имеет много общего с обычаем. Подобно обычаю в ней юридические нормы выражаются не в общей форме, а лишь в применении по отдельным, частным случаям³.

По мнению В.Н. Кудрявцева, судебная практика представляет собой совокупную деятельность судов по разрешению конкретных дел, которая включает в себя любые решения (верные и неверные, оставшиеся в силе, отмененные или измененные), соответствующие или противоречащие общей линии⁴.

Иное мнение высказали С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров, подразумевавшие под судебной практикой единство судебной деятельности по применению правовых норм, которая связана с формированием правовых положений на основе разъяснения смысловой и содержательной стороны применяемых норм, а в необходимых случаях их конкретизации и детализации и специфичного результата этой деятельности (самих правовых положений). Указанные представители научной мысли полагали, что судебная практика начинается там, где необходима конкретизация понятий, выраженных в словесной формуле закона. В этих случаях в решениях судов содержатся разъяс-

¹ См.: Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974. С. 135.

² См.: Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. М., 1978. С. 32.

³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 328.

⁴ См.: Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самошенко И.С. Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 24–25.

нения, раскрывающие содержание закона и непосредственно не сформулированные в его тексте¹.

Иной точки зрения придерживался Ф.В. Тарановский, который акцентировал внимание на том, что судебная практика, несомненно, должна признаваться самостоятельным источником права².

В.Ю. Соловьев отмечал, что судебная практика в научной литературе рассматривается в узком и широком смыслах. В первом случае она выступает как результат судебной деятельности — устоявшаяся линия по разрешению определенной категории дел; во втором — взаимосвязана с эффективностью норм гражданского, уголовного, гражданско-процессуального, уголовно-процессуального законодательства³.

Интерес представляет точка зрения С.К. Загайновой, которая считает, что существующие позиции можно разделить на две группы. Первая объединяет сторонников отнесения к понятию «судебная практика» всех судебных решений всех судебных инстанций, в том числе постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Вторая включает в себя приверженцев определения судебной практики как судебных решений и разъяснений высших судебных инстанций, которые формулируют правоположения⁴.

По мнению С.В. Боботова, судебную практику следует представлять как сформулированные в процессе рассмотрения дел правовые положения, определения-дефиниции, правила, указания, обладающие определенной степенью обобщенности, общепризнанности и (во всяком случае, некоторые из них) обязательности⁵.

¹ См.: Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и форма судебной практики. М., 1975.

² Тарановский В.Ф. Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 197–210.

³ См.: Соловьев В.Ю. Понятие судебной практики // Законодательство и экономика. 2002. № 12. С. 33.

⁴ См.: Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002. С. 67.

⁵ См.: Боботов С.В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). М., 1994. С. 108.

Заслуживает внимания мнение председателя высшей инстанции Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, который предлагает анализировать судебную практику как деятельность органов судебной власти по применению законодательства при разрешении различных категорий судебных дел (гражданских, уголовных, административных и иных), взятую в совокупности, другими словами, как правовой опыт деятельности судов, в том числе с точки зрения обобщений и анализа этой деятельности, а также решений разных судебных инстанций, включая постановления и определения Верховного Суда РФ по конкретным категориям дел¹.

Данные трактовки судебной практики являются крайне разноплановыми и не способствуют приведению к единому знаменателю в дефинитивном определении понятия, ее места и роли в российской правовой системе.

Будучи разновидностью «юридической практики» как одного из видов деятельности в правовой сфере в единстве со сложившимся на ее основе социально-правовым опытом судебная практика имеет схожий процесс формирования. Предпосылкой ее возникновения является правоприменительная деятельность, направленная на реализацию правовых предписаний. Суд изучает фактические обстоятельства дела, осуществляет толкование закона, определяет наиболее целесообразный путь правового регулирования отношений.

Однако правоприменение — не единственное составляющее судебной деятельности, в связи с чем возникает вопрос: любая ли деятельность суда формирует судебную практику? Чтобы ответить на него, необходимо определиться с содержательным аспектом судебной деятельности. По мнению некоторых ученых, в судебную деятельность, помимо правоприменительной, включена также контрольная деятельность судов. Так, Е.Б. Абросимова вместе с полномочием суда осуществлять правосудие выделяет полномочие административного судебного контроля и полномочия судебного конституци-

¹ См.: Лебедев В.М. Судебная практика и развитие законодательства// Законодательство России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции. М., 2002. С. 42.

онного контроля¹. И.С. Дикарев считает, что дефиниция «правосудие» охватывает всю деятельность суда, включая и судебный контроль². В то же время в силу действующего законодательства суд осуществляет и иную деятельность, не связанную с отправлением правосудия: организационную деятельность по рассмотрению конкретного уголовного или гражданского дела, организационную деятельность по осуществлению судебного контроля, деятельность по обобщению судебной практики, деятельность по обучению кадров и повышению их квалификации, деятельность по финансово-материальному и техническому обеспечению, выступление с законодательной инициативой и т.д. Таким образом, к судебной деятельности относится деятельность всех звеньев органов судебной власти, направленная на реализацию целей и задач, для которых они созданы, включающая в себя в том числе и формирование судебной практики. В таком смысле судебная практика выступает результатом не всей судебной деятельности, а лишь той, которая связана с применением судьями нормы права при рассмотрении определенного спора, толкованием, конкретизацией, преодолением пробелов в законодательстве.

Итогом судебного правоприменения является судебное решение по конкретному делу, содержащее правовую аргументацию, выводы, положения, которые обосновывают принятое судьей решение. Учитывая, что в процессе судебной деятельности достигается определенный результат в виде принятого решения по конкретному делу, можно заключить, что судебная деятельность служит предпосылкой формирования и частью содержания судебной практики.

В процессе рассмотрения дел по определенной категории споров судами вырабатывается позиция, которая в последующем становится наиболее значимой частью накапливаемого опыта применения судами норм права. В

¹ См.: Абросимова Е.Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М., 2002. С. 13.

² См.: Дикарев И.С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. 2008. № 2. С. 48.

процессе формирования судебной практики вырабатываются принципиальные походы, которые служат своеобразным ориентиром при рассмотрении конкретных дел, что складывается в своего рода опыт применения конкретной нормы права. Такой опыт позволяет определить основные направления формирования судебной практики по тому или иному вопросу, а также динамику применения той или иной нормы к конкретным правоотношениям, проблемы, возникающие при применении нормы к правовым отношениям, и т.д. Эта практика может существовать разрозненно в рамках разных судов либо определенной территории, а также в рамках конкретного суда. В противном случае она не реализуется до тех пор, пока не будет сформулирована конкретным образом: в виде документа по результатам анализа и обобщения либо в виде судебного акта, используемого судом при рассмотрении аналогичного дела.

В процессе правоприменения судами могут быть выявлены скрытые и явные недочеты, пробелы и коллизии в законодательстве. В таком случае действующее законодательство не допускает отказа от правосудия по мотиву отсутствия нормативного правового акта либо нормы права. Следовательно, даже при наличии пробела в законодательном регулировании конфликта суды должны рассмотреть дело и вынести решение, отвечающее всем необходимым процессуальным требованиям и нормам Конституции. В случае обнаружения законодательной неточности либо неясности суд вынужден толковать и конкретизировать дефектную норму, в результате чего формируется более конкретное и устойчивое правило поведения, приобретающее впоследствии статус правового положения.

На сегодняшний день *судебную практику формируют правовые позиции* Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного суда РФ (в части судебных актов, сохранивших свою силу после реорганизации системы арбитражных судов), принимаемые при разрешении дел определённой категории.

Как орган судебной власти, одним из направлений деятельности которого является осуществление конституционного контроля, Конституционный Суд РФ ориентирует развитие правовой системы России, ее законотворчество и правоприменительную практику в направлении соответствия современному пониманию прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹.

В своих постановлениях Конституционный Суд РФ приводит юридическую аргументацию по рассматриваемым вопросам. Нормативной основой такого решения является сформированная позиция суда по правовым вопросам относительно содержания конституционных норм, о соответствии или несоответствии правового акта Основному Закону, а также выработанные правила. Причем в силу прямого указания ст. 106 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» толкование Конституции РФ, сформулированное Конституционным Судом РФ, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Конституционный Суд РФ играет решающую роль, в особенности в процессе обобщения материалов судебно-конституционной практики и выработки единых подходов к конституционной оценке действующего законодательства и единообразной организации деятельности судов субъектов РФ с учетом их национально-региональных особенностей.

Нередко в процессе своей деятельности по проверке нормативно-правового акта на соответствие Конституции РФ Конституционный Суд РФ может изменить как сложившуюся судебную практику, так и нормативно-правовой акт. Одним из примеров может служить Постановление Конституционного суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке консти-

¹ URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/> (дата обращения: 15.07.2013).

туционности части 2 статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года „О банках и банковской деятельности” в связи с жалобами граждан Веселяшкой О.Ю., Веселяшкиной А.Ю., Лазаренко Н.П.»¹. Конституционный Суд РФ изменил практику, сложившуюся на основании этого Закона в судах общей юрисдикции и прямо противоречившую нормам Гражданского кодекса РФ относительно возможностей банков изменять процентные ставки по вкладам граждан без их согласия, «обратив» суды к нормам Гражданского кодекса РФ, а не к интересам «банковского лобби».

26 мая 2011 г. было принято Постановление № 10-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса РФ, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда РФ².

Конституционный Суд РФ, исходя из четкого разграничения частноправовых и публично-правовых аспектов отношений, складывающихся по поводу недвижимого имущества, подтвердил право третейских судов на рассмотрение гражданско-правовых споров о недвижимости, при этом несколько «охладив пыл» немногочисленных, но достаточно влиятельных противников третейского разбирательства, а по существу придал новый импульс дальнейшему развитию этой эффективной формы альтернативного разбирательства споров, признав ее одним из «институтов гражданского общества, наделенных публично значимыми функциями».

Правовые позиции Верховного Суда РФ приобретают статус судебно-нормативной материи при формировании разъяснений пленумов, обязательных для нижестоящих судов. Согласно ч. 3 ст. 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской

¹ См.: СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1254.

² См.: СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

Федерации»¹ за Пленумом Верховного Суда РФ закреплены полномочия по рассмотрению материалов анализа и обобщения судебной практики, а также разъяснение вопросов судебной практики для судов нижестоящих инстанций в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации. Особое место в изучении и обобщении судебной практики в целях единообразного применения законодательства занимают подготовка и принятие постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Этому предшествует серьезная работа по изучению и аккумулированию судебной статистики и необходимых материалов судебных решений, обращается внимание на наиболее частые ошибки, допускаемые судами при рассмотрении определенной категории дел. В итоге собранная информация синтезируется для подготовки проекта постановления Пленума, который впоследствии обсуждается с привлечением специалистов различных отраслей, а также ученых-правоведов.

Постановления Пленума содержат наиболее точные рекомендации для правильного применения действующего законодательства судами общей юрисдикции и правоохранительными органами, а также восполняют и преодолевают пробелы в законодательстве, толкуют и разъясняют нормативно-правовой акт, применяемый судами. В качестве примера можно привести Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»², в п. 15 которого закреплено положение, согласно которому порядок, регулирующий компенсацию морального вреда относительно распространения сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяется и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица. Тем самым Пленум Верховного Суда РФ допустил возможность компенсации морального вреда юридиче-

¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005 № 4.

скому лицу. Такое решение было принято с опорой на прецедентную практику Европейского Суда по правам человека.

Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, изданные до его ликвидации, но сохранившие свою силу по сей день, по-прежнему представляют собой бесценный опыт, накопленный в процессе деятельности арбитражных судов, оказывающий положительное воздействие на правоприменение. В связи с этим следует назвать постановления Пленума, разъясняющего и уточняющего положения законодательства, а также восполняющего пробел в законодательном регулировании: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона „О рекламе”»¹, в котором разъяснялось, что в качестве рекламы не может быть квалифицирована информация, размещение которой обязательно в силу закона или обычая делового оборота, даже если у такой информации имеются все признаки рекламы, перечисленные в ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 8 марта 2015 г.)² (далее — Закон о рекламе). Вместе с тем в этом Законе законодателемдается четкое определение рекламы, под которой понимается информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Правовая позиция, изложенная в п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 58, нашла отражение в судебной практике, тем самым обеспечив единообразное применение законодательства. Так, в Постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 ноября 2012 г. по делу № А23-3068/2012 со ссылкой на это Постановление указано, что размещение в витрине магазина графической информации о товаре, ко-

¹ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 12.

² См.: СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232; 2015. № 1. Ст. 13.

торый непосредственно продается в розницу в этом магазине, не может быть квалифицировано как реклама¹.

Постановления пленумов необходимы и для качественного урегулирования правовых отношений, не нашедших закрепления в действующем законодательстве.

Другими составляющими судебной практики являются *руководящие разъяснения* Верховного Суда РФ по вопросам правильного и единообразного применения законодательства, обязательные для нижестоящих судов. Полномочия по разъяснению возложены на Верховный Суд РФ ст. 126 Конституции РФ, ст. 9, 14 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»².

До вступления в силу Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» руководящие разъяснения формировал и Высший Арбитражный Суд РФ на основании п. 2 ст. 13 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1993 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в ред. от 23 июня 2014 г.)³. После его ликвидации арбитражные суды по-прежнему могут ссылаться на постановления, сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики и постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ в мотивировочной части решения. Это означает, что правовые позиции, сформированные и сформулированные ранее Высшим Арбитражным Судом РФ, наравне с правовыми позициями Верховного Суда РФ, имеют обязательное значение для нижестоящих судов.

Разъяснения высших судебных инстанций можно расценивать как официальную судебную доктрину, ориентир для судей в процессе правоприменения и фактор повышения научно-практического уровня квалификации су-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

³ См.: СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

дейского корпуса. Это форма предзаконодательного моделирования, апробирования и совершенствования правовых норм¹. Разъяснения имеют направленность на раскрытие истинного смысла законодательства: определение содержательной составляющей правовой нормы, заложенной законодателем при принятии нормативно-правового акта, а также уточнение и корректировку нового содержания нормы ввиду активных изменений в общественных отношениях.

Следующим элементом судебной практики выступают *информационные письма*.

На сегодняшний день деятельность по подготовке и изданию информационных писем Президиума Верховного Суда РФ не упоминается. Однако ранее изданные Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ разъяснения в форме информационных писем, несомненно, должны применяться судами (если Верховный Суд РФ не отменит, не отзовет конкретные разъяснения), поскольку они отражают позицию высшей судебной инстанции по определенному вопросу. Основное назначение таких писем состоит в информировании судов о выработке рекомендаций по применению законодательных норм. Информационные письма всегда принимаются на основе существующей практики и представляют собой ее систематизацию и обобщение. Ввиду этого информационные письма можно использовать в качестве обоснования правовой позиции в надзорной жалобе или в заявлении о пересмотре в порядке надзора в отношении нарушения единообразия судебной практики. Например, Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации» в (ред. от 1 июля 2014 г.)², в тексте которого содержится большое количество «норм», способствующих урегулированию незначительных пробелов про-

¹ См.: Мадьярова А.В. Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. С. 10.

² См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 10.

цессуального закона, таких как необходимость рассмотрения кассационных и апелляционных жалоб только после истечения процессуального срока на обжалование судебных актов, возможность истца изменить предмет или основание иска в суде апелляционной инстанции после отмены данным судом решения суда первой инстанции и т.д.

Учитывая вспомогательный характер информационных писем по отношению к постановлениям пленумов, следует подчеркнуть, что статус информационных писем несколько ниже, однако на практике, правоприменители зачастую отождествляют их по своей правовой природе с постановлениями Пленумов. Основанием к такому заключению служит равное судебное применение как информационных писем, так и постановлений Пленумов в процессе рассмотрения дела. Кроме того, высшие судебные инстанции неоднократно указывали на необходимость применения, помимо постановлений Пленумов, информационных писем при разрешении различных категорий дел. Поэтому, за информационными письмами также закреплен статус правового регулятора спорных правовых отношений либо отношений, не нашедших закрепления в действующем законодательстве. Особое место среди составляющих судебной практики занимают *обзоры и обобщения судебной практики*, систематическое изучение которой позволяет выявить актуальные проблемы правоприменения действующего законодательства судами при осуществлении правосудия.

На сегодняшний день обобщение практики Верховного Суда РФ осуществляется им на основании ст. 2, 12, 14 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» также содержит положения, из которых фактически следуют полномочия верховного суда республики, краевого, областного суда, суда городов федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа по проведению обобщений (ст. 29, 31).

При подготовке обобщений судебной практики Верховным Судом РФ примерная программа ее изучения направляется во все верховные, областные, краевые и соответствующие им суды Российской Федерации с поручением провести анализ и обобщение судебной практики и в обозначенный срок направить в Верховный Суд РФ справки с результатами обобщения¹.

В то же время верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суд автономной области, суды автономных округов, а также суды нижестоящих инстанций сами проводят обобщения по актуальным вопросам. Эти обзоры, справки о результатах обобщений не всегда доступны на официальных сайтах соответствующих верховных судов республик, краевых (областных) судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, однако имеют важнейшее значение для формирования судебной практики.

Посредством обобщения судебной практики проводится подведение итогов ее развития при рассмотрении споров на уровне соответствующей инстанции, анализ правильности применения судьями законодательства, а также проблем, возникающих при рассмотрении определенной категории споров. Например, в процессе обобщения судебной практики, проведенного в соответствии с планом Саратовского областного суда на первое полугодие 2014 г., был сделан вывод о том, что судами в целом правильно и единообразно применяются нормы законодательства. Кроме того, отмечалось, что в качестве главной задачи судов выступает своевременное и в интересах ребенка рассмотрение и разрешение спора о его содержании. Вместе с тем при разрешении дел данной категории судами в ряде случаев допускаются нарушения законодательства, решения принимаются без учета изменений, внесенных Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 363-ФЗ «О внесении

¹ См.: Андрианов А.Н., Болдырев В.Б., Бошно С.В, Горохова Д.Б. и др. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М., 2009. С. 416.

изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹, а также не всегда учитываются разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей»², положения ст. 122 и 125 ГПК РФ, регулирующие основания, по которым выдается судебный приказ³.

В качестве примера также можно привести обзор судебной практики по уголовным делам кассационной инстанции Московского городского суда за первое полугодие 2015 г., где содержится практика применения судами статей Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ с целью привлечения внимания коллег к возможным путям развития судебной практики.

Устанавливая проблемные вопросы правоприменительной практики, вышестоящий суд обеспечивает единообразный подход к разрешению существующих проблем в практике применения законодательства, что способствует повышению эффективности судебной защиты и единообразной правоприменительной деятельности.

Учитывая изложенное можно сделать вывод, что обзоры и обобщения судебной практики обусловлены и сутью, и содержанием правосудия, которое основано на принципах верховенства закона и единства законности на всей территории Российской Федерации, а также равенства каждого перед законом и судом. При этом деятельность судов по изучению и обобщению судебной практики должна осуществляться на постоянной основе, иметь четкие нормативные контуры⁴.

¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7041.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

³ URL: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=9833 (дата обращения: 28.03.2016).

⁴ См.: Александров С. В., Бурдина Е. В. Обобщение судебной практики как направление деятельности судов общей юрисдикции: понятие, значение, проблемы правового регулирования // Российское правосудие. 2010. № 5. С. 57–65.

Основополагающим элементом судебной практики являются *иные судебные решения нижестоящих судов*, то есть судебные акты всех судов как результат судебной деятельности по рассмотрению споров.

Безусловно, подготовка и принятие актов высших судебных инстанций невозможны в отсутствие такой эмпирической базы, как судебные решения нижестоящих инстанций, включающие в себя каждыйдневный опыт судебной деятельности по разрешению различных категорий споров. Учитывая это, судебную практику составляют как решения судов общей юрисдикции, так и иных судебных органов, создающих основополагающую базу в виде решений по различным вопросам, что имеет значение для последующего формирования разъяснений, обязательных для применения всеми судебными инстанциями при рассмотрении аналогичных споров.

Отдельным элементом судебной практики можно считать *решения Европейского Суда по правам человека*, что обусловлено вступлением России под юрисдикцию международного судебного органа. Так, в соответствии с Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод»¹ Российская Федерация признала обязательность решений Европейского Суда по правам человека, в том числе по делам против иных государств.

В литературе зачастую высказываются мнения о рекомендательном характере решений и постановлений Европейского Суда по правам человека. Такое суждение в корне неверно.

Действующее законодательство и практика применения свидетельствуют о том, что попытки властей государств-ответчиков проигнорировать ранее вынесенные прецедентные постановления и содержащиеся в них правовые позиции Суда по другим странам-членам Совета Европы «наказываются» более жесткими санкциями, в первую очередь повышенным размером

¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 26. Ст. 3024.

присуждаемых денежных компенсаций заявителю¹. Интересен и тот факт, что Верховный Суд РФ в настоящее время готовит обзоры практики Европейского Суда по правам человека. В качестве примера можно привести «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2015 г.)², опубликованный в журнале *Солидарность* содержащий краткую информацию о решениях Европейского Суда по правам человека, принятых в отношении России.

В то же время в одном из решений Конституционного Суда РФ было установлено, что Основной Закон страны стоит выше международных актов, и обязательность исполнения вердиктов ЕСПЧ может быть оспорена в Конституционном Суде РФ. Если у судов, Правительства, Президента РФ появятся сомнения в том, насколько решения Европейского Суда по правам человека исполнимы, то они могут обратиться в Конституционный Суд РФ, за которым и останется последнее слово³. Данное обстоятельство обуславливает расположение решений Европейского Суда по правам человека в рамках судебной практики по иерархии после актов Конституционного Суда Российской Федерации.

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие наиболее значимые формы выражения опыта, накопленного судебной практикой:

- 1) правовые позиции высших судебных инстанций;
- 2) решения Европейского Суда по правам человека;
- 3) руководящие разъяснения;
- 4) информационные письма;
- 5) обзоры и обобщения судебной практики;

¹ См.: Судебная практика Европейского Суда по правам человека по статье 10 Европейской Конвенции. Т. 2 / под ред. Г.Ю. Араповой. СПб., 2004. С. 6.

² Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2015 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 256 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.И. Романовой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5.

6) иные решения нижестоящих судов, положенные в основу формирования судебной практики.

Данные элементы имеют важное значение для судебной системы при правоприменении в процессе рассмотрения дела и вынесении окончательного решения.

Следует отметить оптимизирующее воздействие судебной практики на само законодательство, на подготовку и принятие нормативных актов, соответствующих степени развития общественных отношений, позволяющих их адекватно регламентировать.

Имея первостепенную задачу, выраженную в эффективной защите нарушенных прав и свобод человека и гражданина, юридических лиц, организаций, судебная практика способна к регулированию общественных отношений, что проявляется при отсутствии необходимой нормы, которую стороны могли бы применить, либо наличия в законодательстве неустранимых противоречий и коллизий, способствующих многочисленным спорам и различиям в правоприменении.

В таком случае суд при принятии решения выступает в роли регулятора общественных отношений, а решение, содержащее вывод по делу, является обязательным для сторон предписанием. Такая практика может быть положена в основу модели построения отношений иных субъектов, не являвшихся участниками процесса, что свидетельствует о широком круге лиц, на которых может оказаться влияние конкретный судебный акт.

Учитывая многочисленные пробелы и противоречия в законодательстве, а также продолжительность законодательного процесса (не всегда с положительным исходом обсуждения конкретного законопроекта), следует отметить, что судебная практика служит ориентиром как для правоприменителя, так и для законодателя, восполняя пробелы и устраняя противоречия в законодательстве. Это позволяет говорить о ней как о наиболее эффективном институте устранения противоречий в действующем законодательстве, обнаруженных в процессе правоприменения.

Некоторые ученые обоснованно считают, что пробелы в праве могут быть исключены посредством аналогии закона или аналогии права, что является неотъемлемой функцией судебной практики. Одновременно такая деятельность может быть признана и правотворческой ввиду того, что суд при применении аналогии закона или аналогии права восполняет законодательные пробелы, то есть создает новую норму права, которая становится основанием для разрешения дела¹. Непосредственным результатом такой деятельности является разрешение какого-либо конфликта посредством издания акта судебного применения к юридическому делу, который способствует становлению устойчивой практики применения нормы закона.

Одновременно судебная практика служит ориентиром для законодателя при внесении поправок в законодательные нормы либо для подготовки нового законопроекта, что является положительной тенденцией развития законодательства. Яркий пример этого — вносимые изменения на основании судебной практики в динамично развивающееся гражданское и налоговое законодательство РФ. Так, в проектах поправок к ним неоднократно дается ссылка на судебную практику разрешения правовых споров. Например, в пояснительной записке к проекту изменений Гражданского кодекса РФ. В части установления правовых основ регулирования корпоративного договора содержится отсылка на имеющиеся в судебной практике (хотя и пока немногочисленные) примеры признания акционерного соглашения недействительным в случае, если в нем изменены условия.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что судебная практика способна оперативно реагировать на все изменения общественных отношений и вырабатывать механизм их регулирования, что дает основание говорить о ней как об одном из элементов механизма правового регулирования.

Учитывая вышеизложенное, можно дать определение *судебной практики*: это взятые в единстве предметно-практическая деятельность судебных

¹ См.: Братусь С.И., Венгеров А.Б. Указ. раб. С. 66.

органов по разрешению юридических дел, толкованию и конкретизации предписаний права и накопленный в результате ее осуществления опыт, выраженный в первую очередь в правовых позициях высших судов, обзорах и обобщениях, информационных письмах, обязательных разъяснениях, а также в виде решений по конкретным делам судов первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций.

Выражение судебной практики в судебном акте высшей судебной инстанции не являются конечной целью ее формирования. Достигнутый результат в виде правового положения продолжает реализовываться во времени и пространстве в отношении субъектов правовых отношений.

Закрепление позиции по спорному вопросу на уровне судов высших судебных инстанций в виде конкретного решения по делу, обобщения практики рассмотрения споров, разъяснениях или постановлениях дает основание для формулирования судами четкого положения по конкретному вопросу, обязательному для судебного применения. Так, согласно Федеральному конституционному закону от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» Верховный Суд РФ изучает, обобщает судебную практику и в целях обеспечения ее единства дает судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации.

Применение такого положения при рассмотрении аналогичного спора нижестоящими судебными инстанциями обязательно в силу действующего законодательства. Так, п. 3 ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ закрепляет, что в мотивировочной части решения арбитражного суда наряду со ссылками на законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, могут сдержаться ссылки на постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики. Статьей 6 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14 декабря 2015 г.) закрепляется, что решения Конституцион-

ного Суда РФ обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений¹.

Нельзя не сказать о п. 17.2 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ, в котором разъясняется, что при определении содержания решения суда следует уточнить, что в его мотивировочной части могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда РФ и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. Возможен и другой вариант: «В мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления и решения Европейского Суда по правам человека, решения Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятые Верховным Судом Российской Федерации в целях обеспечения единства судебной практики и законности»².

Такая обязанность судов следовать единству обусловлена необходимостью устранения разногласий в системе судов, а также между практикой применения тех или иных норм права между судами. Ведь применение законодательства в соответствии с его духом и смыслом, а также создание условий, исключающих неопределенность в понимании законодательных норм, является основной задачей правового государства в обеспечении эффективной защиты прав граждан.

¹ См.: СЗ РФ.1994. № 13. Ст. 1447; 2015. № 51 (ч. I). Ст. 7229.

² Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Учитывая изложенное, единство судебной практики выражается в следующем:

сформированных высшими судебными инстанциями позициях по вопросам применения правовой нормы;

следовании нижестоящими судами сформированной высшими судебными инстанциями позиции при рассмотрении споров.

В то же время принятие судами различных решений по аналогичным спорам негативно сказывается на уровне судебной защиты и отражается на уровне доверия граждан к судебной системе и качестве правосудия в целом, а также на уровне и состоянии законности в стране. Так, на сегодняшний день нарушение судами единства судебной практики служит одним из оснований для отмены или изменения в порядке надзора судебных актов. Так, ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ и ст. 308.8 Арбитражного процессуального кодекса РФ² устанавливают последствия нарушения единообразия в толковании и применении судами норм права. Согласно ст. 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2014 г.) в целях обеспечения единства судебной практики и законности Президиум Верховного Суда РФ проверяет в порядке надзора, в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступившие в силу судебные акты³. Учитывая это, необходимо констатировать, что решение, принятое с нарушением единства судебной практики, крайне неустойчиво, подвергается сомнению законность его принятия и эффективность защиты нарушенных прав. Поэтому каждый судья в своей деятельности должен

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ: принят 14 ноября 2002 г. (в ред. от 6 апреля 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2015. № 10. Ст. 1393.

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации № 95-ФЗ: принят 24 июля 2002 г. (в ред. от 29 июня 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2015. № 27. Ст. 3945.

³ См.: СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

стремиться придерживаться выработанной позиции по вопросам единообразного применения норм закона по аналогичным спорам.

Таким образом, следует заключить, что качественное состояние судебной практики, установленное через призму степени ее единства, способствует более точному определению направления, формы и способа повышения эффективности правоприменения и, что не менее важно, совершенствования системы действующего законодательства. В силу этого необходима более четкая законодательная регламентация единства судебной практики в качестве общего принципа направления правосудия наряду с иными конституционными началами, прямо или косвенно выраженными в праве.

С точки зрения факта, что защита прав человека с помощью специально созданных в обществе государственных органов (судов) является основой правосудия, единство судебной практики занимает центральное место в правоприменительной деятельности органов судебной власти и является основополагающим принципом или «движущей силой» для российского правосудия.

Одновременно единство судебной практики оказывает положительное воздействие на качественное осуществление правосудия, проявляющееся в возможности применения судьями в случае пробела, коллизии или отсутствия законодательного регулирования общественных отношений сформированной высшими судебными инстанциями единой судебной практики к аналогичным спорам.

Примечательно, что в толковом словаре Даля В.И. единство понимается как свойство единого, составляющего одно целое; единодушие, единомыслие, что несколько отличает его от понятия «единообразие», которое употребляется в значении одинаковости в виде, в образе¹. В словаре Ефремовой единство понимается как общность, солидарность, отсутствие дробления; цельность, неделимость². Приведенное понимание «единства» соответствует

¹ См.: *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 310–311.

² URL: http://slovarus.info/rus_ef.php?id=%E5&pg=2 (дата обращения: 25.01.2015).

правовой природе единства судебной практики, заключающейся в единообразном понимании и применении судами положений законодательства.

В настоящее время при динамично развивающемся законодательстве ценность единства судебной практики состоит в том, что с ее помощью стало возможным восполнение пробелов в праве и устранение коллизий. Об этом позволяет говорить тот факт, что посредством неоднократного применения органами судебной власти правовых позиций высших судебных инстанций единство судебной практики способствует формированию модели поведения участников общественных отношений.

Результат, достигаемый в процессе формирования единства судебной практики, выступает в виде устойчивого правила, при котором участники общественных отношений имеют четкое представление о допустимом поведении при применении той или иной нормы законодательства. Ярчайшим проявлением этого выступает сложившееся единство судебной практики по вопросу заключения договора аренды. Так, в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2002 г. № 66, информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 февраля 2001 г. № 59 сделаны выводы по вопросам, возникающим у правоприменителей при применении ст. 651 Гражданского кодекса РФ в части государственной регистрации договоров аренды нежилого помещения. Так, судами выработана однозначная позиция относительно того, что договор аренды здания, возобновленный на неопределенный срок, не нуждается в государственной регистрации, поскольку, согласно п. 2 ст. 651 Гражданского кодекса РФ государственной регистрации подлежит договор аренды здания, заключенный только на срок не менее одного года (п. 11 информационного письма № 59). Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ фактически принял к заключению нового договора аренды продление договора на тот же срок по окончании срока его действия (п. 10 информационного письма № 59). Следовательно, возобновление договора аренды на неопределенный срок

также является заключением нового договора, который не содержит условия о сроке его действия и признается заключенным на неопределенный срок.

Таким образом, судами были выработаны дополнительные к статьям Гражданского кодекса РФ разъясняющие положения, при которых отсутствие регистрации краткосрочного аренды, определенно, не будет признано нарушением норм Гражданского кодекса РФ. Данная позиция закрепилась в дальнейшем при применении и толковании судами этой же статьи Гражданского кодекса РФ при рассмотрении аналогичных споров, например, в постановлениях Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28 декабря 2010 г. по делу № А11-417/2010, Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 7 апреля 2011 г. № Ф03-1016/2011 по делу № А73-8387/2010, Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 мая 2011 г. по делу № А81-3520/2010, Федерального арбитражного суда Уральского округа от 26 февраля 2007 г. № Ф09-108/07-С6 по делу № А50-14181/2006, Федерального арбитражного суда Центрального округа от 20 мая 2011 г. по делу № А48-3783/2010).

На примере указанных разъяснений можно утверждать, что не только органы судебной власти являются их окончательными применителями.

В целом единство судебной практики, сложившееся на основе актов органов судебной власти, влияет на решение сторон общественных отношений, становится своего рода руководящим началом для всех правоприменителей и может оказывать влияние и на действия всех ветвей власти при принятии решения. В качестве примера можно привести Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы», в соответствии с которым в рамках противодействия коррупции Верховному Суду РФ было рекомендовано подготовить и утвердить ряд таких документов, как: обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о применении п. 9 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных

нужд»; обзор судебной практики по делам, связанным с привлечением к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 Кодекса РФ об административных правонарушениях; обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров об обращении в доход государства имущества, в отношении которого отсутствуют доказательства приобретения на законные доходы, а также обеспечить опубликование в установленном порядке обзоров судебной практики по вышеизложенным направлениям¹.

Приведенный пример является показателем влияния единства судебной практики на политику государства в области противодействия коррупции, на будущие действия органов судебной власти и остальных лиц при применении закона.

В то же время единство судебной практики является не только средством обеспечения единообразного применения закона в типовых ситуациях разрешения правовых споров, но и индикатором развития правовой системы в соответствии с высокими стандартами, провозглашенными в Конституции РФ. Это подтверждает решение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй квартал 2015 года»². В данном обзоре Конституционный Суд РФ приводит Постановление от 25 июня 2015 г. № 17-П, в котором дает оценку конституционности ч. 3 ст. 71 Федерального закона «Об охоте и охранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где оспоренная норма являлась предметом рассмотрения в той мере, в какой на ее основании решался вопрос о сроках охотхозяйственных соглашений в отношении охотничьих угодий, заключаемых без проведения аукциона на право заключения охотхозяйственных соглашений лицами, имеющими долгосрочные лицензии на пользование животным миром в отношении охотничьих ресурсов.

¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/bank> (дата обращения: 01.04.2016).

² Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Оспоренное законоположение было признано Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ, поскольку в силу неопределенности своего нормативного содержания оно порождает возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного применения. При этом складывающееся единство в судебной практике направлено на конкретизацию существующих положений закона, что позволяет говорить о ней как о направляющем векторе для законодательных изменений. Так, в случае отсутствия нормы, способной урегулировать общественные отношения, сложившееся единство судебной практики сигнализирует о существующих в законодательстве пробелах и противоречиях.

Учитывая это, можно утверждать, что единство судебной практики определяет общую направленность и тенденции развития российского законодательства и выступает основой для объединения отдельных норм в единую систему. В то же время следует отметить, что формирующееся единство судебной практики не умаляет значения самого закона, поскольку такой процесс происходит на его основании и в большей степени способствует установлению не только формального, но и реального господства закона во всех сферах жизни общества. Из этого следует, что единство судебной практики позволяет повысить качество и соответственно результативность нормативно-правового акта, а также оказать влияние на решение законодателя при разработке и принятии как поправок в нормативные акты, так и конкретных законов. Такое влияние проявляется в том, что единообразная судебная практика учитывается законодателем при внесении поправок в законодательные нормы либо для подготовки нового законопроекта, что является положительной тенденцией развития законодательства. В качестве примера можно привести вносимые изменения на основании судебной практики в динамично развивающееся гражданское и налоговое законодательство РФ. Так, в проектах поправок к ним неоднократно дается ссылка на судебную практику разрешения правовых споров. Например, в пояснительной записке к проекту изменений Гражданского кодекса РФ в части установления правовых основ

регулирования корпоративного договора содержится отсылка на имеющиеся в судебной практике (хотя и пока немногочисленные) примеры признания акционерного соглашения недействительным в случае, если в нем изменены установленные законом порядок и способы управления акционерным обществом¹.

В пояснительной записке «К проекту Федерального закона „О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”» содержатся упоминания о сложившейся в судебной практике позиции, в частности изменения и дополнения правил о прекращении обязательств (гл. 26 ГК РФ). Данный законопроект обусловлен необходимостью устранения пробелов в правовом регулировании, выявленных судебной практикой. Так, отступное определяется как реальная сделка (ст. 409), при зачете встречного однородного требования обязательство будет считаться прекращенным с момента получения заявления стороны о зачете другой стороной обязательства (ст. 410), под новацией предлагается понимать соглашение сторон о замене первоначального обязательства другим обязательством (ст. 414)².

Таких примеров множество. Очевидно то, что единообразная судебная практика становится реальным ориентиром для законодательных изменений. В целом она раскрывает регламентационные возможности правовых предписаний, способствует уточнению и конкретизации положений нормативных актов, отражающих развитие общества и регламентирующих ту или иную сферу общественных отношений в соответствии с потребностями его развития.

¹ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25 мая 2011 г. по делу № А57-7487/2010. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона „О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Учитывая изложенное, следует отметить, что единство судебной практики обладает следующими характерными чертами:

1) представляет собой комплекс общеобязательных требований, вытекающих из общего смысла предписаний Конституции РФ и процессуальных кодексов по обеспечению единообразного толкования и применения закона и иных нормативных правовых актов всеми органами судебной власти;

2) его юридическая природа как конституционного принципа раскрывается в двух аспектах — формальном (стремление к единообразию в правовой квалификации по аналогичным делам) и содержательном (достижение цели правосудия в виде обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина);

3) обеспечивается выработкой и неукоснительной реализацией правовых позиций высших судов;

4) выступает составной частью более широкого принципа законности, в рамках которого имеет наибольшую связь и подчиненность по отношению к принципам приоритета прав и свобод человека и гражданина и верховенства закона;

5) обеспечивает преодоление пробелов и разрешение коллизий в правовом регулировании общественных отношений;

6) вносит ясность в понимание законодательных норм и способствует единообразному применению норм материального и процессуального права;

7) оказывает влияние на правовые действия, совершаемые различными субъектами права, что свидетельствует о широком круге применителей единой судебной практики;

8) выступает в качестве ориентира, значимого опыта, который необходимо учитывать в процессе последующих изменений законодательства.

Принимая во внимание, что основная направленность единства судебной практики — это единообразное понимание и применение норм закона судьями можно говорить о ней как об основном правиле ведения и рассмотрения дел в суде. Единство судебной практики в совокупности со всеми

принципами судопроизводства образует качественную модель осуществления правосудия, отражает сущность судебного процесса и предопределяет содержание деятельности составляющей органов судебной власти.

Вышеизложенное позволяет говорить о единстве судебной практики как об одном из конституционных принципов судопроизводства, причем содержание данного принципа исходит не только из общего смысла предписаний Конституции РФ, ряда норм процессуальных кодексов, но и одновременно обусловливается общеправовыми принципами, такими как: право человека на судебную защиту его прав и свобод, равенства прав граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), законности (ст. 15 Конституции РФ).

Учитывая изложенное, единство судебной практики должно быть четко сформулировано в системе законодательства в качестве обязательного принципа судебной деятельности. Считаем, что нормативное закрепление названного принципа позволит не только установить важнейшие ориентиры при разрешении споров в процессе судопроизводства, но и повысить качество действующего законодательства. Так, по нашему мнению, Арбитражный процессуальный кодекс РФ целесообразно дополнить ст. 6.1 «Соответствие единству судебной практики»: При рассмотрении дел арбитражный суд следует единству судебной практики, сложившемуся по аналогичному спору.

В Гражданский процессуальный кодекс РФ предлагаем внести ст. 11 «Соответствие единству судебной практики»: При рассмотрении дел суд следует единству судебной практики, сложившемуся по аналогичному спору.

Аналогичная норма подлежит включению в Кодекс административного судопроизводства РФ.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что единство судебной практики играет незаменимую роль в качественном осуществлении правосудия, что проявляется в формировании единообразного понимания норм законодательства у судей при их применении для конкретного разрешения споров, а также исключении ошибок.

В то же время необходимо указать, что, несмотря на законодательное закрепление обязательного соответствия судебных актов единству судебной практики и ее огромное значение для правоприменения, это явление практически не изучено в современном правоведении. На сегодняшний день законодатель не раскрывает самого содержания понятия «единство судебной практики». Нет единодушного мнения и среди ученых.

Как считает Л.А. Грось, единообразие (единство) судебной практики — это не что иное, как обоснованность применения судебных актов, с учетом «фактической стороны» любого гражданского дела, в основе которых лежит правильное применение норм материального и процессуального права¹.

Ю.А. Попова предлагает под единством судебной практики понимать акт высшего органа судебной власти в лице его Пленума, постановленный по результатам научно-практического анализа правоприменительной практики, содержащий рекомендации судам данной судебной системы по единообразному толкованию и применению норм права, обязательный к исполнению всеми судами².

По мнению М.Фокиной, с учетом того, что источником гражданского процессуального права может быть только судебная практика высших судебных инстанций, обеспечение ее единства в перспективе должно стать исключительной целью надзорного производства³.

Примечательно, что Президиум Верховного Суда РФ в одном из своих постановлений предпринял попытку определить понятие «единство судебной

¹ См.: Грось Л.А. Единство судебной системы Российской Федерации как важная предпосылка единства и единообразия судебной практики // Концепция развития судебной системы и системы добровольно-принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 20–23 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 50–57.

² См.: Попова Ю.А. Функции высших судебных инстанций по формированию единства судебной практики // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Казань, 2006. С. 449.

³ См.: Фокина М. Пути совершенствования надзорного производства//Эж-Юрист. 2007. № 12. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=20214> (дата обращения: 17.07.2013).

практики». Он указал, что под единством судебной практики следует понимать правильное и единообразное применение всеми судами на всей территории Российской Федерации федерального законодательства при рассмотрении и разрешении гражданских дел. В частности, для судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ нарушением единства судебной практики может считаться вынесение определений, противоречащих постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащих разъяснения по вопросам судебной практики, постановлениям Президиума Верховного Суда РФ, определениям Судебной коллегии по гражданским делам и Кассационной коллегии Верховного Суда РФ по конкретным делам, содержащих толкования норм материального и процессуального права, материалам официально опубликованных Верховным Судом РФ обзоров судебной практики и ответов на возникшие у судов вопросы в применении законодательства¹.

Такое определение единства судебной практики вызвало неоднозначную реакцию среди ученых. В частности, А.Р. Султанов указывал, что единство судебной практики не относится к иным судам общей юрисдикции и другим коллегиям самого Верховного Суда РФ².

Высшим Арбитражным Судом РФ также было высказано мнение относительно понимания единства судебной практики. Под единством судебной практики подразумевается единообразное применение и толкование закона, являющееся следствием единообразной правовой квалификации аналогичных юридических дел³.

¹ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25-ПВ04 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9. С. 1.

² См.: Султанов А.Р. Правовая определенность в надзорном производстве Гражданского процессуального кодекса РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30–39.

³ См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 декабря 2007 г. № Ф03-А51/07-1/5113; Федерального арбитражного суда Московского округа от 7 февраля 2008 г. № КА-А40/13286-07. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

По признанию Конституционного Суда РФ нарушением единства судебной практики является вынесение любого ошибочного, с точки зрения материального и процессуального права, акта¹.

Представляет интерес в связи с этим мнение В.М. Жуйкова, согласно которому вынесение Судебной коллегией по гражданским делам и Военной коллегией Верховного Суда РФ надзорных определений, противоречащих решениям и определениям нижестоящих судов, не может считаться нарушением этими коллегиями единства судебной практики, поскольку они сами формируют ее в пределах всей территории Российской Федерации, осуществляют судебный надзор над нижестоящими судами, в связи с чем толкование законов, данное в судебных постановлениях нижестоящих судов, для них необязательно². Однако такое понимание может способствовать образованию дисбаланса в формировании понятия единства судебной практики, поскольку его становление предполагает утверждение единой позиции судов в применении норм права.

Как справедливо заметила М. Фокина, в России судебная практика может не сложиться даже в случае решения вышестоящего судебного органа, поскольку другой состав этого же органа не связан с предыдущим решением коллег. В некоторых случаях нижестоящие суды могут не принять во внимание решение вышестоящего суда, особенно если известно, что в вышестоящих инстанциях нет единства мнения по правоприменению³.

По нашему мнению, учитывая правовую природу и сущность судебной практики, *под ее единством* следует понимать *конституционный принцип, представляющий собой комплекс общеобязательных требований по обеспече-*

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 260-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максимова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 304 и 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Жуйкова, М.К. Треушникова. М., 2007.

³ См.: Фокина М. Указ. раб.

чению единообразного толкования и применения закона и иных нормативных правовых актов, посредством выработки и неукоснительной реализации правовых позиций высших судов в целях обеспечения верховенства закона и равной судебной защитой прав и свобод человека и гражданина.

При этом следует сделать уточнение о том, что единство судебной практики является составной частью более широкого принципа законности, в рамках которого имеет наибольшую связь и подчиненность по отношению к принципам приоритета прав и свобод человека и гражданина и верховенства закона. Другими словами, принцип единства судебной практики включен в систему общеправовых принципов и занимает в ее иерархии подчиненное место в сравнении с вышеуказанными принципами права и законодательства. Таким образом, юридическая природа принципа единства судебной практики раскрывается в двух аспектах — формальном (стремление к единообразию в правовой квалификации по аналогичным делам) и содержательном (достижение цели правосудия в виде обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина).

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что единство судебной практики ставится с определенными проблемами, препятствующими ее становлению и дальнейшему соблюдению.

Во-первых, это фактическое отсутствие единой судебной системы. Следует согласиться с мнением В.М. Жуйкова о том, что в Российской Федерации судебную систему составляют самостоятельные и независимые друг от друга суды общей юрисдикции, арбитражные суды и обособленный орган, не имеющий «своей» системы — Конституционный Суд РФ. Это приводит к тому, что один и тот же закон в судах разных систем может применяться по-разному¹. Разработка и оптимизация правового механизма обеспечения един-

¹ См.: Жуйков В.М. Роль разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики и защиты прав человека // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам. М., 2008.

ства судебной практики на территории России потребует укрепления единства самой судебной системы.

Во-вторых, единству судебной практики препятствует различное толкование норм права судьями при отправлении правосудия. Это приводит к судебным ошибкам и нарушениям прав заинтересованных лиц.

Ввиду недостаточного взаимодействия судов зачастую наблюдается принципиальное расхождение в толковании и применении действующего законодательства по вопросам подведомственности дел; по определению правовой природы срока при разрешении споров, возникающих между участниками общей собственности; по рассмотрению заявления о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решения третейского суда; по суммам государственной пошлины,зыскиваемой при уменьшении размера неустойки; по вопросам возмещения морального вреда юридическим лицам и т.д.

В отдельных случаях нижестоящие суды могут не принять во внимание решение вышестоящего суда, особенно когда по конкретному вопросу нет однозначного мнения. В качестве примера можно привести постановление Арбитражного суда Свердловской области в отношении двух абсолютно схожих дел о взыскании задолженности за поставленные товары, возбужденных по исковым заявлениям одного и того же истца к разным покупателям. Представив в суд совершенно одинаковый набор доказательств, истец получил различную квалификацию фактических обстоятельств дела (в первом случае обязательство было признано возникшим из договора поставки, а во втором — из непоименованного договора со ссылкой на п. 2 ст. 421 ГК РФ) и различные решения: в первом случае иск был удовлетворен частично, во втором — в иске было отказано¹. И такие случаи в судебной практике не единичны.

¹ URL: http://www.svem.ru/blog/publication/63.html#_ftn2/ (дата обращения: 09.03.2011).

В-третьих, противоречивость действующего законодательства, отсутствие в нормах механизма реализации, закрепленных в них положений также является препятствием для полноценного применения норм права, отражающих единство судебной практики. В некоторых случаях отсутствует подробная судебная процедура рассмотрения ряда категорий дел. Это относится к тем отраслям права, в которых динамично развивается налоговое, административное, гражданское законодательство и др.

В целом же в числе наиболее значимых факторов, препятствующих становлению единства судебной практики, следует назвать: противоречивость действующего законодательства; коллизии в актах судебного толкования норм права; отсутствие в нормах права механизма их реализации; нерешенность ряда проблем в организации единой судебной системы; недостаточная степень унификации норм, устанавливающих порядок осуществления различных видов судопроизводства; невысокий уровень транспарентности судебной власти; несвоевременная имплементация правовых позиций высших судов в нормативные правовые акты; вмешательство в деятельность судов со стороны исполнительных и правоохранительных органов власти; непрофессионализм значительного числа работников судебной системы; недостаточная кадровая, финансовая и организационная обеспеченность деятельности судов и др.

Безусловно, эти факторы негативно сказываются на единообразии судебной практики и, как следствие, на показателе защищенности людей и эффективности борьбы с правовой преступностью. Разрешение этих проблем будет способствовать активному становлению единства судебной практики в качестве принципа законодательства и обеспечению его действия в условиях современного развития всех правовых процессов в Российской Федерации. Стоит отметить, что при этом права и свободы человека и гражданина становятся определяющими в развитии правовых отношений. Признание и защита прав и свобод человека и гражданина являются высшей целью общественного

развития в правовом государстве. Одной из важных государственных гарантий обеспечения этой цели согласно Конституции РФ является правосудие¹.

Органы судебной власти занимают особое место в надежном обеспечении политической безопасности, в гарантии общественного порядка и социального спокойствия, в создании благоприятных условий для социально-экономического развития. Суд служит надежной опорой, эффективным средством в борьбе против правонарушений и преступности за справедливость, соблюдение прав человека, а также инструментом защиты закона.

В условиях влияния постоянно развивающихся правовых отношений и связанных с такими изменениями демократических преобразований в законодательстве суды чаще принимают решения, направленные на восполнение законодательных изъянов, что способствует единообразному разрешению правовых споров, установлению юридических фактов, формированию новых правовых норм и практики разрешения правовых споров.

Подводя итог, следует заключить, что единство судебной практики является на сегодняшний день естественным и необходимым условием успешного функционирования российской системы правосудия. На это указывают следующие факторы, характеризующие место единства судебной практики в российской правовой системе. Так, единство:

- служит эффективной защитой прав и свобод человека и гражданина;
- делает исход судебного разбирательства более предсказуемым;
- приводит к единству в понимании нормы закона в случае наличия разноплановых подходов в ее понимании и применении;
- приводит к единству в правоприменении в случае отсутствия правового регулятора общественных отношений;
- в прямой и опосредованной форме влияет на процесс совершенствования российского законодательства.

¹ См.: Сенякин И.Н., Телегина В.А. К вопросу о социально-правовой ценности российского правосудия // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 3. С. 14–15.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что единство судебной практики обладает особой значимостью для жизни современного общества, поскольку касается не только гарантий равенства лиц перед законом и судом, но и правовой стабильности в государстве в целом. Поэтому обеспечение такого единства имеет первостепенное значение для российской правовой системы. Необходимость обеспечения единства судебной практики в современных условиях становится важнейшей задачей, решение которой связано с сохранением единого правового пространства и государственности в целом.

ГЛАВА 3. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНСТВА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В современных условиях несовершенства законодательства, разрозненности судебной практики достичь ее идеального единства очень сложно. Данная задача по-прежнему остается актуальным направлением современного судопроизводства.

На сегодняшний день под «обеспечением» понимается создание всех необходимых условий для осуществления и гарантирования чего-либо¹. Единство судебной практики предполагает создание необходимых условий для правильного и единообразного применения норм законодательства при рассмотрении и разрешении дел судами на всей территории Российской Федерации. Говоря о средствах и методах обеспечения единства судебной практики, следует отметить, что они подчеркивают деятельностную и функциональную стороны в праве, позволяют увидеть единство судебной практики не в статичном состоянии, а в действии, когда оно осуществляется, реализуется, воздействует на общественные отношения.

В общем смысле средство представляет собой прием, способ действия для осуществления, достижения чего-либо, то, что служит какой-либо цели². С учетом средств обеспечения единства судебной практики, с помощью совокупности материально определенных элементов достигается главная ее цель.

Анализ современной правовой действительности и законодательных норм позволяет говорить о средствах обеспечения единства судебной практики как о совокупности процессуальных, организационных и материально-технических средств, способствующих формированию единообразного понимания и применения законодательства и влияющих на становление единства в судебной практике. Так, по нашему мнению, одними из главенствую-

¹ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25-ПВ04 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

²URL: <http://tolkslovar.ru/s11291.html> (дата обращения: 15.03.2016).

ших *процессуальных средств* обеспечения единства судебной практики выступают в первую очередь сформированные высшими судебными инстанциями правовые позиции, выраженные в формах постановлений, руководящих разъяснений, информационных писем, обзоров и обобщений судебной практики, а также решений Европейского суда по правам человека. В данном случае указанные формы выражения судебной практики выступают средствами обеспечения ее единства как обобщенный материал, который используется судьями в процессе рассмотрения дел и в целях единообразного применения правовых норм.

В то же время такие различия в применении одних и тех же норм права судами будут возникать всегда. Это неизбежно в связи с изменениями законодательства и необходимостью временного периода для формирования судебной практики, принятия соответствующих решений¹. По данному вопросу в постановлении Европейского суда по правам человека по делу «Плеханов против Польши» обращено внимание на то, что расхождения в судебной практике выступают следствием любой судебной системы, включающей многочисленные учреждения различных звеньев и инстанций².

Именно поэтому должны быть предусмотрены дополнительные меры, способствующие обеспечению возможности более эффективного выполнения судебными органами своих функций до принятия окончательного решения. В этой связи особая роль принадлежит *материально-техническим средствам*, которые включают в себя мероприятия информационного, кадрового и иного характера, нацеленные на обеспечение условий для правильного и единообразного применения судами норм права при рассмотрении и разрешении дел. К таким средствам можно отнести реализацию принципа откры-

¹ См.: Орлова Н.Ю. Организационные мероприятия обеспечения единства судебной практики мировых судей: мероприятия информационного характера// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 12. Ч. I. С. 139–144.

² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июля 2009 г. по делу «Плеханов (Plechanov) против Польши» (жалоба № 22279/04). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=137641> (дата обращения: 26.08.2015).

тости правосудия и судебных актов, обеспечивающего прозрачность как самого процесса отправления правосудия, так и его результатов, сформулированных в судебных актах. В настоящее время это особо актуально для устранения различий в судебной практике как между судами различных субъектов РФ, так и между судами районов одного субъекта, поскольку уровень принятия окончательных, вступивших в силу решений по рассматриваемым ими вопросам ограничен уровнем района городского или сельского поселения (ст. 320.1 ГПК РФ), а кассационная инстанция — судом субъекта РФ.

Нормы ст. 10 Гражданского процессуального кодекса РФ, ст. 11 Арбитражного процессуального кодекса РФ, ст. 9 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе» говорят о том, что разбирательство в судах является открытым.

Пунктом 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (далее — Конвенция) также установлено, что «судебное решение объявляется публично».

В Постановлении Европейского Суда по правам человека от 8 декабря 1983 г. по делу «Претто (Pretto) и другие против Италии» подчеркивается, что публичность судебных актов призвана «обеспечить проверку общественностью тщательности рассмотрения дела судебным органом с целью гарантированности права на справедливое судебное разбирательство»¹.

Открытость судебных заседаний для участников процессов, иных лиц, средств массовой информации позволяет осуществлять общественный контроль за судебным делом, что положительно сказывается на повышении качества и эффективности работы судов, ответственности работников судебной системы и в целом росте авторитета судебной ветви власти. В целях обеспечения доступности и открытости судебных решений законодатель установил

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 8 декабря 1983 г. по делу «Претто (Pretto) и другие против Италии». Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 430–437.

обязанность судов размещать судебные акты в сети Интернет¹. Обязанность следует и из международных актов. Так, в п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. содержится положение, согласно которому «любое судебное постановление по уголовному или гражданскому делу должно быть публичным, за исключением тех случаев, когда интересы несовершеннолетних требуют другого или когда дело касается matrimonиальных споров или опеки над детьми»².

Обеспечение доступности судебного решения оказывает влияние как на становление прозрачности судебной системы, так и на реализацию права на доступ к информации о судебном деле, позволяет повысить уровень доверия общественности к судам при выявлении подобного спора, что дает основание для формирования суждений среди ученых, а также в средствах массовой информации при анализе судебных решений на предмет единства правовых позиций при рассмотрении аналогичных дел. Поэтому на данный момент актуальной является задача создания единой официальной базы судебных решений, которая включала бы в себя акты судов всей судебной системы и была бы удобна как для деятельности самих судей по изучению сложившихся правовых подходов в применении законодательных норм, имеющих значение для принятия решения по делу или для выявления общего направления развития судебной практики по определенному вопросу, так и для любого правопримениеля, заинтересованного в разрешении правового вопроса.

Учитывая такую потребность, следует упомянуть *технические средства* обеспечения единства судебной практики, к которым можно отнести существующую и активно развивающуюся государственную автоматизированную систему (ГАС) «Правосудие» — базу данных судебной практики всех судов, внедренную с 2004 г., представляющую собой единое информа-

¹ См.: Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 12 марта 2014 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217; 2014. № 11. Ст. 1094.

² Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах» (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

ционно-технологическое пространство для хранения и обмена служебной информацией. Такая база данных существует во всех судах и к ней имеют доступ их сотрудники.

Также в рамках данной системы в настоящее время проходит апробацию комплекс программ «Судебное делопроизводство», задачей которых является повышение эффективности деятельности работников судов, осуществляющих ввод и обработку данных судебного делопроизводства, формирование единой технологической основы и базы данных судебного делопроизводства в целях сокращения времени на переписку и передачу данных, повышение оперативности сбора и обработки соответствующих статистических данных и обеспечение объективного анализа правоприменительной практики.

Аналогичные базы судебной практики созданы и в иных правоприменительных органах. Так, согласно Приказу Федеральной таможенной службы России от 30 октября 2014 г. № 2132 «О совершенствовании работы с комплексом программных средств „Судебная практика”» создана база данных судебной практики, одно из назначений которой состоит в мониторинге состояния судебной практики по судебным делам с участием таможенных органов и (или) казны Российской Федерации должностными лицами Правового управления посредством применения комплекса программных средств «Судебная практика»¹.

Другим техническим средством обеспечения единства судебной практики являются печатные издания, где публикуются материалы по анализу и обобщению судебной практики. Так, согласно ст. 20 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2014 г.) печатным органом Верховного Суда РФ является «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», в

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

котором публикуются обзоры судебной практики, статьи по актуальным вопросам применения законодательства и другие материалы¹.

Кроме того, юристами, учеными и практиками издается и распространяется различная информация о рассмотрении дел в многочисленных правовых журналах, что также имеет немаловажное значение для обеспечения такого единства через различные печатные издания.

К другой категории средств обеспечения единства судебной практики относятся *организационные средства*. Их содержание заключается в побуждении судов к более внимательному отношению к вопросам соблюдения законодательства, всестороннему и полному рассмотрению дел и т.д. Так, к организационным средствам обеспечения единства судебной практики относится учеба судей и их помощников, которая помогает не только добиться эффективного функционирования системы постоянного обновления знаний и компетенции судей и работников аппаратов судов информацией о практике применения законодательства по отдельным категориям дел, но и ознакомиться с типичными судебными ошибками, возникающими при применении конкретных норм законодательства.

В программу обучения включается также материал, посвященный необходимости и методам обеспечения единства судебной практики, правилам толкования правовых норм, принципам их применения, правилам восполнения пробелов в праве путем применения аналогии закона и аналогии права.

На курсах повышения квалификации судей и их помощников в целях повышения их профессионального уровня рассматриваются высказанные в практике правовые позиции по сложным и новым категориям дел. С учетом полученных знаний судьи могут впоследствии рассматривать дела и принимать решения с опорой на высказанные мнения. Кроме того, такое обучение проходят и лица, состоящие в резерве на замещение должности судьи или его

¹ См.: СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

помощника, что регламентировано Приказом Минюста России от 5 августа 1994 г. № 19-01-111-94 «О преддолжностной подготовке резерва на должности судей районных (городских) судов»¹.

Важное значение среди организационных средств обеспечения единства судебной практики имеет результат работы научно-консультативных советов, в процессе которой ученые и юристы обсуждают наиболее часто встречающиеся проблемы при отправлении правосудия, в том числе вопросы единства судебной практики. Так, согласно ст. 19 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» для подготовки рекомендаций по назревшим проблемам судебной практики при Верховном Суде РФ действует научно-консультативный совет, состав которого утверждается Пленумом Верховного Суда РФ.

Кроме того, для подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики, разработки предложений по совершенствованию законодательства при федеральных арбитражных судах округов в Суде по интеллектуальным правам также действуют научно-консультативные советы². Результатами их обсуждений являются рекомендации, которые в дальнейшем направляются в суды всех инстанций для руководства в процессе деятельности по осуществлению правосудия.

Говоря о *способах (методах) обеспечения единства судебной практики*, необходимо иметь в виду определенную совокупность действий, направленных на достижение такого единства. Учитывая, что в основу понимания единства судебной практики положено одинаковое восприятие и применение законодательных норм, одним из основных направлений обеспечения правильного и единообразного применения судами законодательства является повышение эффективности и качества самих норм.

¹ См.: Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июня 1996 г. № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов» (в ред. от 22 июня 2012 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. № 11; 2012. № 33.

Вопрос о качестве нормативных актов как одного из слагаемых эффективности стал особо актуальным в современный период, когда российское законодательство системно не совершенно, а законы часто разрабатываются и принимаются без четкой научной концепции и не содержат механизмов реализации¹.

Законодательство зачастую не успевает регулировать фактически сложившиеся общественные отношения, не может пристимулировать развитие новых социальных связей². Поэтому эффективным способом обеспечения единства судебной практики является деятельность судебных органов.

Необходимо отметить принципиальную значимость всех судебных инстанций, осуществляющих судопроизводство по конкретным делам, результат рассмотрения которых (в случае наличия спорного вопроса по применению конкретной нормы права) оформляется высшими судебными инстанциями в акт, подлежащий обязательному применению нижестоящими инстанциями при отправления правосудия по аналогичным спорам.

Особую значимость приобретает деятельность Конституционного Суда РФ по проверке конституционности нормативно-правовых актов и толкованию Конституции РФ, а также Верховного Суда РФ по толкованию норм права, выраженная в форме постановлений Пленума и решений по конкретной категории споров.

Аналогичное действие оказывают разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ и информационные письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, которые в настоящее время представляют собой значительный массив актов, позволяющих правоприменителям уяснить смысл законодательства и правильно применять его нормы. Однако, учитывая эволюцию общественных отношений, в большинстве случаев до принятия судами правовых

¹ См.: Зелепукин А.А. Российское законодательство. Состояние и проблемы оптимизации. Саратов, 2007. С. 68.

² См.: Головня А.И. Правовая политика современной России в зеркале социальных реалий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 6 (12): в 3 ч. Ч. I. С. 39–45.

позиций по конкретному правовому вопросу развитие судебной практики идет различными путями.

Формирование практики правоприменения арбитражными судами и судами общей юрисдикции по схожим делам (например, дела по спорам между юридическими лицами о возврате кредита и между гражданами о возврате долга либо по делам о признании права собственности на постройку практически идентичны) оказывает негативное влияние на обеспечение единства судебной практики. И те и другие суды применяют одно и то же законодательство, однако решения, вынесенные по такой категории споров, диаметрально противоположны. В таких условиях было бы целесообразно закрепить за судами нижестоящих инстанций полномочия по обращению с запросами в процессуальной форме в Верховный Суд РФ о толковании тех или иных спорных или противоречивых норм закона.

Другим способом обеспечения единства судебной практики является проверка Верховным Судом РФ в порядке надзора, в порядке возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам вступивших в силу судебных актов (ст. 7 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»).

В теории процессуального права отличие проверки судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам от проверки судебных актов в апелляционном, кассационном порядке и в порядке надзора традиционно усматривается в том, что по общему правилу для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам необходимо открытие таких обстоятельств, которые суд не мог учесть при рассмотрении дела, поскольку эти обстоятельства не были и не могли быть известны ни участвующим в деле лицам, ни суду и о них стало известно лишь после принятия судебного акта¹.

¹ См.: Фалькович М.С. Пересмотр судебных актов арбитражного суда по вновь открывшимся обстоятельствам // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 1; Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. В.В. Яркова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

Как способ обеспечения единства судебной практики такие полномочия Верховного Суда РФ выражаются в том, что в выявлении смысла нормы, расходящегося со смыслом, придаваемым ей правоприменительной практикой, устанавливается иная практика применения данной нормы. Тот факт, что судебные ошибки, встречающиеся при неправильном толковании и применении норм права, должны устраняться в рамках судебного производства, не исключает возможности их ликвидации при пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам.

Изменение практики — новое обстоятельство. Хотя оно не связано с установлением факта, а имеет правовой характер, указывает на ошибочность ранее существовавшей практики, которой руководствовался суд, принимая оспариваемый по вновь открывшимся обстоятельствам судебный акт, следовательно, указывает на его ошибочность.

На сегодняшний день законодателем предусмотрено несколько оснований для пересмотра судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Среди них особо следует отметить возможность пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам в связи с определением либо изменением практики применения правовой нормы в постановлениях Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ или Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ после 6 августа 2014 г. (дата вступления в силу закона об объединении высших судов), установленную в п. 5 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Такие основания для пересмотра судебных решений в наибольшей степени отвечают требованиям принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку в таких случаях решение суда по конкретному правовому спору, правоприменительная практика и смысл закона приводятся к единому знаменателю, сформированному высшей судебной инстанцией.

Другим способом обеспечения единства судебной практики является представление прокурора на определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ и Военной коллегии Верховного Суда РФ,

вынесенные ими в надзорном порядке, которые могут быть поданы в Президиум Верховного Суда РФ только при условии, что такие определения нарушают единство судебной практики (ч. 3 ст. 377 ГПК РФ). При этом Председатель Верховного Суда РФ и его заместитель наделяются полномочием в целях обеспечения единства судебной практики вносить в Президиум Верховного Суда РФ представления о пересмотре в порядке надзора судебных постановлений, нарушающих права, свободы или законные интересы неопределенного круга лиц, иные публичные интересы либо принятых с нарушением правил подведомственности или подсудности (ч. 1 ст. 389 ГПК РФ).

В арбитражном процессе нарушение единообразия в толковании и применении арбитражными судами норм права также рассматривается в качестве одного из оснований изменения или отмены в порядке надзора судебных актов, вступивших в законную силу (ст. 304 АПК РФ). Учитывая приведенные нормы, обеспечение единства судебной практики (единообразие в толковании и применении норм права) возможно ввиду пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу. Такое обеспечение единства происходит в исключительных случаях, носит чрезвычайный и длительный характер, поскольку проходит множество этапов формирования.

В процессе пересмотра судебных решений судебная система приходит к единому знаменателю в формировании судебной практики, для чего должно пройти достаточно много времени. На это указывают положения законодательства о возможности пересмотра в вышестоящих судах споров только после прохождения всех судебных инстанций. Длительное формирование такого единства не всегда способствует эффективному осуществлению деятельности судебной власти ввиду существующих неопределенностей в понимании и применении законодательных норм. Это служит одной из причин формирования различных позиций не только в судах разного уровня, но и разных субъектов.

Кроме того, поскольку после формирования правовой позиции высших судебных инстанций возможен пересмотр по новым и вновь открывшимся

обстоятельствам дел, по которым ранее было вынесено противоположное решение, появляется вероятность возникновения изменения сложившейся практики применения нормы законодательства.

Особое значение для обеспечения единства судебной практики имеет практика Европейского суда по правам человека. Ее внедрение в российскую правовую систему произошло с момента вступления в силу Федерального закона от 30 марта 1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (5 мая 1998 г.)¹. Так, ст. 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерации положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

В соответствии с этим Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в ред. от 5 марта 2013 г.), где еще раз закреплялось место практики Европейского суда по правам человека в российской правовой системе, а также была дана рекомендация Российской академии правосудия, ответственной за повышение квалификации судей, включать практику Европейского суда в свои образовательные программы².

19 октября 2003 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 23 «О судебном решении» (в ред. от 23 июня 2015 г.), где призвал судей учитывать в мотивировочной части решения «...постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвен-

¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

ции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле»¹.

В 2006 г. Правительство РФ утвердило федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы», из которой следует необходимость решения проблем в сфере обеспечения эффективности рассмотрения дел, независимости судей, а также достижения открытости, прозрачности, доступности правосудия, повышения уровня исполнения судебных актов и доверия общества к принимаемым актам².

Сегодня непосредственное применение судами общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации при рассмотрении различных категорий дел возможно в следующих формах:

1) приоритетное применение норм международного договора вместо норм национального законодательства, когда национальный закон или другой нормативный акт противоречит этим нормам;

2) совместное применение, когда национальное законодательство и международные нормы дополняют друг друга;

3) самостоятельное применение, когда этими нормами восполняется пробел в национальном законодательстве³.

Вместе с тем в Верховном Суде РФ сложилась различная практика применения Европейской конвенции по правам человека, однако, как свидетельствуют проведенные исследования, в большинстве случаев Верховный Суд РФ редко применяет Конвенцию и чаще без обращения к практике Европейского Суда по правам человека. Формируя такую практику рассмотре-

¹ Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе „Развитие судебной системы России” на 2007–2011 годы». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90031/#ixzz3oULTEhCF> (дата обращения: 15.10.2014).

³ См.: Макарова О.В. Применение судами Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров при рассмотрении уголовных дел. URL: <http://www.center-bereg.ru/o1116.html> (дата обращения: 28.10.2014).

ния жалоб, Верховный Суд РФ указывает путь судам общей юрисдикции по рассмотрению дел на приоритное применение норм национального законодательства без учета норм международного права. Однако в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, что свидетельствует о том, что нормы международного законодательства и практика их применения имеют такое же значение для правоприменителей, что и нормы национального законодательства.

При рассмотрении заявлений в отношении Российской Федерации Европейский Суд по правам человека зачастую ссылается на свою прецедентную практику толкования, выработанную по делам против других участников Конвенции, что свидетельствует о том, что международный суд придерживается выработанной ранее позиции.

Безусловно, для национальных судов правовые позиции Европейского суда по правам человека могут служить ориентиром при принятии решений по рассматриваемым делам. Это приведет к устойчивости принятых актов, обеспечению соответствия российского судопроизводства международным стандартам, а также единообразному пониманию и применению норм законодательства. Систематические обзоры судебной практики Европейского Суда по правам человека позволят не только выявить его подходы к рассмотрению аналогичных вопросов, но и отследить практику применения международного законодательства.

Для более активного применения международной практики необходимо повысить информационное взаимодействие по вопросам международной практики всех судов российской судебной системы. Достижение единства судебной практики — очень сложная проблема. Для решения вопросов достижении и обеспечения единообразного понимания и применения законодательных норм учеными предлагалось множество вариантов. Так, одни исследователи рекомендуют координировать деятельность судов для исключения

возможности нарушения подведомственности. В частности, в процессе формирования проекта Конституции РФ выносился на обсуждение вопрос о создании своеобразного трибунала по конфликтам между различными органами государственной власти, поскольку последние неизбежны в условиях ее разделения. Такой орган не был создан, и наряду с законодателем полномочия по разрешению конфликтов компетенций взял на себя Конституционный Суд РФ, который в ряде постановлений определил свою компетенцию в сфере нормоконтроля и тем самым и компетенцию других органов судебной власти¹.

Отдельные ученые в рамках обсуждения вопроса о единстве судебного правоприменения неоднократно предлагали создать высший судебный орган — Высшее судебное присутствие, или Высший совет судебной власти.

Важный шаг к обеспечению единства судебной практики был сделан с принятием Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ РФ «О Верховном Суде Российской Федерации», а также Закона РФ о поправке к Конституции РФ № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»².

В результате этой реформы Верховный Суд РФ перестал относиться к судам общей юрисдикции, поскольку основной его функцией стало управление правосудия и в отношении дел, подведомственных арбитражным судам. Функции по разрешению конкретных экономических споров, ранее подсудных Высшему Арбитражному Суду РФ, в составе нового Верховного Суда РФ теперь осуществляет Судебная коллегия по экономическим спорам в составе 30 судей.

Данная реформа была встречена российскими учеными и юристами неоднозначно. Однако стоит обратить внимание на то, что до 90-х гг. судеб-

¹ См.: Ярков В.В. Конституция Российской Федерации и правосудие // Журнал российского права. 2009. № 4.

² См.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

ная система, возглавляемая Верховным Судом СССР, успешно функционировала. В рамках такого построения действовали две подсистемы: общих (гражданских) судов и военных трибуналов.

Проведенные реформы 1989–1993 гг., коснувшиеся судебной системы, также сопровождались бурными дискуссиями о нецелесообразности создания «трехглавой» судебной системы, возглавляемой Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ и Высшим Арбитражным Судом РФ. Высказывались предложения об объединении судебной системы под эгидой многофункционального Верховного Суда РФ. Однако с началом экономических преобразований возникла потребность в создании независимой судебной системы, специально приспособленной для рассмотрения споров между хозяйствующими субъектами, в связи с чем была создана независимая система арбитражных судов.

По нашему мнению, российской судебной системе необходима реформация. Целесообразно было бы продолжить реформу российской судебной системы в направлении включения системы арбитражных судов в систему судов общей юрисдикции. Это, безусловно, окажет положительное влияние не только на становление судебной практики, но и на обеспечение ее единства, поскольку посредством объединения функций высших судебных инстанций в рамках одного суда позволит исключить проблему различной практики правоприменения между арбитражными судами и судами общей юрисдикции формирующейся по схожим делам. Разработка и оптимизация правового механизма обеспечения единства судебной практики на территории России посредством укрепления единства самой судебной системы приведет к становлению единого неделимого правового пространства Российской Федерации.

Необходимо отметить, что некоторыми ученые и правоприменители высказывают сомнения по поводу обеспечения тотального единства при рассмотрении однотипных дел и принятии итоговых решений судьями. В качестве примера можно привести позицию Председателя Арбитражного суда

Тюменской области В.Г. Тевса «достичь абсолютного единобразия судебной практики в смысле принятия одинаковых решений по однотипным делам... практически невозможно, поскольку при рассмотрении дела судья имеет право на свое судейское усмотрение». Однако здесь же судья отмечает, что «если понимать единобразие судебной практики как одно, единое толкование, понимание и применение Закона..., то, естественно, должна быть единая судебная практика не только в отдельно взятом арбитражном суде, а в целом по системе арбитражных судов России»¹.

Следует подчеркнуть, что единство судебной практики способствует единобразному пониманию и применению нормы законодательства, позволяет судьям избежать судебных ошибок при принятии судебного решения. Таким образом, единство судебной практики, с одной стороны, выступает в роли одного из «ограничителей» судебного усмотрения, а с другой, «помощником» по принятию одного из верных вариантов законного решения.

Нельзя не упомянуть о сформировавшемся в науке мнении, согласно которому судебное усмотрение — это способ отхода от сложившегося единства судебной практики, противоречащей закону, что способствует увеличению количества судебных ошибок и умаляет авторитет судебной власти. Такое соотношение единства судебной практики возвышает судебное усмотрение над сложившимся единством судебной практики.

Вместе с тем не стоит забывать, что единство судебной практики складывается в результате применения законодательства в процессе рассмотрения однотипных дел, что свидетельствует о том, что априори такое единство не может являться незаконным. В то же время, учитывая динамично развивающиеся общественные отношения, а также законодательство и то обстоятельство, что сложившееся единство судебной практики может не совпадать с ними либо по каким-то вопросам судебная практика только формируется, а

¹ Цит. по: Мамаев А.Н. Проблемы обеспечение единства судебной практики в арбитражном процессе. URL: <http://www.svem.ru/blog/publication/63.html/> (дата обращения: 04.04.2011).

высшие судебные инстанции своего мнения о применении новых норм не высказали, должна существовать возможность для судейского усмотрения. Однако в данном случае следует избегать разнотечений при принятии решений, а этого можно добиться лишь путем обеспечения открытости судебной практики.

В такой ситуации согласованные действия судей по применению нормы законодательства при рассмотрении аналогичных дел помогут сформировать новую судебную практику. Поэтому в силу того, что единство судебной практики формируется судами всей судебной системы, усмотрение судьи, выраженное в процессе рассмотрения дела по вопросам, не нашедшим должного закрепления в законодательстве либо сформулированным не ясно, создается возможность двоякого истолкования, которое может быть положено в основу формирования судебной практики.

Судья, исходя из многообразия конкретных условий правоотношений, может при принятии решений прийти к выводу, что толкование, данное высшей инстанцией, не соответствует специфике рассматриваемого дела и выработать для него иной подход, что дает основание полагать, что право судьи на судебное усмотрение не может быть нивелировано действием принципа единства судебной практики.

Исходя из изложенного, необходимо говорить о неразрывной взаимосвязи единства судебной практики и судебного усмотрения, способствующей принятию законного и обоснованного решения, а также эффективной защите и восстановлению нарушенных прав физических и юридических лиц.

Однако имеется и практика, которая свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев судья отступает от сформированной практики не потому что он выбрал более справедливую позицию, а потому, что игнорирование толкования, данного высшими судебными инстанциями служит способом всевозможных злоупотреблений с его стороны¹.

¹ См.: Романец Ю.В. Роль правоприменения в утверждении справедливости // Российская юстиция. 2012. № 2.

Изложенное позволяет сделать вывод, что судебное усмотрение может трансформироваться в произвольное принятие решения и в данном случае такое усмотрение не может считаться пределом или ограничением единства судебной практики.

В процессе своей деятельности суд должен оценивать закон на соответствие его положений Конституции, а также с точки зрения того, что содержание и смысл любого закона должны быть обусловлены правами и свободами человека, в том числе прямо не отраженными в Основном Законе страны. Суд обязан вынести решение при отсутствии нормы, регулирующей соответствующие отношения, а также в случае признания закона, иного нормативно-правового акта противоречащим Конституции РФ. Кроме того, при восполнении пробела либо устраниении коллизии в законодательстве посредством издания соответствующего нормативно-правового акта выработанные судебные позиции по данному вопросу должны быть учтены законодателем в процессе подготовки соответствующих законопроектов, и впоследствии регулирование общественных отношений должно осуществляться с помощью нормы закона.

Единство судебной практики формируется в целях единообразного понимания и применения норм законодательства и ни в коем случае не заменяет собой эту норму. Единство судебной практики должно существовать в гармонии с законодательством. При этом не должны умаляться такие правовые принципы, как верховенство права и законность.

Обеспечение единства судебной практики — сложный процесс, главным условием которого является стабильность самого применимого материального и процессуального права. Однако с учетом активно развивающихся правовых отношений обеспечение единства судебной практики должно происходить более оперативно. При этом необходимо принять во внимание следующие обстоятельства:

установления обязанности судов общей юрисдикции учитывать сформированную единообразную судебную практику в виде актов высших судебных инстанций при принятии решений по рассматриваемому спору;

закрепления права заинтересованного лица при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции ссылаться на постановления (в кассационных заявлениях, кассационных, апелляционных, надзорных жалобах и возражениях на них);

внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство, позволяющих судам обращаться с запросами в процессуальной форме в Верховный Суд РФ о толковании тех или иных спорных, противоречивых норм закона;

ускорения процедуры подготовки обобщений и постановлений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам применения законодательства.

Создание таких условий для обеспечения единства будет способствовать повышению качества правосудия и эффективности рассмотрения судебных споров, авторитета судебной власти, качества исполнения судебных актов и проводимых судебных экспертиз обеспечению доступности и открытости правосудия, привлекательности государственной гражданской службы в судах общей юрисдикции, арбитражных судах и системе Судебного департамента при Верховном Суде РФ, формированию стабильной и единообразной судебной практики, условий для конкурентоспособности российской судебной системы в международном сообществе, обеспечению независимости судебной системы и повышению.

С учетом вышеизложенного в структуру механизма обеспечения единства судебной практики надлежит включить следующие блоки (подсистемы):

комплекс норм права, четко регламентирующих статус правовых позиций высших судов, закрепленный в действующем законодательстве (наилучший вариант в конституционном праве);

содержание самих правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в единстве с формами их выражения — постановлениями, определениями;

правовые, организационные и материально-технические средства исполнения правовых позиций высших судебных инстанций, в том числе их своевременной имплементации в содержание и структуру системы законодательства;

средства общего надзора за исполнением правовых позиций высших судов, осуществляемые Пленумом Верховного Суда РФ;

институт пересмотра судебных постановлений по конкретным делам вышестоящими судами на основании неприменения правовых позиций судами первой и второй инстанций;

меры юридической ответственности судей за неисполнение положений правовых позиций высших судебных инстанций.

На основе обобщения отраслевого юридического знания представляется возможным и целесообразным определить *понятие «механизм обеспечения единства судебной практики» в виде системы организационных, процессуально-правовых и материально-технических гарантий и условий, средств и способов, которые объединены в два основных метода — аналитический (абстрактного моделирования правовых позиций) и описательный (применимый в отдельном конкретном юридическом деле)*. Степень преобладания аналитического или описательного метода, которые направлены на обеспечение единства судебной практики, различна в конкретных формах фиксации правовых позиций, принимаемых высшим судебным органом.

ГЛАВА 4. ЕДИНСТВО СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ: СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

Современное динамичное развитие правовых отношений порождает множество жизненных ситуаций и особенностей, которые право не в состоянии предвидеть и с которыми сталкиваются правоприменители. Вместе с тем для разрешения любого правового спора необходима основа, способствующая урегулированию отношений. Такая основа на сегодняшний день видится в форме единства судебной практики, которая служит условием успешного действия российского законодательства.

Отмечая повышение роли единства судебной практики, правоведы неоднократно предпринимали попытки дать оценку этому явлению, определив его место и роль в российской правовой системе. Зачастую данное определениедается через категорию «судебный прецедент», что обусловлено схожестью признаков и правовой природы. Однако соотношение этих понятий требует внимательного изучения.

Все споры относительно существования в России судебного прецедента обусловливаются тем, что обширные и многогранные общественные отношения, характеризующиеся динанизмом развития, не всегда подпадают под регулирование законодательства. Безусловно, это становится одним из оснований возникновения споров относительно правомерности действий субъектов общественных отношений. Кроме того, многочисленные разногласия действующего законодательства требуют четкого решения вопросов правового регулирования.

На сегодняшний день охватить законом весь спектр общественных отношений и устранить неясность, дать более точное его толкование и восполнить пробел призван суд. В процессе рассмотрения дел органы судебной власти, разрешая судебные споры, вырабатывают правила поведения в аналогичных ситуациях, формируют позиции, содержащие разъяснения законода-

тельных норм, обязательных для применения органами судебной власти при рассмотрении сходных дел.

Учитывая обязательность разъяснений вышестоящих органов судебной власти, многие ученые делают вывод, что судебный прецедент — это и есть судебная практика. Причем такая позиция высказывалась еще Р. Давидом, который употреблял данные понятия как синонимы, но в рамках семьи общего права.

Понимание судебного прецедента и судебной практики неодинаково в различных правовых системах. Это вызвано различием в принадлежности государств к той или иной правовой системе, к соответствующим правовым традициям, а также особенностями правосознания и правовой культуры. Судебный прецедент имеет длительную историю своего развития, выступает древнейшим источником права в странах общего права. Его значение менялось в зависимости от периода истории в той или иной стране. В классическом понимании он сформировался на территории Англии и представлял собой решение суда по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющего обязательной силы¹.

Окончательно доктрина судебного прецедента сложилась в XIX в.

Обращаясь к трудам известных ученых и юристов в области прецедентного права, можно установить, что становление и развитие судебного прецедента происходило в особых условиях, когда в Англии не было ни законов, ни каких-либо общеобязательных правил. Основанием для его развития стало общее право (Common law), сформированное королевскими судами, действующими централизованно по всей стране в виде единой английской системы прецедентов.

Сформировавшаяся в итоге продолжительной судебной реформы доктрина судебного прецедента сводилась к обязательности решений, принима-

¹ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 153–156.

емых высшими судами, для нижестоящих судов. В ее основу положены три принципа. Первый из них — принцип *stare decisis*, который означает оставаться верным и не нарушать установленный порядок вещей. Правовая теория и судебная практика в этих целях прибегали и продолжают прибегать к достаточно разработанной системе методов и приемов «стерилизации» прецедентного права. В одних случаях суды пользуются приемом «точного вопроса», или «различения» который дает им свободу выбора между «конкурирующими аналогиями».

Второй принцип *ratio decidendi* означает применение судебного прецедента путем «верbalной независимости», когда суды в своем стремлении добиться угодных решений отдают дань «словесной стабильности». Это проявляется в том, что суды ссылаются не на само судебное решение, а на лежащий в его основе рациональный смысл. Именно *ratio decidendi* представляет собой ту часть судебного решения, которая используется судами для руководства при рассмотрении аналогичных споров.

Третий принцип *ober dicita* представляет собой доводы, не обязательные для выводов суда по делу.

Вместе с доктриной судебного прецедента была разработана доктрина «верховенства права», суть которой сводилась к тому, что приоритет имеет сама «идея права», которая выражается прежде всего, в судебной практике. Доктрина «верховенства», или «господства» права (*rule of law*), является аналогом иной концепции правового государства, более широкой¹.

Сегодня английское прецедентное право отличает связь с другими источниками английского права: законом (статутом) и обычаем. Данная тенденция проявляется в том, что нормы, выработанные прецедентами, все чаще включаются в статуты, тем самым расширяя круг общественных отношений, регулируемых законом². Однако, с другой стороны, статут может отменить

¹ URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-5/151.htm> (дата обращения: 10.03.2012).

² См.: Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. М., 2009. С. 11.

тот или иной прецедент. Обычай же становится источником права, когда находит свое отражение в судебном решении.

Принимая во внимание особенности развития классического судебного прецедента, Р. Кросс¹ выделил следующие его признаки и правила:

1. Прецедент создается только высшими судебными инстанциями.
2. Все суды обязаны в своей деятельности руководствоваться в том числе решениями суда высшей инстанции, а апелляционные суды обязаны принимать во внимание прежние решения. Прецедент несет в себе императивные начала, так как английские суды обязаны следовать ранее принятому решению даже в тех случаях, когда имеются иные доводы, которые в других обстоятельствах позволили бы не делать этого.
3. В процессе рассмотрения дел необходимо учитывать, что дела, сходные по своему предмету, должны рассматриваться единообразно.
4. Прецедент — это основная часть решения, а остальное — попутно сказанное.

Учитывая изложенное, судебный прецедент в более общем смысле представляет собой судебное решение высшего суда, обязательное для применения всеми нижестоящими судами, посредством которого происходит рассмотрение дел сходным образом.

В России отношение к судебному прецеденту на протяжении длительного времени было неоднозначным. Высказывались различные мнения, которые разделяли ученых на сторонников и противников его существования.

Еще в дореволюционной России существовало мнение, что судебный прецедент имеет место в правовой действительности государства. В связи с этим он признавался некоторыми учеными как источник права, но с условием его вспомогательного отношения к закону².

Т.М. Яблочкив утверждал, что ввиду постоянного изменения общественных отношений закон не успевает за всеми потребностями жизни об-

¹ См.: Кросс Р. Прецеденты в английском праве. М., 1985. С. 151–154.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 89.

щества в отличие от судебной практики, которая занимает особое место среди нормативно-правовых актов в роли самостоятельного источника права¹.

Следует также привести мнение С.А. Муромцева, который обосновал новый подход к роли суда. По его мнению, роль суда изменилась и он уже не только орган, который рассматривает конкретные случаи². Ученый утверждал, что недостатки законодательства следует устранять в процессе судебного правотворчества, и в этом отношении судье, рассматривающему дела, должна быть предоставлена полная свобода творчества. В таких случаях судья не должен дожидаться, пока законодатель приступит к пополнению допущенных пробелов³.

В советское время официальная позиция по судебному прецеденту основывалась на том, что судебные органы должны применять исключительно право, а не создавать его. Ученые, придерживавшиеся этой позиции, считали, что судебный прецедент ведет к началу отступления законности и подрывает роль представительных органов власти в законодательной деятельности.

Существовала и иная точка зрения, которая сводилась к тому, что судебный прецедент существовал, прикрывая свое бытие различными легальными формами⁴. Основанием к этому послужило предоставление Пленуму Верховного Суда СССР и Верховным судам союзных республик права в рамках полномочий формировать руководящие разъяснения по применению законодательства, имеющие обязательную силу для всех нижестоящих инстанций.

¹ См.: Яблочкин Т.М. Практический комментарий на Устав гражданского судопроизводства. Т. 1. С. 143. Цит. по: Устав гражданского судопроизводства (Свод законов Т. XVI. Ч. 1. Изд. 1914 г.) с законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / сост. И. Тютрюмов. СПб., 1916.

² См.: Муромцев С.А. Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник. 1880. № 11. С. 386, 391.

³ См.: Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877. С. 43.

⁴ См.: Мартынчик Э., Колоколова Л. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12. С. 20.

В поддержку изложенного В.М. Жуйков утверждал, что судебная практика, сформулированная Пленумом Верховного Суда СССР и Пленумом Верховного Суда РСФСР, всегда рассматривались как источник права, поскольку суды были вправе ссылаться на них в обоснование и поддержку принимаемого решения. Не будучи признанными официально, решения судов оценивались в качестве направляющего при применении и толковании права, устранения пробелов в нем, применения аналогии закона и аналогии права¹.

Такое неоднозначное отношение к судебному прецеденту складывающееся на протяжении продолжительного времени оказало влияние на формирование широкого и узкого подходов к его пониманию. Так, в широком понимании к судебному прецеденту ученые относят судебную деятельность в общем смысле². Однако такое восприятие не способствует полному отражению действительности, поэтому мы относимся к судебному прецеденту как к совокупности решений суда, содержащих правовую позицию, обязательную для применения нижестоящими судами.

Г.Ф. Шершеневич понимал под судебным прецедентом судебное решение, которое становится эталоном разрешения аналогичных ситуаций на будущее время. Прецедент, по его мнению, может сформироваться как при разъяснении смысла уже существующей нормы, так и при появлении новой, когда в определенных случаях закон или обычай молчат³.

П.А. Гук толкует судебный прецедент как решение высшего судебного органа по конкретному делу, обязательное для других судов при рассмотрении аналогичных дел⁴. Он отмечает, что прецедентная практика является образцом правоприменительной деятельности, обладающим особым авторитетом.

¹ См.: Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М., 2008. С. 16.

² См., например: Богдановская И. Ю. Прецедентное право. М., 1993. С. 22–23.

³ URL: <http://blog.pravo.ru/blog/theory/3363.html> (дата обращения: 15.08.2015).

⁴ См.: Гук П.А. Указ. раб. С. 41.

По мнению Е.Г. Лукьяновой, судебный прецедент — это решение суда по определенному делу включающее в себя положения, имеющие обязательную силу для принятия решений аналогичных дел в будущем, и признаваемое источником (формой) права доктриной и практикой стран ангlosаксонской правовой системы¹.

В.И. Анишина под судебным прецедентом понимает прообразом правоположения (нормы), содержащимся в судебном решении и используемым другими судами при отсутствии нормы закона, либо ее неясности и противоречивости².

В.С. Нерсесянц считает, что судебный прецедент — это решение суда принятное по результатам рассмотрения спора, содержащее в себе общеобязательные правила для подобного разрешения аналогичных дел³.

Проанализировав вышеизложенные мнения, можно сделать вывод, что все предложенные определения сводятся к пониманию судебного прецедента через категорию «судебное решение».

Примечательно, что у судебных органов не сложилось четкого понимания на счет судебного прецедента. Так, в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 августа 2001 г. № А13-1576/01-20 не принят довод одной из сторон относительно противоречивости судебных актов, выступающих предметом спора⁴. Это мотивируется отсутствием в нашей стране прецедентного права (подобная позиция получила распространение при рассмотрении некоторых дел).

В постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 июля 2003 г. № Ф03-А37/03-2/1531 отмечено, что отсылка в жалобе на конкретные судебные акты не касаются нормы Арбитражного про-

¹ См: Лукьянова Е.Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М., 2006. С. 52.

² См.: Анишина В.И. Решения российских судов в системе праворегулирования: некоторые проблемы теории и практики // Государство и право. 2007. № 7. С. 57.

³ См.: Нерсесянц В.С. Теория права и государства. М., 2001. С. 134.

⁴ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

цессуального кодекса РФ, а касаются разрешения вопросов конкретных физических и юридических лиц¹. Также суд сослался на ст. 3 Кодекса, подчеркнув, что порядок судопроизводства в арбитражных судах определяется Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) и Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 г. № 6-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в ред. от 23 июня 2014 г.), Арбитражным процессуальным кодексом РФ и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами.

В постановлениях Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 июня 2003 г. № А52/ 3492/02/1 и от 29 апреля 2002 г. № 5813 сделан вывод, что органы судебной власти при принятии решения руководствуются только законом, что исключает значение судебного прецедента как источника права².

Федеральный арбитражный суд Поволжского округа в своем постановлении от 31 июля 2007 г. по делу № А55-13884/05-24(38) не принял довод одной из сторон о том, что по аналогичному делу имеются вступившие в силу судебные акты. В обоснование принятого решения судом была сделана ссылка на ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса РФ содержащую положение о перечне нормативных актов которыми руководствуются органы судебной власти³.

Иной подход к судебному прецеденту — понимание его через категорию «судебная практика». Некоторые исследователи отмечают, что судебная практика и судебный прецедент являются неотъемлемыми элементами со-

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ URL: <http://faspo.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.08.2015).

временного судебного правотворчества, существование которых невозможно друг без друга¹.

На первый взгляд, при сопоставлении понятий «судебный прецедент» и «судебная практика» можно обнаружить сходные черты. В российской правовой системе статусу судебного прецедента в большей степени соответствуют решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Такие выводы можно сделать исходя из полномочий, предоставленных данным судебным инстанциям, а также юридической силы актов, принимаемых Конституционным Судом РФ. Согласно действующему законодательству Конституционный Суд РФ дает общеобязательное, а следовательно, нормативное толкование Конституции РФ, прекращает действие признанных им неконституционными нормативно-правовых актов или не допускает вступления их в силу, при выявлении конституционности нормативно-правового акта дает его разъяснение.

Решения Конституционного Суда РФ, отменяющие нормативно-правовые акты ввиду их несоответствия Конституции РФ, аналогично закону распространяют свое действие во времени, пространстве и по кругу лиц.

Действующее законодательство закрепляет в составе деятельности, осуществляющей Верховным Судом РФ, деятельность по даче разъяснений по вопросам судебной практики, имеющих обязательное значение для нижестоящих судов. Акты Верховного Суда РФ признаются актами официального нормативного толкования, а в тех случаях, когда в них содержатся разъяснения относительно правовых отношений, не урегулированных законодательством, они превращаются из актов руководства судами в акты, регулирующие правовые отношения.

Исходя из изложенного, можно выделить следующие признаки решений высших судебных инстанций, схожих с судебным прецедентом:

- носят нормативный характер;

¹ См.: Коростелкина О.Н. Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 4.

обладают императивностью, что выражается в обязательности применения прецедентов при правоприменении;

субъектом принятия решения является высшая судебная инстанция;

порождают возникновение, прекращение и изменение прав и обязанностей;

являются регулятором общественных отношений.

В то же время решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ обладают особенностью, которая не свойственна судебному прецеденту в его классическом понимании. Она заключается в том, что принятие решений данными судебными инстанциями служит результатом познавательной деятельности по уяснению смысла и содержания нормативных актов, а также последующему разъяснению имеющему значение для их правильного понимания и применения. Такая действительность соответствует историческому развитию российской правовой системы как романо-германской правовой семьи и признанному главенству нормативно-правового акта в системе источников права.

Учитывая изложенное, можно заключить, что судебная практика не подлежит отождествлению с судебным прецедентом ввиду следующих обстоятельств:

1. Судебный прецедент образуется в результате судебного правотворчества, а судебная практика в России формируется при применении правовых норм путем осуществления правосудия.

2. Судебный прецедент — это решение суда, направленное на применение его в конкретном случае, а судебная практика складывается из практики применения правовых норм судами нескольких судебных инстанций и представляет собой ориентир для судов при разрешении аналогичного спора, рассчитанный на неоднократное применение.

Учитывая, что неотъемлемым свойством судебной практики в России является ее единство, можно провести параллель между единством судебной практики и выявленными сходствами и различиями судебной практики и су-

дебного прецедента. С одной стороны, единство судебной практики, как и судебный прецедент, служит необходимым условием для устранения разногласий между судами при разрешении аналогичных споров и, как следствие, эффективной защиты. Также единство судебной практики, равно как и судебный прецедент, обладает свойствами императивности для правопримениеля (суда) ввиду обусловленной необходимости принятия судами законного решения, которое не будет впоследствии отменено в связи с нарушением единства сложившейся практики применения нормы закона.

Кроме того, в силу наличия пробелов и коллизий в нормативно-правовом регулировании отношений позволяет сложившемуся единству судебной практики, так же как и судебному прецеденту, по тому или иному вопросу урегулировать правовые отношения, что впоследствии может быть учтено законодателем в процессе законотворчества.

С другой стороны, от судебного прецедента единство судебной практики отличает единообразное понимание и применение норм законодательства при разрешении аналогичных споров, в то время как судебный прецедент — это определенное решение суда, регулирующее сходные правоотношения, содержащие норму права.

По справедливому замечанию А.Ю. Богдановской, в современных условиях судебный прецедент, имея огромное историческое значение для развития правовых систем «общего права», постоянно трансформируется в системе источников права. В основном при рассмотрении дел деятельность судей связана с правоприменением и толкованием, что является ключевым фактором в развитии именно прецедентов толкования, а не прецедентов в их классическом понимании. Интерпретация закона судьями, изложенная в решении, становится прецедентом толкования, распространяемым на дела, в основе которых лежит идентичный факт. Отличительной особенностью прецедентов толкования является законодательная основа их формирования¹.

¹ См.: Богдановская И.Ю. Судебный прецедент и его эволюция // Законность. 2007. № 3. С. 45–46.

Это говорит о том, что единство судебной практики подзаконно и, учитывая наиболее оперативное принятие решения по правовым отношениям, не урегулированным законодателем, служит для восполнения пробелов и устранения коллизий до момента их устранения законодателем.

Другая отличительная особенность судебной практики заключается в том, что судебный прецедент создается не любым судом, а только высшими органами судебной власти. Единство судебной практики формируется всеми судами российской судебной системы, которая впоследствии приобретает свою форму в виде разъяснений Пленума высшей судебной инстанции и решений Конституционного Суда РФ.

С учетом всех сходств и различий можно заключить, что единство судебной практики и судебный прецедент являются самостоятельными категориями, не подлежащими отождествлению, поскольку обладают разным значением, местом и ролью в правовых системах.

ГЛАВА 5. ФОРМЫ И СРЕДСТВА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ОПЫТА СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СИСТЕМУ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ввиду снижения качества нормативного материала, обновления и потребности в упорядочивании законодательства роль судебной практики постоянно возрастает. Бесспорен тот факт, что она оказывает особое влияние на состояние российского законодательства. Это особо проявляется при принятии нового закона, нормы которого допускают двоякое толкование либо имеют различные пробелы и противоречия. Изложенное относится к дефектам правового регулирования и нередко влечет за собой нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина и других конституционных установлений. В таких случаях судебная практика вынуждена эволюционировать под воздействием бурно развивающихся общественных отношений и адаптироваться под сложившиеся условия, оперативно устранив возникшие пробелы и противоречия с целью полноценной защиты прав граждан и повышения законности в стране.

Сегодня исследователи называют различные формы влияния судебной практики как на законотворческий процесс, так и на законодательство. Среди них выделяются прямое и опосредованное влияние, легитимное и противоправное, изменяющие законодательство или дополняющие его новыми положениями и т.д. Влияние судебной практики на законодательство не является новым вопросом для современной российской правовой системы. Исторически феномен судебной практики рассматривался и продолжает рассматриваться с точки зрения источника или формы права. Еще, Л.И. Петражицкий отмечал: «...Многие считают судебную практику особым источником права (видом позитивного права) наравне с обычным правом и законами. Другие, не отрицая значения судебной практики как источника права, подводят ее под обычное право и считают ее особым видом права. Некоторые же вообще

отрицают значение судебной практики как источника права, указывая, что задача судов состоит не в созидании, а в применении действующего права»¹.

В исследованиях относительно места судебной практики в системе источников права обозначилось три направления: представители первого направления (В.М. Жуйков, С.А. Иванов, Т.Н. Нешатаева, Н.А. Подольская) рассматривают судебную практику как источник права в той части, в какой она находит отражение в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и его решениях по отдельным категориям дел. Сторонники второго направления (Р.З. Лившиц, Н.В. Михалева, Л.В. Смирнов) признают судебную практику источником права в полном объеме, включая результаты деятельности нижестоящих судов. Приверженцы третьего направления (Т.Г. Морщакова, В.С. Нерсесянц) отрицают свойства источника права судебной практики (независимо от ее форм).

Отвечая на вопрос о причинах негативного отношения к судебной практике как к источнику права, Р.З. Лившиц указывал, на исторически сложившийся нормативистский подход к пониманию права: источником права должен быть признан только закон. Единственное изъятие допускалось для руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР. Необходимость таких разъяснений объяснялась потребностью в управлении судебной практикой, ее единственным ориентированием. Тот факт, что за разъяснениями Верховного Суда признавалась нормативная роль, был административным вторжением в судебную практику².

Негативное отношение к судебной практике как к источнику права высказывается и в настоящее время.

Так, противники признания за судебной практикой силы источника права указывают на подвижность судебной практики, ее неавторитетность, нестабильность по сравнению с главным источником права — законом. Без-

¹ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 452.

² См.: Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 4–5.

условно, если следовать сложившейся концепции понимания права, воспринимая его только как систему источников права, центральное место среди которых принадлежит закону, то правом формировать ее суд не наделен и не должен надеяться. В то же время если рассматривать право в другом ракурсе, то его никак нельзя отождествлять только с создаваемыми государством законами и дополняющими их нормативными правовыми актами.

Теоретический и практический анализ законодательства и судебной деятельности позволяет констатировать, что в настоящее время имеются все правовые основания полагать, что определенные судебные акты можно рассматривать в качестве источников права в широком смысле. На это указывает тот факт, что накопленная информация по вопросам применения законодательства в целях единообразного применения позволяет устраниить дефекты в законе в случае отсутствия необходимой нормы.

Многие исследователи совершенно справедливо указывают на тот факт, что судебные органы наделены правом официального толкования правовых норм. При этом они сталкиваются с необходимостью нейтрализации последствий несовершенства законодательства. В различных отраслях права такими последствиями является отсутствие четкой и однозначной терминологической базы, правовых дефиниций, разъясняющих значение того или иного понятия. Так, по мнению П. Крашенинникова, в последнее время в условиях постоянных жизненных изменений появилась возможность выйти из государственной экономики, принятые новые международные акты, что существенным образом отразилось на образовании новой судебной практики. Данные обстоятельства повлекли за собой необходимость в существенны поправках Гражданского кодекса РФ¹.

Н.А. Максимова отмечает, что Гражданский кодекс РФ развивается посредством влияния судебной практики по различным делам. В.В. Долинская указывает на то, что реформирование гражданского законодательства приве-

¹ См.: Крашенинников П. Роман с юридическим лицом. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 04.04.2016).

ло к приданию судебной практике самостоятельного значения в системе юридических фактов¹.

По мнению А.Ю. Мкртумяна, придание судебным актам нормативного характера будет способствовать повышению эффективности действующего законодательства, а также правового регулирования. Он считает, что судебная практика, в отличие от закона, который во многих случаях не способен предусмотреть многих нюансов, представляется более обоснованной².

В.М. Жуйков, отстаивающий точку зрения о нормативном характере судебной практики, указывает на тот факт, что независимо от желания законодателя принимать необходимые и качественные законы, недостатки и пробелы в праве были и всегда будут, поскольку заранее быть в курсе всех обстоятельств, требующих законодательного регулирования, просто невозможно. Он считает, что судебный орган в процессе правосудия устраняет недостатки, пробелы и противоречия в законодательстве³.

Другая сторона судебной практики, которая носит нормативный характер, — это деятельность Конституционного Суда РФ. Так, ст. 87 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» установлено, что по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности нормативного акта органа государственной власти или договора между органами государственной власти Конституционный Суд РФ принимает одно из следующих постановлений:

- 1) о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений соответствующими Конституции РФ;
- 2) о признании нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции РФ.

¹ См.: Максимова Н.А. Судебная практика как источник гражданского права //Адвокатская практика. 2003. № 4. С. 26.

² См.: Мкртумян А.Ю. Судебная практика как источник гражданского права России // Гражданское право. 2008. № 4. С. 13.

³ См.: Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 157.

Признание не соответствующими Конституции РФ федерального закона, нормативного акта Президента РФ, нормативного акта Правительства РФ, договора или отдельных их положений служит основанием для отмены в установленном порядке положений других нормативных актов либо договоров, базирующихся на признанных неконституционными полностью или частично нормативном акте либо договоре, либо воспроизводящих их или содержащих такие же положения, какие были признаны неконституционными. Положения нормативных актов либо договоров, признанные не соответствующими Конституции РФ, не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами.

Учитывая изложенное, можно выделить три основных аспекта решений Конституционного Суда РФ: общеобязательность; особенности осуществляемого Конституционным Судом толкования Конституции РФ и иных правовых актов; возможность Конституционного Суда РФ через свои решения воздействовать на российскую правовую систему. Прежде всего, необходимо отметить, что ссылка на одну лишь общеобязательность решений Конституционного Суда РФ еще не доказывает, что они нормативны¹. Любой правовой акт является общеобязательным в том смысле, что он порождает определенные правовые последствия, признание которых выступает обязанностью субъектов права.

Ряд российских ученых (С.А. Авакян, Н.В. Витрук, Г.А. Гаджиев, Б.С. Эбзеев и другие) признают, что решения Конституционного Суда РФ имеют силу нормативного акта, но не путем создания новой нормы, а исключением из действующей нормативной базы дефектных актов². На этом основании Конституционный Суд РФ нередко называют «негативным законодателем», «вторым законодателем».

¹ См.: *Страшун Б.А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права. Конституционному Суду РФ — 10 лет. URL: <http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/4.14-1.15/contents.htm> (дата обращения: 20.10.2013).

² См.: *Радько Т.Н.* Теория государства и права. М., 2005. С. 376-377.

В настоящее время Конституционный Суд РФ фактически может не только отменять правовые нормы, но и по сути создавать новые предписания, ранее не установленные. Многие положения его решений положены в основу формирования содержания большого количества федеральных законов и законов субъектов РФ. Так, в качестве примера создания Конституционным Судом РФ прецедентной судебной практики, формирующей новые правовые отношения, можно привести принятое в 2001 г. определение, где было указано, что не может быть исчерпывающим перечень оснований для пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам, так как обратное грозило бы судебной ошибкой, которая в дальнейшем может повлечь принятие решения не соответствующего закону. В этой связи Конституционным Судом РФ было признано, что судебная ошибка является возможным основанием для пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам¹.

С учетом анализа правовой природы и значения решений Конституционного Суда РФ нельзя забывать, что данный высший орган судебной власти является органом конституционного нормоконтроля, осуществляющим проверку нормативно-правовых актов. В этой связи существенное значение в современном правовом регулировании имеют решения, подтверждающие конституционность нормативных актов. Принимая окончательные решения, Конституционный Суд РФ обязует правоприменителей исполнять или не исполнять нормативно-правовой акт или его отдельную норму.

Таким образом, деятельность Конституционного Суда РФ — проверка соответствия Конституции РФ правового содержания закона, результатом которой выступают изложенные в судебном акте выводы, разрешающие правовую неопределенность.

Сказанное подтверждает тот факт, что акты высших судебных инстанций становятся основой для правового регулирования, о чем свидетельству-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. № 36-О «По жалобе акционерной компании «Алроса» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 333 Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // СЗ РФ. 2001. № 14. Ст. 1430.

ют постоянные отсылки нижестоящих органов судебной власти при принятии решений на высказанные позиции.

Так, еще Р. Давид отмечал отличие судебных решений, принятых в романо-германских правовых системах, от систем английского общего права. Одновременно он призывал остерегаться клише, указывающих на исключительность закона. По его мнению, подобные суждения разрывают теорию и практику¹.

Ежегодно количество сборников и справочников судебной практики возрастает что дает возможность не только судам, но и всем правоприменителям формировать представление о важности и значимости судебной практики.

Многие правоведы считают, что сформированные судебной практикой правовые положения включают некоторые атрибуты юридических норм, но в целом еще до последних не «дотягивают», что, однако, не мешает считать правоположения обладающими юридическим значением для правопримениеля и законодателя².

В этой связи необходимо отметить, что наряду с имеющимися признаками судебной практики, схожими с признаками нормативно-правового акта, судебная практика обладает и отличительными признаками. Например, она поднормативна. На это указывает то обстоятельство, что в основу признанной правотворческой деятельности суда положен закон. Эта деятельность вытекает из судебного применения, связанного с судебным толкованием. Кроме того, эта деятельность носит вынужденный характер, так как осуществляется в случае отсутствия прямого правового регулирования спорных правоотношений либо противоречивости правовых положений. Также судебное правотворчество безынициативно, поскольку повод для принятия решения всегда исходит от заинтересованных лиц, обратившихся за разрешением

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Синози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 95–96.

² См.: Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. С. 108.

конфликта. Данные обстоятельства подтверждают факт закрепления за судебной практикой, сформированной на уровне высших судебных инстанций, роли источника права после закона.

Существует мнение о необходимости подразделять источники права на две категории: первичные источники (нормативные правовые акты — Конституция, законы всех видов, акты Президента, Правительства, Федерального Собрания, федеральных органов исполнительной власти и другие) и вторичные, или производные, источники (акты, не являющиеся нормативными в традиционном смысле этого слова, но фактически имеющие значение регулятора общественных отношений, прежде всего, акты официального толкования первичных источников права).

Данный подход позволяет учесть роль, которую реально играют в правовой системе России акты, созданные органами судебной власти¹.

Таким образом, *de jure* судебная практика имеет силу толкуемого акта, но фактически ей отводится большее значение, поскольку вторичные акты могут изменять смысл первичных актов.

Совершенно объективно С.В. Бошно указывала на то обстоятельство, что судебная практика будучи источником права исключает прямое воздействие на законодательство, иначе, каким образом она сможет влиять на саму себя. В данном понимании сущность слова «источник» предполагает, что в нем содержится некая полезная субстанция. Именно в этой связи, по справедливому мнению С.В. Бошно, и следует рассматривать соотношение судебной практики и права. Подобный подход позволяет рассчитывать на вос требованность судебной практики в процессе правообразования².

В этом отношении не последнюю роль играет единство судебной практики. Являясь обязательным условием для вынесения законного и обосно-

¹ См.: Белкин А.А. Вопросы юридической силы решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 2. С. 21–24.

² URL: http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/gosudarstvennoe-stroitelstvo-i-pravo/sposoby-vliyaniya-sudebnoy-praktiki-na-pravotvorchestvo-boshno-s-v/?ELEMENT_CODE=sposoby-vliyaniya-sudebnoy-praktiki-na-pravotvorchestvo-boshno-s-v&SECTION_CODE=gosudarstvennoe-stroitelstvo-i-pravo&PAGEN_1=2 (дата обращения: 17.04.2016).

ванного решения, единство судебной практики способствует закреплению выработанных положений на практике. Посредством неоднократного применения правоприменителями результатов судебной практики формируется новое правило, конкретизирующее или уточняющее правовую норму, а в некоторых случаях и создающее правило поведения.

Здесь следует отметить, что такая форма воздействия на законодательство, как единство судебной практики, ни разу не выступала предметом обсуждения и исследования.

В то же время практический анализ состояния современного законодательства и возможность воздействия единства судебной практики как принципа судебной деятельности на общественные отношения позволяют выделить формы ее влияния на законодательство.

Следует отметить, что, учитывая производный характер единства судебной практики от качественного состояния самого законодательства, и наоборот, формы *влияния этих явлений нельзя рассматривать в отрыве друг от друга.*

Обобщая накопленный материал по рассматриваемому вопросу, следует констатировать наличие объективной связи процесса взаимообусловленного развития системы законодательства и судебной практики, которая выражается *в двух типах (формах) взаимодействия — прямом и опосредованном.*

В рамках *непосредственной формы воздействия судебной практики на процесс совершенствования законодательства* рассматривается специальное право законодательной инициативы высших судов — Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ. Подчеркнем, что институт наделения правом ограниченной законодательной инициативы высших судов в целом соответствует принципу разделения властей и не нарушает его. При этом позиция сторонников наделения средствами прямого влияния судов общей юрисдикции и арбитражных судов на процесс совершенствования регионального законодательства в виде права законодательной инициативы представляется несостоятельной. Предоставление права федеральным органам судебной вла-

сти вносить законопроекты в законодательные (представительные) органы субъектов РФ является прямым нарушением принципа федерализма.

Можно предложить выделение и использование в рамках *опосредованной формы имплементации положительного опыта, накопленного судебной практикой, в нормативные предписания законодательства следующих инструментов*: правовых позиций судов, посланий Федеральному Собранию РФ, запросов в Конституционный Суд РФ, дисквалификации нормативного правового акта, технико-юридической конкретизации норм права, аналогии закона и аналогии права.

Учитывая разветвленность российской судебной системы и процессуальное различие судебной деятельности в судах каждой ветви власти, опосредованная форма воздействия на законодательство посредством единства судебной практики имеет различное выражение. Так, опосредованное воздействие единства судебной практики происходит через акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ (изданные до его реорганизации). Главной особенностью такой формы выступает то, что органы судебной власти самостоятельно конкретизируют положения закона, в случае если законодательство не способно урегулировать подлежащие рассмотрению общественные отношения и последующее обоснование принятого решения нижестоящими судебными инстанциями, в том числе на основании выводов суда, закрепленных в различных формах выражения судебной практики.

Наиболее показательным примером такого воздействия являются акты Конституционного Суда РФ о проверке конституционности нормативно-правовых актов. Так, при проверке конституционности закона Конституционным Судом РФ выносится решение по делу, в котором дается оценка как буквального смысла рассматриваемого акта, так и смысла, придаваемого ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Выявив законодательный пробел, Суд решает вопрос о том, признать закон некон-

ституционным в связи с пробелом, повлекшим нарушение конституционных прав и свобод, других конституционных установлений, или осуществить истолкование его конституционно-правового смысла либо в иной надлежащей правовой форме выразить свое отношение к законодательному пробелу.

В качестве одного из примеров можно привести Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. № 4-О, в котором судом было отнесено признание примененной нормы, не соответствующей Конституции РФ, к основаниям для пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам¹. Принятие данного акта Конституционным Судом РФ повлияло на дальнейшую правоприменительную деятельность и к нему было апеллировано при рассмотрении жалоб (Дело № 1105/2-АМ от 13 января 2000 г.).

Впоследствии указанное положение нашло закрепление в Арбитражно-процессуальном кодексе РФ (в ред. от 10 июля 2002 г.), где в п. 6 ст. 311 устанавливалось, что признание Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ закона, примененного арбитражным судом в конкретном деле, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Конституционный Суд РФ, служит основанием для пересмотра судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам².

В развитие данного положения Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ расширил этот подход и распространил его на акты Пленума и Президиума. Так, в п. 5.1 действующего на тот момент Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 марта 2007 г. № 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» разъяснялось, что может быть пересмотрен по вновь от-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. № 4-О «По жалобе гражданки Петровой Ираиды Валерьевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона „О Конституционном Суде Российской Федерации“». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст.3012; 2015. № 14. Ст. 2022.

крывшимся обстоятельствам также судебный акт, оспариваемый заявителем в порядке надзора и основанный на положениях законодательства, практика применения которых после его принятия определена Высшим Арбитражным Судом РФ в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ или в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, в том числе принятого по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

Конституционным Судом РФ такая позиция впоследствии была признана не противоречащей Конституции РФ, однако одновременно ее применение было оговорено рядом условий, по сути, приравнявших данное положение к правовому положению¹.

Таким образом, вырабатываемое единство судебной практики первонациально способствовало установлению новой правовой позиции, при которой признание высшей судебной инстанцией нормы законодательства не соответствующей Конституции РФ служило основанием для пересмотра решения по вновь открывшимся обстоятельствам, что впоследствии привело к ее закреплению в нормах процессуального законодательства. Подобное влияние оказывают и решения, принятые коллегиями Верховного Суда РФ.

Одновременно единство судебной практики напрямую воздействует на законодательство при многочисленных отсылках судами на решения Конституционного Суда РФ, постановления Пленумов высших судебных инстанций в мотивированной части, обосновывающие принятое решение.

К примеру, при рассмотрении дела № А57-22507/2014 Арбитражный суд Саратовской области подтвердил своим решением что Постановление Правительства Саратовской области от 19 февраля 2013 г. № 73-П не нарушает права и законные интересы предпринимателя ИП Главы КФХ Еременко А.В. в части исключения возможности в предоставлении ему субсидии на

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Производственное объединение „Берег”, открытых акционерных обществ „Карболит”, „Завод „Микропровод” и „Научно-производственное предприятие „Респиратор”»// СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 699 (Постановление).

возмещение части затрат на уплату процентов по долгосрочному кредиту по причине отсутствия регистрации на территории Саратовской области¹.

В указанном решении судом в обоснование своей позиции делаются ссылки на постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 марта 2011 г. № 14044/10 и от 5 июля 2011 г. № 651/11², постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением Гражданского кодекса РФ»³.

Таким образом, при упоминании в решениях суда наряду с нормами закона положений, сформированных судебной практикой суды тем самым единообразно рассматривают аналогичные по своему составу споры, придавая положениям судебной практики устойчивый характер.

Устойчивая судебная практика посредством единообразного применения судами правовых норм и разрешения споров одновременно может содержать в себе суждение, уже высказанное при разрешении реальных дел и в этом смысле несет в себе информацию законодателю (равно как и всем субъектам права) о конкретном предложении.

Законодатель может для своих целей самостоятельно обратиться к сложившемуся в судебной практике единству как к источнику положений для совершенствования законодательства. В этом случае особое воздействие оказывают принятые судами в целях правильного и единообразного применения законодательства постановления Пленума, обзоры судебной практики, информационные письма, аккумулирующие в себе информацию по рассмотренным делам, выводы судов, позиции по вопросам понимания и применения законодательства органами судебной власти.

Другой формой влияния единства судебной практики на законодательство является *прямая (непосредственная) форма*. Ввиду полномочий, предо-

¹ Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 7.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9. 1997. № 5.

ствленных органам судебной власти по реализации права законодательной инициативы, единство судебной практики обладает способностью непосредственно воздействовать на правотворческий процесс. Так, вследствие неоднократного применения нормы права судами дается оценка применяемости абстрактных норм к реальным жизненным отношениям, в результате чего могут выявляться пробелы в правовом регулировании или несоответствия правовой нормы общественным отношениям.

Совершенно справедливо М.Н. Руткевич указывал на косвенное действие критерия практики, которое всегда имеет место при проверке теоретических предположений. По его мнению, новые данные практики, привлекаемые для проверки истинности выдвинутого суждения, сами должны представлять в виде суждений.

В единстве суждений, неоднократно применяемых относительно положений закона, суды приходят к выводу о необходимости в качественно ином выражении нормы права либо в восполнении пробела в правовом регулировании.

Юридическим обоснованием законодательной инициативы Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ выступает ст. 104 Конституции РФ. Такие положения также закреплены в п. 6 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». Верховный Суд РФ осуществляет принадлежащее ему в соответствии с ч. 1 ст. 104 Конституции РФ право законодательной инициативы по вопросам своего ведения, а также разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации по вопросам своего ведения.

Статья 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 4 июня 2014 г.) закрепляет полномочия Конституционного Суда РФ выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения.

На сегодняшний день органы судебной власти не так активно используют предоставленные им полномочия. И причин здесь очень много. Суще-

ствует мнение, что законодательная инициатива не способствует достижению органами судебной власти целей и задач судопроизводства. Говоря о полномочиях Конституционного Суда РФ в части законодательной инициативы возникают сомнения относительно таких полномочий, поскольку деятельность данного судебного органа сводится к осуществлению конституционного нормоконтроля, то есть лишению нормативных правовых актов юридической силы.

Б.С. Эбзеев, будучи судьей Конституционного Суда РФ, как сторонник ограничительного толкования понятия «предметы ведения судебных органов», утверждал, что Конституционный Суд РФ может выступать с законодательной инициативой по вопросам конституционной и законодательной регламентации своих полномочий и деятельности, взаимоотношений с другими органами¹. Судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев полагает, что Конституционный Суд РФ не обладает правом широкой законодательной инициативы, поскольку, хотя такое право и предоставлено, Конституционный Суд РФ ограничительно истолковал для себя это положение. Выступать с законодательной инициативой Конституционный Суд РФ может только тогда, когда это касается его полномочий. Во всех остальных случаях он никогда не пойдет по политической стезе, потому что законодательная инициатива — это всегда политика².

Такого же мнения придерживается и В.В. Лазарев, который утверждает, что предмет законодательной инициативы Конституционного Суда РФ составляют вопросы регламентации полномочий и деятельности суда, его взаимоотношений с другими органами³.

¹ См.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / под ред. Н.В. Витрука, Л.В. Лазарева, Б.С. Эбзеева. М., 1996. С. 44–45.

² См.: Там же.

³ См.: Лазарев В.В. Некоторые спорные вопросы теории и практики конституционного правосудия // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Противоположной точки зрения придерживается И. Котелевская. Она считает, что «Конституционный Суд РФ может осуществлять право законодательной инициативы путем внесения законопроектов по вопросам соблюдения прав человека, разграничения компетенции между различными федеральными органами государственной власти, а также между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти ее субъектов. Кроме того, Конституционный Суд РФ вправе вносить в Государственную Думу законопроекты об изменении действующего законодательства в связи с предполагаемым вступлением в силу международного договора»¹.

Следуя этой логике и учитывая положения ст. 125 Конституции РФ и ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации» (в ред. от 4 июня 2014 г.), регламентирующие предметы ведения Конституционного Суда РФ, можно сделать вывод, что Конституционный Суд РФ имеет право вносить законопроекты практически по любому вопросу.

Именно так трактует право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ Н.В. Витрук. По его мнению, было бы желательно, чтобы Конституционный Суд РФ одновременно с вынесением решения о неконституционности правовой нормы (в случае образования пробела) вносил в Государственную думу проект уточненной по содержанию новой правовой нормы закона, то есть реализовывал свое право законодательной инициативы «по предмету своего ведения»².

Реализация права законодательной инициативы Верховного Суда РФ также вызывает много споров и неоднозначных мнений.

¹ Котелевская И. Взаимодействие властей в законотворчестве: разногласия и поиски компромисса // Проблемы парламентского права России: сборник статей / под ред. Л. Иванова. М., 1996. С. 68–69.

² См.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / под ред. Н.В. Витрука, Л.В. Лазарева, Б.С. Эбзеева. С. 56.

С.В. Бошно полагает, что ответ на вопрос, нужно ли право законодательной инициативы судебным органам, зависит от вида этого органа. По ее мнению, практику законодательной инициативы необходимо предоставить только Верховному Суду РФ.

С нашей точки зрения, закрепление возможности инициировать принятие закона за Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ целесообразно лишь в ограниченном виде, что и подтверждает практика реализации данного права. В настоящее время почти все инициативы органов судебной власти носят учредительный характер в части судебной системы. При этом среди них практически не встречаются законопроекты (за редким исключением), уточняющие право путем внесения дополнений и изменений в отраслеобразующие законы — гражданский, уголовный, административный кодексы.

Отдельно следует отметить опосредованное влияние единства судебной практики на законодательство через средства массовой информации посредством информирования общества о сложившейся судебной позиции в процессе рассматриваемого дела. Здесь особо следует выделить публикации судебных актов высших судебных инстанций в «Российской газете», посредством чего происходит привлечение внимания широкого круга лиц к правоприменительной практике судов.

Не менее важным значением обладает информация, опубликованная и в иных средствах массовой информации, таких как Интернет-ресурсы и иные неофициальные печатные издания в виде обсуждения недостатков законодательства различными представителями общественности, суждений по вопросам применения органами судебной власти конкретной правовой нормы, апеллируя конкретными решениями органов судебной власти.

На наш взгляд, необходимо расширить круг судебных актов, размещаемых на официальных интернет-ресурсах в целях повышения уровня транспарентности судебной власти. К сожалению, на настоящий момент отсутствует какой-либо централизованный банк судебных актов надзорной инстанции, учитывающий рассматриваемые категории дел. Мы поддерживаем

точку зрения, согласно которой не обязательно создавать отдельную информационно-правовую базу или интернет-ресурс для надзорной инстанции. Достаточно преобразовать существующие информационные базы, но с как можно более глубокой классификацией юридических дел, что позволит облегчить поиск результатов судебной практики и создаст необходимые предпосылки для самостоятельного осуществления правового мониторинга судебной практики на предмет ее единства любыми заинтересованными лицами, институтами гражданского общества.

Такого рода средство влияния на процесс совершенствования законодательства не всегда очевидно ввиду того, что такой источник не несет в себе созидающего начала, в нем нет сформулированных будущих норм и правовых положений. Эти сведения аккумулированы в результате эмпирического наблюдения и специально не ориентированы на правотворчество. Посредством такого изложения до широкого круга лиц доступно доносится информация относительно пробелов в законодательстве и противоречиях в разных актах.

Тем не менее, имеется масса примеров, когда законодатель при внесении изменений в законодательный акт опирается на единообразно сложившуюся судебную практику, в которой были выявлены пробелы и противоречия действующего законодательства.

Учитывая систему источников права, влияние единства судебной практики на законодательство может различаться в зависимости от источника, на который происходит воздействие: федеральный закон, закон субъектов, акты органов местного самоуправления и т.д.

Другой классификацией средств влияния единства судебной практики на законодательство выступает степень их воздействия на нормативно-правовой материал. Так, по нашему мнению единство судебной практики *влияет на законодательство без коренного изменения смыла нормы права, дополняя и конкретизируя ее содержание либо изменяет существенным образом нормативное правовое регулирование по тому или иному вопросу.*

Воздействие единства судебной практики на законодательство без изменения его смыслового значения в большинстве случаев применяется при наличии пробелов в правовом регулировании общественных отношений. Не имея регулятивной основы при рассмотрении некоторых споров, суды вынуждены в обоснование принятого решения формулировать в мотивировочной части мнение, позицию, на которые они опираются при принятии такого решения.

Так, одним из примеров единства судебной практики, оказывающего воздействие на правовое регулирование без изменения смысла, однако дополняющего и конкретизирующего ее, являются нормы Гражданского кодекса РФ о добросовестности. В законе часто упоминается, однако не раскрывается понятие «добросовестность». В то же время в многочисленных решениях судов при толковании данного понятия содержатся ссылки на основные начала гражданского законодательства и ст. 1 ГК РФ. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указывается, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное¹.

Одновременно судебная практика признает, что эффективное развитие рынка невозможно без укрепления начал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении эгоистических интересов таит в себе способность дестабилизации оборота, так как привносит в него элементы, на которые не рассчитывает добропорядочное

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

большинство. Предсказуемость поведения основана на удовлетворении ожиданий, а они базируются на представлении о добросовестном поведении. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон¹.

Учитывая отсутствие указания в ГК РФ на добросовестность как основополагающий принцип гражданского права, в Концепции совершенствования его общих положений предлагается сформулировать «добросовестность» в качестве формирующего начала гражданского права.

Говоря о форме воздействия единства судебной практики, изменяющей смысловое восприятие законодательства, следует отметить, что оно может быть вызвано различными противоречиями в нормативном правовом регулировании и последующей неясностью в правоприменении, что требует выявления действительного смысла, вкладываемого законодателем в соответствующую норму. Такие акты органов судебной власти несут в себе оптимизирующие свойства и способствуют приведению нормативно-правового акта в соответствие с динамично развивающимися общественными отношениями.

Одновременно следует отметить, что единство судебной практики может воздействовать на законодательство как положительно, так и отрицательно (негативно). Сегодня мнения ученых разделились относительно места и роли судебной практики в российской правовой системе. Так, одни призывают к ее возведению в ранг источников права. Другие считают, что в результате своей деятельности суды необоснованно выходят за пределы своих полномочий

В качестве негативного фактора судебной практики следует назвать наличие множества позиций судов по схожим вопросам правоприменения. Данное обстоятельство не позволяет предсказать исход рассмотрения дела по аналогичному спору ввиду различного усмотрения судьями в применени-

¹ См.: Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ. URL: <http://privlaw.ru> (дата обращения: 26.04.2016).

тельной деятельности. Зачастую это приводит к систематическому нарушению судами прав человека.

К негативному воздействию единства судебной практики можно отнести вопрос относительно взимания экологическими контролерами с юридических лиц платы за размещение отходов. Многие организации стали предпринимать действия по возврату необоснованно внесенной платы за отходы, которые ими не размещались, в том числе в судебном порядке. Однако в феврале 2015 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ приняла ряд определений об отказе в возврате денежных средств, перечисленных природопользователями, кардинально изменив таким образом правовую позицию по «экологическим» спорам, что свидетельствуют об ином подходе в правоприменительной деятельности, нежели складывающемся годами и оформленном в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ: от 17 марта 2009 г. № 14561/08, от 20 июля 2010 г. № 4433/10 и от 12 июля 2011 г. № 1752/11, где подчеркивалось, что плату за размещение отходов обязаны вносить лишь природопользователи, осуществляющие деятельность по хранению и захоронению отходов, а компании, у которых образуется «офисный» мусор, не относятся к таким специализированным организациям. Поэтому природопользователи, ранее вносившие плату за размещение отходов, стали обращаться в арбитражные суды с исками о возврате указанной платы, а арбитражные суды до недавнего времени удовлетворяли такие иски. При толковании нормативно-правовых актов излишняя свобода толкования порождает различия в судебной практике по территориальному признаку.

С другой стороны, негативным влиянием единства судебной практики является то обстоятельство, что не признаются нарушением единства судебной практики судебные акты, хотя и ошибочные с точки зрения материального и процессуального права, но находящиеся в гармонии с устоявшейся практикой. Кроме того, многочисленные споры относительно правовой природы судебной практики дают основания для двусмыслиности законодательных норм.

Это подтверждается и тем, что даже если высшей судебной инстанцией будет принято решение о признании нормативно-правового акта, либо его части несоответствующей Конституции РФ и нарушающим права граждан, то официальное изменение его статуса и текстового содержания возможны только после соответствующих действий органов представительной власти по внесению изменений или отмены данного нормативно-правового акта. В данном способе влияния, несмотря на всю его очевидность, есть множество проблемных вопросов, однако в действительности имеет место накопление богатого опыта судебной деятельности, в результате анализа которого можно сделать выводы о состоянии и эффективности действующего законодательства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о влиянии правовых позиций Европейского суда по правам человека на процесс трансформации системы законодательства в России. При этом следует отметить, что постановления Европейского суда по правам человека служат эффективным средством совершенствования российского законодательства и изменения правоприменительной практики только в условиях их полной и всесторонней реализации органами государственной власти. Вместе с тем необходимо учитывать и то обстоятельство, что прямому действию правовых позиций, создаваемых Европейского суда по правам человека, препятствует ряд факторов, важнейшим из которых является нерешенность вопроса с официальным опубликованием решений Суда. По настоящий момент в Российской Федерации отсутствует нормативный правовой акт, устанавливающий порядок перевода и официального опубликования решений Европейского суда, хотя в последнее время Министерство юстиции РФ осуществляет перевод и размещает на своем сайте практику Европейского суда по правам человека. Верховный Суд РФ также стремится ее учитывать в своих ежеквартальных обзорах.

Таким образом, Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ играют роль связующего звена между иными судами, правоприменителями в целом и законодательными органами в процессе реализации постановлений Европейского суда по правам человека, обеспечивая тем самым должный уро-

вень единства судебной практики. Кроме того, при обнаружении необходимости внесения изменений или дополнений в законодательные акты в соответствии с выявленными Европейским судом нарушениями Конвенции они могут использовать весь арсенал средств непосредственного и опосредованного воздействия на систему российского законодательства.

В целях повышения эффективности имплементации правовых позиций, содержащихся в постановлениях Европейского суда по правам человека, можно предложить проведение на постоянной основе комплексного мониторинга законодательства и правоприменительной практики при участии представителей всех ветвей государственной власти и научного юридического сообщества.

Думается, что более тщательный правовой мониторинг российского законодательства и правоприменительной практики на предмет соответствия позициям Европейского суда по правам человека позволит уменьшить количество обращений граждан с жалобами в Европейский суд по правам человека; усовершенствовать нормы национальной системы законодательства, повысив эффективность средств защиты прав и свобод человека и гражданина; определить причины и выбрать средства по устраниению препятствий в механизме реализации постановлений Европейского суда по правам человека.

Подводя итог рассмотрению проблемы влияния судебной практики на законодательство, можно заключить, что Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ, руководствуясь в своей деятельности преимущественно Конституцией РФ и общеправовыми принципами, прямо выраженным в ней или вытекающими из системного толкования ее норм, на этой основе lawfully и зачастую своевременно наполняют более четким содержанием посредством техники правоинтерпретационной конкретизации общие, отраслевые и межотраслевые принципы законодательства либо существенным образом уточняют их смысл, что составляет ядро значительного числа исходящих от них правовых позиций. В результате обеспечивается необходимый уровень единства судебной практики по наиболее сложным участкам правового

регулирования общественных отношений. Так, принцип единства судебной практики наряду с такими отправными началами законодательства, как правовая определенность и стабильность, баланс частных и публичных интересов в праве, наполняется содержанием преимущественно благодаря правовым позициям Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Таким образом, с учетом изложенного можно констатировать, что единство судебной практики способствует преодолению многочисленных недостатков, пробелов или разногласий в законодательстве, создавая самостоятельный канал для воздействия на правотворческий процесс. Единство судебной практики придает жизнеспособность нормативно-правовым актам, дополняя и восполняя их содержание конкретизирующими правилами поведения, выработанными в процессе деятельности по единообразному применению положений законодательства.

Судебная практика, складывающаяся единообразно, может вносить определенность в содержание правовых отношений, исходя из потребности в четком регулировании общественных отношений, она формирует наиболее оптимальный вариант воздействия на правовые отношения, способствует совершенствованию действующего законодательства, обеспечивая ясность и четкость нормативных правовых предписаний, их своевременное изменение и развитие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судебная практика на всем протяжении истории своего развития всегда имела важное значение как для российского общества, так и для государства. Однако в современных условиях активного изменения социально-экономической и общественно-политической ситуаций в стране, активизации деятельности законодателя, противоречивости и пробельности значительного числа положений законодательства и постоянном изменении сфер правового регулирования ее роль постоянно возрастает. В таких условиях субъекты правовых отношения хотят быть уверенными в исходе разрешения дела и стабильности судебного акта, в том, что в процессе рассмотрения дела их права не будут нарушены произвольным толкованием и применением правовой нормы.

Сегодня единство судебной практики выступает обязательным ориентиром для органов судебной власти при разрешении споров и вынесении итогового решением по делу. Сложившееся единство судебной практики несет в себе четкую позицию и рекомендацию судьям по применению отдельного нормативного-правового акта, что может повлиять на исход дела. Будучи одним из условий для вынесения законного и обоснованного решения, единство судебной практики выступает в качестве обязательного требования, применяемого к судебным решениям, посредством которых происходит дальнейшее формирование судебной практики и правовое регулирование общественных отношений в рамках конкретного спора. Учитывая, что основная направленность единства судебной практики — это единообразное понимание и применение норм закона судьями, можно говорить о ней как об одном из основополагающих принципов организации и осуществления деятельности судов.

Проведенное исследование единства судебной практики позволило определить его в качестве выводимого из общего смысла ряда норм Конституции РФ и процессуальных кодексов принципа, представляющего собой комплекс общеобязательных требований по обеспечению единообразного

толкования и применения закона и иных нормативных правовых актов, посредством выработки и неукоснительной реализации правовых позиций высших судов в целях обеспечения верховенства закона и равной судебной защиты прав и свобод человека и гражданина.

С учетом реального места и роли единства судебной практики в российской правовой системе сформулирован вывод о необходимости более четкой законодательной регламентации рассматриваемого принципа посредством уточнения его положения в системе принципов права и законодательства.

Обстоятельно раскрывается идея, что единство судебной практики служит не только средством обеспечения единообразного применения закона в типовых ситуациях разрешения правовых споров, но и в более широком смысле — индикатором фактического состояния правовой системы, указателем на ее развитие в соответствии с высокими стандартами, провозглашенными в Конституции РФ.

Проанализированы и обобщены знания отраслевых юридических наук о связи принципа единства судебной практики с конституционными принципами равенства, справедливости, приоритета прав и свобод человека и гражданина, правовой определенности и стабильности, верховенства Конституции и закона, принципа баланса частных и публичных интересов и др.

Учитывая положительное воздействие единства судебной практики на законодательство, автором был предложен ряд изменений и дополнений в общую теорию судебной практики как важнейшего вида юридической практики. Предпринята попытка определения и анализа основных общих закономерностей диалектической связи функционирования и развития судебной практики. Кроме того, выделены две основные формы имплементации опыта судебной практики в систему законодательства — прямая (непосредственная) и косвенная (опосредованная). Проанализированы основные средства влияния судебной практики на процесс совершенствования системы российского законодательства, сформулировано определение механизма обеспече-

ния единства судебной практики и представлена научно-обоснованная модель его оптимальной структуры.

Представляется, что в работе удалось вывести конструкцию сбалансированного использования инструментов прямой и опосредованной имплементации опыта судебной практики в предписания законодательства.

Считаем, что предложенные теоретические разработки и практические предложения позволяют избежать нарушений, искажающих саму суть правосудия, и обеспечить не только единообразное применение и понимание всеми субъектами общественных отношений правовых норм, но и оказывать непосредственное влияние на совершенствование российского законодательства, оперативно восполнив возможные пробелы и устранив противоречия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. № 237; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Всеобщая декларация прав человека: принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
5. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2015. № 11. Ст. 1088.
6. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 4 ноября 2014 г.) // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
7. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (в ред. от 23 июня 2014 г.) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589; 2014. № 23. Ст. 2921.
8. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1658; 2014. № 6. Ст. 551.
9. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

10. Уголовно-исполнительный кодекс РФ: принят 8 января 1997 г. (в ред. от 13 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4386.

11. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 22 октября 2014 г.) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921; 2014. № 43. Ст. 5792.

12. Земельный кодекс РФ: принят 25 октября 2001 г. // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

13. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 24 ноября 2014 г.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1; Российская газета. 2014. 27 нояб.

14. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 29 июня 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; 2015. № 27. Ст. 3945.

15. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 6 апреля 2015 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2015. № 14. Ст. 2022.

16. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в. ред. от 29 июня 2015 г.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391; 2015. № 27. Ст. 3981.

17. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (5 мая 1998 г.) // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

18. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (в ред. от 8 марта 2015 г.) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232; 2015. № 1 (ч. I). Ст. 13.

19. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (в ред. от 29 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 11.

20. Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных

правовых актов» (в ред. от 21 октября 2013 г.) // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609; 2013. № 43. Ст. 5449.

21. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 29 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 10.

22. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 548.

23. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О Федеральной целевой программе „Развитие судебной системы России” на 2007–2011 годы». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90031/#ixzz3oULTEhCF> (дата обращения: 15.10.2014).

24. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 18 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

25. Приказ Федеральной таможенной службы России от 30 октября 2014 г. № 2132 «О совершенствовании работы с комплексом программных средств „Судебная практика”». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

26. Приказ Минюста России от 5 августа 1994 г. № 19-01-111-94 «О преддолжностной подготовке резерва на должности судей районных (городских) судов». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ. URL: <http://privlaw.ru> (дата обращения: 26.04.2016).

29. Закон Калужской области №562-ОЗ «О полномочиях казенного предприятия Калужской области «Бюро технической инвентаризации на выполнение кадастровых работ». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Материалы правоприменительной практики

30. Постановление Европейского суда по правам человека от 7 июля 2009 г. по делу «Плеханов (Plechanow) против Польши» (жалоба № 22279/04). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=137641> (дата обращения: 26.08.2015).

31. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года „О банках и банковской деятельности” в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1254.

32. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества „Производственное объединение „Берег”, открытых акционерных обществ „Карболит”, „Завод "Микропровод" и „Научно-производственное предприятие „Респиратор,»» // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 699 (Постановление).

33. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона „О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона „О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального за-

кона „Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3356.

34. Определение Конституционного Суда РФ от 7 октября 1997 г. № 88-О «О разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 года по делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СЗ РФ. 1997. № 42. Ст. 4900.

35. Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 1999 г. № 4-О «По жалобе гражданки Петровой Ираиды Валерьяновны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона „О Конституционном Суде Российской Федерации”». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

36. Определение Конституционного Суда РФ от 8 февраля 2001 г. № 36-О «По жалобе акционерной компании „Алроса” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 333 Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // СЗ РФ. 2001. № 14. Ст. 1430.

37. Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 260-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Максимова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 304 и 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

38. Решение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй квартал 2015 года». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

39. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25 –ПВ04 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. №9.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»//Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 9. 1997. № 5.

41. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 июня 1996 г. № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов» (в ред. от 22 июня 2012 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1996. № 11; 2012. № 8.

42. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 марта 2011 г. № 14044/10 по делу № А55-35684/2009 // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2011. № 7.

43. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2014 г.)// Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 10.

44. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 8 октября 2012 г. № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами Федерального закона „О рекламе”» // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2012. № 12.

45. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (в ред. от 5 марта 2013 г.) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

46. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (в ред. от 23 июня 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2; 2015. № 8.

47. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений части первой Граждан-

ского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

48. Определение Верховного Суда РФ от 7 октября 2015 г. № 85-АПГ15-7 «Об отмене решения Калужского областного суда от 14 июля 2015 г. и признании недействующей статьи 1 Закона Калужской области № 562-ОЗ „О полномочиях казенного предприятия Калужской области „Бюро технической инвентаризации” на выполнение кадастровых работ”». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

49. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 3 декабря 2007 г. № Ф03-А51/07-1/5113. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

50. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 7 февраля 2008 г. № КА-А40/13286-07. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

51. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 августа 2001 г. № А13-1576/01-20. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

52. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 апреля 2002 г. № 5813. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

53. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 июня 2003 г. № А52/ 3492/02/1. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

54. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 июля 2003 г. № Ф03-А37/03-2/1531. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

55. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 31 июля 2007 г. по делу № А55-13884/05-24(38). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

56. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25 мая 2011 г. по делу № А57-7487/2010. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

57. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25 мая 2011 г. по делу № А57-7487/2010. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

58. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 ноября 2012 г. по делу № А23-3068/2012. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научные издания

59. *Абросимова Е.Б.* Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М.: Институт права и публичной политики, 2002. 160 с.

60. *Барак А.* Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. 376 с.

61. *Баранов В.М., Поленина С.В.* Система права, система законодательства и правовая система. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1999. 442 с.

62. *Боботов С.В.* Конституционная юстиция (сравнительный анализ). М.: Изд-во Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, 1994. 127 с.

63. *Богдановская И.Ю.* Прецедентное право. М.: Наука, 1993. 239 с.

64. *Братусь С.И., Венгеров А. Б.* Судебная практика в советской правовой системе. М.: Юридическая литература, 1975. 328 с.

65. *Власенко Н.А.* Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: Инфра-М, ИЗиСП, 2014. 157 с.

66. Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В. и др. Научные основы советского правотворчества / отв. ред. Р.О. Халфина. М.: Наука, 1981.
67. Глазырин В.В. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самоценеко И.С. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая литература, 1980. 280 с.
68. Гук П.А. Судебный прецедент: теория и практика. М.: Юрлитинформ, 2009. 127 с.
69. Давид Р. Основные правовые системы современности: Сравнительное право. М.: Прогресс, 1967. 400 с.
70. Давид Р., Жоффе-Спинози К. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1997. 400 с.
71. Желдыбина Т.А. Законотворчество в России: эволюция и современность. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 178 с.
72. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М.: Городец, 1997. 320 с.
73. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: Норма, 2002. 176 с.
74. Зелепукин А.А. Российское законодательство. Состояние и проблемы оптимизации. Саратов: Изд-во Саратовского юридического института МВД России, 2007. 167 с.
75. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М.: Юридическая литература, 1991. 158 с.
76. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права. М.: НОУ «Современный Гуманитарный институт», 2000. 82 с.
77. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.М. Жуйкова, М.К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2007. 1008 с.

78. Концепция развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: ВНИИСЗ, 1994. 246 с.
79. Кросс Р. Прецеденты в английском праве. М.: Юридическая литература, 1985. 240 с.
80. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М.: Юридическая литература, 1978. 192 с.
81. Лебедев В.А., Анциферова О.В. Обеспечение единства законодательной системы Российской Федерации. М.: Изд-во МГУ, 2005. 224 с.
82. Лукьянова Е.Г. Глобализация и правовая система России (основные направления развития). М.: Норма, 2006. 112 с.
83. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. 512 с.
84. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1877. 321 с.
85. Нерсесянц В.С. Теория права и государства. М.: Юрист, 2001. 520 с.
86. Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юридическая литература, 1971. 247 с.
87. Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. М.: Юридическая литература, 1978. 160 с.
88. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
89. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
90. Поленина С.В. Законотворчество в Российской Федерации. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1996. 146 с.
91. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. М.: Наука, 1979. 205 с.

92. Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. М.: Юридическая литература, 1974. 313 с.
93. Сенякин И.Н., Фомин А.А., Никитин А.А. и др. Законодательный дисбаланс/ под ред. И.Н. Сенякина. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2013. 720 с.
94. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 382 с.
95. Судебная практика Европейского суда по правам человека по статье 10 Европейской Конвенции. Т. 2 / под ред. Г.Ю. Араповой. СПб.: Центр Защиты Прав СМИ, 2004. 288 с.
96. Судебная практика как источник права: сборник/ колл. авт.: Б.Н. Топорнин, Э. Серверэн, К. Гюнтер и др. М.: Юристъ, 2000. 160 с.
97. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / под ред. Н.В. Витрука, Л.В. Лазарева, Б.С. Эбзеева. М.: Юридическая литература, 1996. 229 с.
98. Яблочков Т.М. Практический комментарий на Устав гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб., 1916. 336 с.
99. Явич Л.С. Сущность права. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1985. 205 с.

Учебная литература

100. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М.: Юридическая литература. 1994. 192 с.
101. Андрианов А. Н., Болдырев В. Б., Бошно С. В., Горюхова Д.Б. и др. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Юриспруденция, 2009. 416 с.
102. Бабаев В.К. Правотворчество. Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. Н.Новгород: НВШМ МВД РФ, 1993. 338 с.
103. Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Пиголкин А.С., Поленина С.В. и др. Научные основы советского правотворчества. М.: Наука, 1981. 317 с.

104. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / под ред. В.А. Томсина (переизд. 1911 г.). М., Зерцало, 2003. 816 с.
105. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2011. 704 с.
106. Зорькин В.Д. Современный мир, право, Конституция. М.: Норма, 2010. 544 с.
107. Конституционный судебный процесс: учебник для вузов / отв. ред. М.С. Саликов. М.: Норма, 2004. 416 с.
108. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. 430 с.
109. Лившиц Р.З. Теория права. М.: БЕК, 1994. 224 с.
110. Нормография: Теория методология нормотворчества: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М.: Академический Проспект: Трикста, 2007. 560 с.
111. Радько Т.Н. Теория государства и права. М.: Академический проект, 2005. 811 с.
112. Тарановский В.Ф. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2001. 560 с.
113. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права / вступ. ст. Г.Г. Бернадского. СПб.: Лань, 1998. 224 с.
114. Фалькович М.С. Пересмотр судебных актов арбитражного суда по вновь открывшимся обстоятельствам // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 1; Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. В.В. Яркова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005.
115. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: в 2 т. М.: Юридический колледж МГУ, 1995. 308 с.

116. Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе // Советское государство и право. 1955. № 5. С. 3–16.

117. Александров С. В., Бурдина Е. В. Обобщение судебной практики как направление деятельности судов общей юрисдикции: понятие, значение, проблемы правового регулирования // Российское правосудие. 2010. № 5. С. 57–65.

118. Алексеев С.С. Право и правовая система//Правоведение.1980. № 1. С. 27-34.

119. Андрющенко М.Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Вып. 12. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. С. 45–46.

120. Анишина В.И. Решения российских судов в системе праворегулирования: некоторые проблемы теории и практики // Государство и право. 2007. № 7. С. 57–63.

121. Баринов В.М. Основные направления модернизации техники современного законотворчества в России»// Сборник тезисов докладов (по материалам Международной научно-практической конференции, г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.) / [редкол.: О.С. Ростова (отв. ред.) и др.]. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО: «Саратовская государственная академия права», 2011. С. 45–46.

122. Белкин А.А. Вопросы юридической силы решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 2. С. 21–24.

123. Богдановская И.Ю. Судебный прецедент и его эволюция// Законность. 2007. № 3. С. 45–46.

124. Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11(203). С. 5–17.

125. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие, содержание и форма судебной практики// Судебная практика в советской правовой системе. М.: Юридическая литература, 1975. С. 8–74.

126. *Вильнянский С. И.* Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР// Ученые записки Харьковского юридического института. Харьков, 1959. Вып. 13. С. 65–80.
127. *Волленко Н.Н.* Акты официального толкования в юридической практике Пленума Верховного Суда СССР// Вопросы теории государства и права: межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1976. Вып. 4. С. 156–172.
128. *Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М.* и др. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 5 (221). С. 5–25.
129. *Головня А.И.* Правовая политика современной России в зеркале социальных реалий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Тамбов: Грамота. 2011. № 6 (12). Ч. I. С. 39–45.
130. *Грось Л.А.* Единство судебной системы Российской Федерации как важная предпосылка единства и единообразия судебной практики // Концепция развития судебной системы и системы добровольно-принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: материалы Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, 20–23 апреля 2007 г.). СПб., 2007. С. 50–57.
131. *Дикарев И.С.* Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий//Государство и право. 2008. № 2. С. 48.
132. *Жуйков В.М.* К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2008. С. 16–23.
133. *Жуйков В.М.* Роль разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики и защиты прав человека // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда

Российской Федерации по гражданским делам. М.: Норма, 2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

134. *Иванов А.А.* О путях повышения эффективности правосудия // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 53–55.

135. *Казаков В.Н.* Факторы, влияющие на эффективность законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

136. *Козлихин И.Ю.* Право, закон и власть в современной России // Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / сост. В.Г. Графский. М.: Норма, 2006. С. 66–67.

137. *Комкова Г.Н.* Законотворческая политика субъектов Российской Федерации: проблемы теории и практики// Сборник научных статей по итогам работы круглого стола. Пенза: Изд-во ПГУ, 2010. С. 81–85.

138. *Котелевская И.* Взаимодействие властей в законотворчестве: разногласия и поиски компромисса // Проблемы парламентского права России: сборник статей / под ред. Л. Иванова. М.: Изд-во МОНФ, 1996. С. 68–69.

139. *Крашенников П.* Роман с юридическим лицом. URL.: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 04.04.2016).

140. *Лазарев Л.В.* Некоторые спорные вопросы теории и практики конституционного правосудия // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 2.

141. *Лебедев В.М.* Судебная практика и развитие законодательства// Законодательство России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции. М.: Юрист, 2002. С. 42–43.

142. *Лившиц Р.З.* Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М.: Норма, 1997. С. 3–15.

143. *Мазуренко А.П.* Стратегия законотворчества и правотворческая политика: проблемы соотносимости // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2007. № 2. С. 73–74.

144. *Макарова О.В.* Применение судами Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров при рассмотрении уголовных дел // «КОНТРАКТ», «ИНФРА-М», 2013. URL: <http://www.center-bereg.ru/o1116.html> (дата обращения: 28.10.2014).
145. *Максимова Н.А.* Судебная практика как источник гражданского права // Адвокатская практика. 2003. № 4. С. 25–27.
146. *Малько А.В.* Правовая политика и российское законодательство XXI века // Законодательство в России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции. М.: Городец-издат, 2002. С. 35–37
147. *Мартынчик Э., Колоколова Л.* Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике// Российская юстиция 1994. № 12. С. 20–26.
148. *Мкртумян А.Ю.* Судебная практика как источник гражданского права России // Гражданское право. 2008. № 4. С. 10–13.
149. *Муромцев С.А.* Суд и закон в гражданском праве // Юридический Вестник. 1880. Кн. 11. С. 377–393.
150. *Орлова Н.Ю.* Организационные мероприятия обеспечения единства судебной практики мировых судей: мероприятия информационного характера // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12. Ч. I. С. 139–144.
151. *Орловский П.* Значение судебной практики в развитии советского гражданского права // Советское государство и право. 1940. № 8–9. С. 96.
152. *Попова Ю.А.* Функции высших судебных инстанций по формированию единства судебной практики // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. С. 447–450.

153. *Романец Ю.В.* Роль правоприменения в утверждении справедливости // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 66–70.
154. *Сенякин И.Н.* Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 127–130.
155. *Сенякин И.Н., Телегина В.А.* К вопросу о социально-правовой ценности российского правосудия // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 3. С. 12–16.
156. *Соловьев В.Ю.* Понятие судебной практики // Законодательство и экономика. 2002. № 12. С. 33–36.
157. *Страшун Б.А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционному Суду РФ — 10 лет. URL: <http://www.concourt.am/hr/ccl/vestnik/4.14-1.15/contents.htm> (дата обращения: 20.10.2013).
158. *Султанов А.Р.* Правовая определенность в надзорном производстве Гражданского процессуального кодекса РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. 2007. № 5. С. 30–39.
159. *Тихомиров Ю.А.* Закон: притязания, стабильность, коллизии // Законодательство России в XXI веке: по материалам научно-практической конференции (Москва, 17 октября 2000 г.). М.: Городец-издат, 2002. С. 8–14.
160. *Фалькович М.С.* Пересмотр судебных актов арбитражного суда по вновь открывшимся обстоятельствам // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 1. С. 22–28.
161. *Фокина М.* Пути совершенствования надзорного производства // Эж-Юрист. 2007. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
162. *Шебанов А.Ф.* Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. 1971. № 12. С. 30–38.
163. *Ярков В.В.* Конституция Российской Федерации и правосудие // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 13–22.

Диссертации и авторефераты диссертаций

164. *Воробьева С.А.* Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 31 с.
165. *Зелепукин А.А.* Проблемы эффективности российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 17 с.
166. *Коростелкина О.Н.* Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 20 с.
167. *Коршиков И.В.* Принцип гуманизма в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 189 с.
168. *Краснослободцева Н.К.* Роль основ российского законодательства в правотворчестве субъектов Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 28 с.
169. *Мадьярова А.В.* Место и роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2001. 26 с.
170. *Минюк Н.В.* Правовая политика как фактор повышения качества законодательства в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. 31 с.
171. *Попов О.В.* Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 221 с.
172. *Салихов А.И.* Законотворческий процесс и источники права в Российском государстве: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 19 с.

Интернет-ресурсы

173. URL: <http://www.bibliotekar.ru/teoria-gosudarstva-i-prava-5/151.htm>
(дата обращения: 10.03.2012).

174. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin/> (дата обращения: 01.02.2013).

175. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/news/?id=788> (дата обращения: 15.08.2015).

176. URL: *Мамаев А.Н.* Проблемы обеспечение единства судебной практики в арбитражном процессе. URL: <http://www.svem.ru/blog/publication/63.html/> (дата обращения: 04.04.2011).

177. URL: http://www.svem.ru/blog/publication/63.html#_ftn2/ (дата обращения: 09.03.2011).

178. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=27772> (дата обращения: 04.06.2015).

179. URL:<http://www.gosduma.net/systems/law/?periodType=year&periodValue=2015§ion=13&type=federal> (дата обращения: 06.01.2016).

180. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/27/kontrakti.html> (дата обращения: 25.06.2015).

181. URL:<http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/stat.nsf/ViewReg/DA95150AC18DDD5243257F36000363C9?OpenDocument> (дата обращения: 25.12.2015).

182. URL:[http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/812001AA8FC20C7E43257C3F00456A82/\\$FILE/407146-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/812001AA8FC20C7E43257C3F00456A82/$FILE/407146-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 21.09.2015).

183. URL: http://e.berator.ru/enc/enn/10/40/60/?uid=189073&vk_links (дата обращения: 05.01.2015).

184. URL: <http://oblsud.sar> (дата обращения: 28.03.2016).

185. URL: http://slovarus.info/rus_ef.php?id=%E5&pg=2 (дата обращения: 25.01.2015).

186. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank> (дата обращения: 01.04.2016).

187. URL:http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/gosudarstvennoe-stroitelstvo-i-pravo/sposoby-vliyaniya-sudebnoy-praktiki-na-pravotvorchestvo-boshno-s-v/?ELEMENT_CODE=sposoby-vliyaniya-sudebnoy-praktiki-na-

pravotvorchestvo-boshno-s-v&SECTION_CODE=gosudarstvennoe-stroitelstvo-i-pravo&PAGEN_1=2 (дата обращения: 17.04.2016).

188. URL: <http://blog.pravo.ru/blog/theory/3363.html> (дата обращения: 15.08.2015).